
АНДРЕЙ СЕДЫХ
ЗЕМЛЯ
ОБЕТОВАННАЯ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

Старый Париж. — Изд. Я. Поволоцкого, Париж, 1926 г. С иллюстрациями Б. Гроссера. Распродано.

Монмартр. — Изд. Я. Поволоцкого. Париж, 1927 г. С иллюстрациями Б. Гроссера. Распродано.

Париж ночью. — Изд. «Москва», 1928 г. С предисловием А. И. Куприна. Обложка Ал. Яковлева. Распродано.

Там, где жили короли. — Изд. Я. Поволоцкого. Париж, 1930 г. Распродано.

Там, где была Россия. — Изд. Я. Поволоцкого, Париж, 1931 г. Распродано.

Люди за бортом. — Изд. О. Зелюка, Париж, 1933 г. Распродано.

Дорога через океан. — Изд. «Нового Журнала», Нью-Йорк, 1942 г.

Звездочеты с Босфора. — Изд. «Нового Русского Слова», Нью-Йорк, 1948 г. С предисловием И. А. Бунина. Обложка Р. Ван-Розена. Распродано.

Сумасшедший шарманщик. — Нью-Йорк, 1951 г. Обложка Л. Михельсона.

Только о людях. — Нью-Йорк, 1955 г. Издание «Нового Русского Слова».

Далекие, близкие. — Воспоминания. Нью-Йорк, 1962 г. Второе издание.

Замело тебя снегом, Россия. — Рассказы. Очерки «Под небом Испании». Издание «Нового Русского Слова», Нью-Йорк 1964 г.

На обложке-репродукция картины
Мане-Каца «Иерусалимский хасид».
Оформление обложки — Маргарита Гарвина

АНДРЕЙ
СЕДЫХ

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Так говорит Господь-Бог: Я соберу вас из народов, и возвращу вас из земель, в которых вы рассеяны: и дам вам Землю Израилеву.

Иезекиил (Гл. 11, 17)

Не бойся, ибо Я с тобою; от востока приведу племя твое и от запада соберу тебя.

Северу скажу: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли.

Исайя (Гл. 43, 5-6)

Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; ...ибо пробьются воды в пустыне и в степи потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля — в источники вод.

Исаия (Гл. 35, 1-6-7)

ТЕЛЬ АВИВ

В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА паломничество ко Святым Местам продолжалось месяцы, иногда годы. Плыли на кораблях, от острова к острову, ждали попутных ветров, уходили от преследований пиратов... Завидев, наконец, берега Земли Обетованной, паломники падали на колени и, проливая слезы радости, благодарили Господа, давшего им узреть врата Сиона.

У современного паломника нет времени. Его полет безостановочный, он имеет в своем распоряжении двадцать один день. Только что был семихолмный Рим, потом промелькнула выжженная солнцем Калабрия, берега каменистой Сицилии, просторы лазуревого моря, и вот внизу уже возникает город, построенный на дюнах. Тысячи квадратных коробочек-домов. Тель Авив, врата современного Сиона.

Над зданием аэропорта развивается бело-голубой флаг со щитом Давида... Где же волнение, которое обычно охватывает человека, впервые попавшего в Израиль? Очень странно, в первый момент волнения этого я не испытал. Волнение пришло позже, оно наростало с каждым днем, по мере того, как Израиль открывался предо мной. Я испытывал его перед древними стенами

Иерусалима, в апельсиновых рощах, любовно насаженных руками поселенцев, в цветущих кибуцах, в бескрайних песках Негева, в пустыне, которую вода и упорный труд возвращают к жизни. А пока, в первый момент, я глядел на все широко раскрытыми глазами и недоверчиво спрашивал самого себя: неужели этот рослый блондин с голубыми глазами, в полицейской форме, просматривающий паспорт — еврей?

— Шалом, — говорит полицейский, возвращая паспорт.

Шалом означает — мир, но это и приветствие, и словом этим будет встречать меня каждый израильтянин. Не успеваю ответить, как бородатый носильщик в ермолке подхватывает чемоданы и в одно мгновение проводит меня через таможенный контроль, — прямо в объятия встречающих друзей... Никто из прилетевших на самолете не молится, никто не плачет и не целует землю. Эффект сорван. Паломников больше нет, есть только туристы.

Что же, будем смотреть по сторонам... Первое впечатление: сколько зелени! Почему то с детства палестинская земля представлялась голой пустыней, выжженной солнцем, нагромождением камней.

От Галгала до Газы, — сказал проводник, —
Край отцов ныне беден и дик
Иудея в гробах. Бог раскинул по ней
Семя пепельно-серых камней.

Это написал в молодости Бунин, и эти пепельно-серые камни запомнились на всю жизнь. Где они? Вокруг, от аэродрома Лидды до Тель Авива, раскинулись

апельсиновые рощи, лесные насаждения, распаханные черноземные и красноземные поля. Позже увижу я и камни, и голую пустыню, и пески, но первое впечатление от Израиля радостное: любовно возделываемый, цветущий сад. Так, верно, выглядела земля ханаанская в библейские времена.

Дорога от аэродрома Лидды до города короткая. В Израиле все дистанции невелики, все рядом, по соседству. В Тель Авив въезжаем через старые, полуразрушенные кварталы Яффы. В 1948 году, во время войны за Независимость, на этих улицах шли ожесточенные бои. Стены домов до сих пор носят следы пуль и снарядов.

— Это «пограничный» квартал, — показывают мне друзья. Здесь арабы стреляли по евреям и погибло не мало людей... Когда солдаты Хаганы сломили сопротивление и ворвались в город, семьдесят тысяч арабов бежали.

Весь «пограничный» квартал, который разделял когда то арабскую Яффу и еврейский Тель Авив, теперь лежит в развалинах. Скоро на месте его появятся новые улицы, парки и отели.

Яффа существует тысячелетия. Трудно представить себе место более восточное и романтическое. Позже мы вернемся сюда, часами будем бродить по шумным базарам, сидеть в кофейнях за чашечкой арабского кофе с каймаком, бродить по узким улочкам, любоваться бесчисленными минаретами... А пока машина осторожно выбирается из лабиринта и въезжает в Тель Авив, «метрополис» современного Израиля.

* * *

Принято критиковать Тель Авив. В нем нет ни старины, ни красоты. Город рос так быстро, что его не успели запланировать, не успели создать садов и парков. Но это город с широкими улицами, усаженными деревьями, с отлично построенными домами европейского типа, со всеми удобствами, с современным комфортом. Правда, рядом с роскошными отелями на берегу моря еще можно увидеть лачужки первых поселенцев, не желающих выезжать с насиженных мест, хотя им давно предлагают отличные квартиры в городе. Через несколько лет лачужки эти исчезнут, как исчезли совсем «маабароты» — временные лагеря, палатки и деревянные бараки, в которых размещали когда то новоприбывших и еще неустроенных иммигрантов.

По сравнению с другими израильскими городами, существовавшими еще в библейские времена, Тель Авив лишен, конечно, красоты древности. Но это — город молодой, динамичный, бесспорно духовный и культурный центр страны.

Необычайна короткая история Тель Авива. В 1909 году на этом месте были лишь песчаные дюны и голые обнаженные пляжи. Существовала только Яффа: 80.000 жителей, из них 25.000 евреев. Шумные, грязные улицы, дома без проточной воды, без электричества. Вечные эпидемии... В конце концов, шестьдесят еврейских семейств решили поселиться в новом месте, за пределами зловонного города, на берегу моря. Купили тридцать два акра песчаных дюн и в один прекрасный день отправились закладывать новый город. У строителей бы-

ло несколько лопат и одна тачка... Сохранилась фотография этой церемонии. В центре группы — Меир Дизенгоф, в белых брюках, в узком, двубортном пиджаке. Рядом с ним бородатые интеллигенты в пенснэ, а вокруг — пустыня, пески... Дизенгоф сказал приличествующую случаю речь и в порыве красноречия «перехватил»: предсказал, что когда-нибудь на этом месте будет город с 25.000 жителей.

Первые поселенцы жили долгое время в деревянных домиках, слушали по ночам вой шакалов в пустыне и, вспоминая слова своего мэра, подсмеивались над его предсказанием. Дизенгоф, действительно, ошибся: в Тель Авиве теперь не 25.000, а 400 тысяч жителей, и Тель Авив («Весенний холм») давно поглотил старую Яффу.

За полвека старые дома Тель Авива порядком износились и поблекли. Но непрерывно растут новые кварталы современной архитектуры. Больше размаха, ярче краски, шире обязательные в каждой квартире террасы и балконы. В душные летние вечера никто не остается внутри. Люди отдыхают и едят на балконах или отправляются гулять на берег моря, вдоль которого тянется прекрасный бульвар и парки. Под вечер парки эти полны играющими детьми, которые весело, как птицы, щебечут на самом древнем языке мира.

Позже, когда наступает ночь, центр гулянья переносится на улицу Дизенгофа, тель-авивский вариант Пикадилли и Таймз Сквера. Ярко освещенные террасы кафэ переполнены. За стаканом чаю или чашкой кофе можно просидеть весь вечер, разглядывая непрерывно движущийся поток людей. В кафэ Кассит собираются

артисты, художники, писатели. На соседней террасе сидят больше солидные, семейные люди. Сколько молодежи прогуливается в субботу вечером по улице Дизенгофа! Проходят стройные, прелестные девушки; группами идут молодые люди, — все в белых рубашках, с открытой шеей, крепкие, здоровые, бодрые. Это — новое поколение. «Сабры»* высоки ростом, широкоплечи, — это особая порода людей. Они самоуверенны, манеры их не отличаются особенной изысканностью, но они — строители Израиля, защитники страны, ее будущее. Такой молодежи не увидишь ни в Европе, ни в Америке. Они прочно стоят двумя ногами на земле. В среде их не найдешь ни «битников», ни стиляг, ни неврастеников. Здесь нет страха и неуверенности в будущем, нет неразрешимых вопросов. Это поколение не знает гетто, процентных норм, ограничений, антисемитизма. Здесь — дом, и каждый из них чувствует себя в этом доме хозяином и ответственным за его судьбы. Один политический деятель Израиля объяснял мне:

— Поймите: у нас нет беженцев или иммигрантов. У нас есть только граждане. Израиль не транзитная страна. Здесь кончаются скитания еврейского народа. Это — конечная станция.

Еврейский народ... Что, собственно, составляет это понятие? Историческая, религиозная идея? Израильский закон признает евреем всякого, кто родился от еврейской матери. Нет, это не ответ... Принадлежность к иудейской религии? Но в Израиле есть сотни тысяч людей, религии не исповедующих, и они — евреи, и

* Сабра — плод кактуса. Колючий снаружи, сладкий внутри. Сабрами называют людей, родившихся в Израиле.

никому не придет в голову оспаривать их принадлежность к еврейскому народу. За последние 17 лет, с момента основания израильского государства, еврейство автоматически раскололось: есть евреи в «диаспоре», т.е. «в рассеянии» и есть израэли. Но не ищите в толпе, на улице Дизенгофа, какой-то общий «израильский тип». Вы увидите русских евреев, французских, немецких, алжирцев и марокканцев, смуглых йеменитов, аскетических индусов, бухарцев и афганцев. Они — русские евреи, алжирские, индусские, и все они — израэли.

В Израиль они вернулись после почти двухтысячелетнего изгнания из всех стран мира, и за годы пребывания своего в «диаспоре» многие ассимилировались не только духовно, но приобрели и характерные физические черты тех народов, среди которых они осели. Откуда взялись эти белокурые, голубоглазые евреи арийского типа и как отличить йеменита от настоящего араба? Но несмотря на всю эту пестроту, на смешение «двунадесяти языков», в Израиле сейчас выковывается новая, единая нация, которая через несколько десятилетий будет говорить на одном языке, воскрешенном языке Библии, на котором уже сегодня говорят все дети школьного возраста и все сабры, т.е. рожденные в Израиле молодые люди.

Терраса тельавивского кафэ, это — настоящая школа языков Берлица. Рядом со мной расположилась большая группа алжирских евреев. Говорят они по французски. За нашим столиком звучит русская речь.

Рядом говорят по немецки. Но вот компания израильских девушек и юношей, распивающих фруктовые соки (в Израиле спиртные напитки не пользуются успехом и за все время пребывания в стране я не видел ни одного пьяного). Как странно, по восточному, звучит для непривычного уха их гортанная речь — иврит! Люди старшего поколения в Израиле говорят и понимают по русски и на этом языке часто говорят и их дети, никогда в России не жившие.

Старые русские сионисты первой и второй «алии» (иммиграции) считаются в Израиле своего рода аристократией. Это были люди высоких идеалов, готовые на любые жертвы, ничего для себя лично не искавшие. Они ехали в Палестину из русских и польских городов и местечек в конце прошлого века и до первой Мировой войны, до тех пор, пока еврейство восточной Европы не было отделено от свободного мира железным занавесом. Они устраивали первые кибуцы, осушали болота долины Эмек, боролись с малярией, прокладывали дороги, насаждали апельсиновые рощи и леса.

Прототипом идеалиста-халуцника можно считать Иосифа Трумпельдора, человека неслыханного мужества, который потерял левую руку в русско-японскую войну и отдал свою жизнь за еврейскую Палестину 29 февраля 1920 года, при защите от арабов поселения Тель Хай.

В. Е. Жаботинский в своем «Слове о полку» рассказал, как Трумпельдор мечтал о создании трудовой армии для возрождения Палестины.

— Нам понадобятся люди, готовые служить «за все», заявил Трумпельдор. Все, чего потребует Пале-

стина... Металл, из которого можно выковать все, что только понадобится для национальной машины. Не хватает колеса? Я-колесо. Гвоздя, винта, блока — берите меня. Надо рыть землю? Рою. Надо стрелять, идти в солдаты? Иду. Полиция? Врачи? Юристы? Учителя? Водоносы? Пожалуйста, я за все. У меня нет лица: я — чистая идея служения, готов на все, ни с чем не связан; знаю только один императив: строить...

Таковы были первые строители Палестины. Сколько нужно было мужества, чтобы отказаться от культурной городской жизни, сесть на землю, оберегать дома от набегов арабов! Сколько было самоотверженности у таких людей, как ныне здравствующий доктор М. Я. Шерман, или покойный доктор Н. И. Шимкин, чтобы поселиться в начале этого столетия в арабской холерной Яффе и начать лечить и арабов, и первых еврейских поселенцев... О русском еврействе и его роли в Израиле со слезами на глазах говорил мне министр народного просвещения Залман Аранн. А в Тель Авиве я видел создателя еврейского государства, бывшего премьера Бен Гуриона, и с какой грустью сказал он мне:

— Как нам сейчас не хватает русских евреев!

В дальнейшем я расскажу о замечательных школах и университетах Израиля, о его музеях, о кибуцах и новых городах, возникающих в пустыне, о необычайной тяге еврейского народа к культуре и знанию. Это — впечатления первых дней в Тель Авиве. Помню, как сразу бросилось мне в глаза обилие книжных магазинов. В Америке, на каждом бойком углу стоит «дрог-стор». В Израиле «дрог-стор» заменяет книжный магазин, и торгуют в этих магазинах только книгами и жур-

налами, а не мороженым и сандвичами. Во многих домах побывал я в Израиле. Чем бы не занимался человек, был он богатым или бедным, всегда, в каждом доме, на почетном месте видел я книги, книжные полки, библиотеки. В квартире Бен Гуриона три просторные комнаты второго этажа превращены в библиотеку — 5 000 томов! Книги от пола до потолка, лучшие комнаты для книг, а сам он спит в маленькой комнатке, скорее в каком-то алькове. В доме бедного кибуцника, которому лично не принадлежит даже стул, на котором он сидит, всегда есть несколько полок с книгами, — единственной его личной собственностью. И как гордятся израэли своими книгами, с какой любовью подбирают и покупают их!

Конечно, Тель Авив — это не только библиотеки, театр «Габима» или концерты Филармонии, в которых выступают солисты с мировыми именами. Это — трудовой город, в котором все просыпаются на рассвете. В 7 часов утра люди уже на работе. День начинается рано, потому что в жаркие часы, как во всех южных странах, работа прерывается для сиесты, или вообще кончается в 2-3 часа дня, чтобы дать возможность людям провести вторую половину дня с семьей. Это — большой торговый и промышленный город, с многочисленными фабриками и заводами. Новая страна во всем нуждается. Все нужно — и водопроводные трубы и стекло, и фосфаты, и медикаменты, и платье, и мебель, и строительные материалы. И все это производится, непрерывно возникают новые предприятия и по мере того, как растет население (увеличившееся за 17 лет

почти в 4 раза, с 650.000 до 2.500.000 человек* растут потребности рынка и их надо удовлетворять.

— По настоящему, говорили мне в Израиле, — нам нужны не деньги, а люди. У нас не хватает рабочих. Как жаль, что у израэли только две руки, а не три, как у индийских богов.

Прошло время военных ограничений, недоедания, недостатка в самом необходимом, Израиль живет сегодня жизнью нормальной. Утверждают даже, что молодая страна живет не по средствам. Конечно, много денег вливается из Соединенных Штатов; около миллиарда получил Израиль от германских репараций. «Цена крови» оказалась не слишком высокой, но она спасла Израиль вместе со щедрой американской помощью, — от тяжкого экономического кризиса и, фактически, обеспечила существование страны в критический период ее истории. Деньги были использованы разумно: построили жилища для иммигрантов, школы и больницы, создана была промышленность, развили земледелие, покрыли страну сетью дорог. Напряженное положение на границах Израиля заставляет расходовать громадные суммы на вооружение армии. По данным «Британского Института Стратегических Наук», в 1964 году Израиль израсходовал на оборону 271 миллион долларов, 10.7 проц. всего годового национального до-

---

* По данным Израильского статистического бюро в Израиле к концу 1964 г. население составляло 2.525.600 человек. Из них 2.239.200 евреев и 286.400 арабов и друзов.

Средняя продолжительность жизни в Израиле одна из самых высоких в мире: для мужчин 70 лет, 2 месяца и одна неделя, для женщин 72 года, 10 месяцев и 3 недели.

хода. Военное бремя Израиля, пропорционально, самое тяжелое в мире. Ничего не поделаешь, — маленький Давид должен держать в страхе арабского Голиафа.

⁂

Тель Авив живет интенсивным темпом. Облик его постоянно, из года в год, меняется. Было время, когда это был город чисто европейского типа с несомненным немецким отпечатком, который наложили на него беженцы из гитлеровской Германии. Но за последние десять лет состав населения изменился. Из Алжира, Марокко, Туниса, Ливана, Иемена, и Ирака в страну прибыли сотни тысяч восточных иммигрантов, совершенно отличных по характеру, образу жизни и нравам от европейского еврейства, положившего основы Израиля.

Европейские евреи принесли с собой личную инициативу, большие технические знания, политический опыт, веру в свободное, демократическое общество. Восточные евреи привыкли к патриархальному образу жизни. В большинстве случаев это были ремесленники, мелкие торговцы, люди, привыкшие испокон веков гнуть спину перед представителями власти. Основатели еврейского государства трудились над созданием культурной передовой страны. Внезапно в страну эту влилось громадное население, чуждое самым элементарным основам культуры. Этих людей надо было одеть, накормить, дать им жилище, работу, научить гигиене, грамоте, языку.

В Израиле сейчас свыше 150.000 иеменитов. Эти евреи почти два тысячелетия были оторваны от осталь-

ного еврейства, но каким то чудом сохранили веру и свой древний язык. Многие из них никогда до приезда в Израиль не видели автомобиля, не знали о том, что существует электричество. Из молитв, которые заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение, они знали, что когда нибудь они вернутся в Землю Израилеву «на крыльях орла» (Исход, 19:4). И вот пришел момент нового исхода. Йеменитские евреи двинулись в дальний путь, пешком, через пустыню, в сторону Адена. Здесь ждали их «крылья орла» — американские самолеты «Скаймастеры», на которых через восемь часов измученные и потрясенные люди были доставлены в Землю Обетованную... У иеменитских евреев не было решительно ничего, весь убогий скарб у них отняли в Иемене. Они привезли с собой только древние свитки Торы.

В Израиле произошло новое чудо. Эти люди, отставшие от современности на тысячу лет, очень быстро освоились и оказались превосходными, полезными гражданами. Они отличные работники, честные люди, прекрасные евреи. В Израиле иемениты пользуются всеобщим уважением. Иеменитский опыт показал, насколько необоснованы опасения, что Израиль может расколоться на «две расы», на западных и восточных евреев. В Риме, в июле 1965 года, на конгрессе ОРТА, я слышал замечательную речь члена Кнессета (парламента) Элиашара, посвященную расовой проблеме в Израиле:

— У нас нет и не может быть граждан второго разряда, — говорил он. — У нас нет расовой проблемы. У нас есть только проблема народного образования.

И несколько дней спустя, в Иерусалиме, министр

народного просвещения Залман Аранн, в двухчасовой беседе еще больше заострил эту мысль: равноправные израильские граждане выйдут из израильской школы. Когда дети немецких, польских и иеменитских иммигрантов будут говорить на одном языке — иврите — так называемая «расовая» проблема в Израиле навсегда исчезнет.

Для этого нужно время и терпение. Вся беда в том, что израэли — очень нетерпеливый народ. Люди, потерявшие две тысячи лет, не желают больше терять ни одного дня.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРОК: ДАВИД БЕН ГУРИОН

В ИЗРАИЛЬ я приехал в самый разгар политической борьбы. Старый «лев Иудеи» Бен Гурион, два года назад внезапно ушедший от власти, также внезапно бросил вызов своей собственной партии «Мапай» и человеку, которого он сам сделал премьер-министром.

Бен Гурион стал при жизни легендой. Я встречал людей, которые считают его последним еврейским пророком; другие серьезно уверяли меня, что он потерял рассудок. Политическая биография этого человека содержит элементы пророчества и безумия. Самые важные решения в своей жизни он принимал против мнения большинства и, в конечном счете, оказывался прав. Что же заставило 78-летнего Бен Гуриона порвать с партией, которую он создал, с политическими и личными друзьями и начать последнюю свою борьбу, исход которой представляется весьма сомнительным? Личные амбиции? Жажда активности? Или вера в свою мессианскую роль в истории израильского государства?

Отставка Бен Гуриона два года назад была принята, как жест Цинцинната, уходящего на свои земли. Человек, провозгласивший независимость Израиля, раз-

бивший арабские армии, хотел окончить жизнь в кибуце, в пустыне Негева, за чтением Платона... Когда то, в молодости, он был «кибуцником», стриг овец, и теперь, на склоне лет, кибуц Сде Бокер принял его в свою среду. Так как каждый в кибуце имеет свое назначение и свою работу, Бен Гуриона зачислили пастухом.

Борьбу он начал с заявления, что премьер-министр Леви Эшкол не оправдал возложенных на него надежд. Нужно дать дорогу молодым, — для Бен Гуриона нет ни малейшего сомнения в том, что именно он представляет молодое поколение Израиля. Избирательная реформа, требование возобновить злополучное и набившее всем в Израиле оскомину дело Лавона, «мобилизация» учителей для увеличения числа школ, — таковы главные пункты программы восставшей против своей партии группы Бен Гуриона.*

---

* Дело Лавона с 1954 года отравляет политическую атмосферу Израиля. Блестящий оратор, б. ген. секретарь Гистадрута и ближайший сотрудник Бен Гуриона, Лавон был министром Национальной Обороны, когда раскрылась весьма темная история: израильские агенты организовали в Египте «группу», которая поставила своей целью взорвать здание Американского Культурного Центра и кинематограф, где показывали холливудские фильмы. Предполагалось, что эти террористические акты испортят американско-египетские отношения.

Кто дал приказ организовать «группу», которая провалилась, не осуществив ни одного из задуманных ею актов? Бен Гурион обвиняет в этом Лавона. Комиссия из 7 министров Лавона реабилитировала. Ответственность за весь план была возложена на начальника «секретной службы» военного министерства, который был осужден.

В 1964 году Бен Гурион снова и безуспешно пытался открыть досье Лавона.

Дальнейшие события известны: Бен Гурион заявил, что на предстоящих выборах он выступит с собственным списком кандидатов. После чего старый вождь и несколько его единомышленников оказались под угрозой исключения из партии «Мапай». Разрыв окончательный. Страна внезапно раскололась на два лагеря: сторонников и противников Бен Гуриона, при чем всем было совершенно ясно, что получить большинство на выборах Бен Гурион не может. Популярность его велика не в партийной среде, а среди массы новых иммигрантов, среди алжирских, марокканских и иеменитских евреев. В политической обстановке они разбираются плохо, но легендарное имя Бен Гуриона заменяет им любую политическую программу.

На большинство в будущем парламенте он и не рассчитывал. Но новая партия надеялась получить в Кнессете 15-20 мандатов, и этого было бы достаточно, чтобы сделать нынешнюю правительственную коалицию невозможной и заставить Эшкола подать в отставку. Расчеты Бен Гуриона не оправдались. На выборах в октябре 1965 г. основанная им партия «Рафи» получила всего 10 мандатов. В результате выборов позиция премьер-министра Леви Эшкола только окрепла.

В эти летние дни 1965 г., предшествовавшие выборам, в Израиле не осталось нейтральных людей. Я встречал политических деятелей, которые не стеснялись называть Бен Гуриона «предателем». Один из ближайших его друзей сказал со вздохом, что старик, конечно, неправ, но что можно с ним поделать?

— Я не могу бросить его в такую минуту!

А простой рабочий человек, сабра в третьем поколении, с которым я говорил о Бен Гурионе, сказал:

— Он для меня — отец Израиля. Я боготворил и боготворю этого человека. Но сейчас он неправ и причиняет стране страшный вред. И я буду голосовать против Бен Гуриона.

Это слышал я потом в разных вариантах, от разных людей.

Повидать Бен Гуриона в дни кризиса оказалось делом не легким. С утра до ночи в Тель Авиве и в Иерусалиме шли политические совещания. Бен Гурион ежедневно где то выступал с речами, писал статьи, принимал делегации, вербовал сторонников, громил Эшкола и членов правительства.

Но однажды вечером в дом друзей, А. А. и М. М. Шерман, у которых я жил, зашел человек, бывший в течение ряда лет директором кабинета Бен Гуриона и его правой рукой. Тэдди Коллека знает весь Израиль. Знают его и в США, где он занимал несколько лет дипломатический пост в Вашингтоне. Оставшись после ухода Бен Гуриона не у дел, он создал и построил Иерусалимский музей, который был открыт этой весной. Музеем этим могло бы гордиться любое государство в мире.

Тэдди Коллек живет в Иерусалиме, мэром которого он стал в результате выборов, осенью 1965 года. Дом его напоминает одновременно публичную библиотеку и археологический музей. Никогда ни у одного частно-

го коллекционера не видел я подобного собрания старинного стекла, античных статуэток, бронзовых и медных украшений, найденных при раскопках на Среднем Востоке.

Из Иерусалима он выезжает ежедневно в 5 часов утра в Тель Авив, в 7 появляется в своем бюро, работает весь день, а ночью выезжает обратно в Иерусалим, — полтора часа пути, единственное время, когда он не должен говорить по телефону и может выспаться. Перед отъездом он успевает повидать старых друзей, внезапно появляется, что то на ходу съедает и, так же внезапно, уезжает.

— Тэдди, — сказал Меир Шерман, — этот человек приехал в Израиль, чтобы увидеть Бен Гуриона.

Тэдди посмотрел на меня с упреком:

— Би Джи (близкие друзья и сотрудники называют Бен Гуриона на американский лад, по инициалам Би Джи), сейчас очень занят. И он не хочет беседовать с иностранными журналистами о политике и об избирательной кампании.

— Это меня не интересует, — сказал я. — Все, что Бен Гурион думает по этому вопросу можно прочесть в газетах. Интересует меня будущее Израиля. Об этом я и хотел с ним поговорить.

Тэдди Коллек встал, взял на дорогу фрукты из вазы, и сказал:

— Я сейчас зайду к Би Джи. Он живет по соседству. Постараюсь это устроить.

На следующий день мне сообщили, что Би Джи примет меня у себя дома, в субботу, в 10.30 утра.

***

Бен Гурион живет в скромном доме на бульваре Керен Кайемет. Должно быть, это одна из самых старых улиц Тель Авива, потому что деревья на бульваре пышно разрослись и дают много тени. Все знают, кто живет в этом сером, очень скромном по внешнему виду двухэтажном доме. Прохожие неизменно замедляют шаг и всматриваются в раскрытые окна, в которых колышутся от ветра белые занавески.

У входа в палисадник — полицейская будка. Полицейский в форме и молодой, коренастый парень, вероятно шофер и телохранитель, внимательно рассмотрели мою визитную карточку. Шофер справился и минуту спустя пригласил в дом. Мы поднялись на второй этаж, прошли через три большие комнаты, сверху до низу заставленные книгами. Книги были всюду, — в столовой, в коридоре. Это один из тех домов, где книги оставляют для хозяев очень мало места.

Бен Гурион сидел за столом, в своем кабинете, и писал статью или письмо на узкой полосе бумаги. Была суббота, день, когда правоверный еврей не возьмет в руки пера. Но Бен Гурион никогда не причислял себя к правоверным евреям. Человек этот соткан из противоречий. Глава антиклерикальной партии, он провел в Кнессете закон о соблюдении субботы; он дал раввинату исключительное право на совершение браков и разводов, — гражданского брака в Израиле не существует. Но старый социалист субботы не соблюдает и сам он женился в ньюйоркском Сити Холл гражданским браком. Рационалист и позитивист Бен Гурион безуко-

ризненно знает Библию и охотно ее цитирует. Библия для Бен Гуриона — это настольная книга, это история Израиля, его география, источник мудрости и столь свойственного его душе мистицизма.

— Шалом, — сказал он обычное в Израиле приветствие. — Шалом!

Рукопожатие было крепкое, голубые глаза блестели молодо и смотрели приветливо. Он очень низкого роста, гораздо ниже, чем я себе представлял. Лицо живое, почти веселое, розового цвета и, если бы это не звучало парадоксально, я сказал бы, что оно — типично еврейское. По обоим сторонам громадного, крутого лба и блестящей лысины, две пачки стоящих дыбом седых волос. Широкая, мускулистая шея открыта. Почему то вспомнились в эту минуту стихи: «Дядя Влас с раскрытым воротом...» Дядя Влас сразу заговорил по русски. Меня уверяли, что Бен Гурион, никогда в России не живший (он уехал из польского города Плонска четырнадцатилетним мальчиком), очень плохо говорит по русски. Это не так, он говорит стилистически правильно, свободно и точно выражает свои мысли, и лишь изредка должен подыскивать нужное слово.

Сначала мы говорили о Милюкове, об эмигрантской печати. Бен Гурион удивился, когда узнал, что «Новое Русское Слово» — самая старая русская ежедневная газета в мире: начала выходить в 1910 году, а «Правда» — в 1912. Удивило его и то, что в Америке так много русских, не забывших родной язык.

— Но ведь евреи не забыли свой язык и не ассимилировались в течение 2.000 лет, прожитых в «диаспоре»?

— Евреи — это явление особое, — сказал Бен Гурион. — В процессе ассимиляции они сохранили свой древний язык только потому, что это — язык Библии и язык молитв.

Я рассказал ему о староверах, которых А. Л. Толстая привезла из Турции. Прожив среди турок триста лет, они сохранили веру, язык и обычаи.

— Среди турок это возможно, — ответил Бен Гурион. — В Турции не легко ассимилироваться. В Америке — другое дело. Через триста лет потомки староверов станут чистокровными американцами и будут говорить только по английски.

Разговор перешел затем на тему, которая больше всего меня интересовала: как видит Бен Гурион будущее Израиля, окруженного со всех сторон врагами?

— Я охотно отвечу на этот вопрос, — сказал Бен Гурион — Может быть, я ошибаюсь. Вопреки довольно распространенному мнению, не всегда мои прогнозы оказываются правильными. Но я твердо верю, что Израиль будет развиваться духовно и экономически, и что население его составит 5 миллионов человек. Мы завоюем пустыню, изменим ее почву и ее климат. Большинство новых людей будут жить в нынешней пустыне.

— А как сложатся отношения Израиля с арабскими странами?

— Никто не может этого предсказать. Не в наших силах заставить арабов любить Израиль, но они будут нас уважать. Рано или поздно мир будет налажен. В конечном счете будущее арабско-израильских отношений зависит исключительно от общего международного положения. Арабы находятся не только в состоянии

войны с Израилем. Арабские страны воюют и друг с другом... Когда между Россией и Америкой установится неизбежное сближение, в которое я верю, и которому ничто не может помешать, на Среднем Востоке тоже воцарится мир. Россия эволюционирует, потребность в настоящей свободе там непрерывно увеличивается. Я не теряю надежды, что Россия станет демократией. И когда там установятся свобода и демократия — сближение с Америкой станет неизбежным. Тогда изменится и отношение СССР к Израилю.

Я спросил, надеется ли он, что двери России будут когда нибудь открыты для еврейской эмиграции в Израиль?

— Придет время, — сказал он. — Даже сейчас из СССР время от времени выпускают отдельных людей, желающих приехать в Израиль к своим родителям, братьям и сестрам.

Бен Гурион оживился, — судьба русского еврейства, с которым он был тесно связан всю жизнь, его явно волновала.

— Знаете, — сказал он, — я глубоко убежден, что России евреи не нужны. Все национальные меньшинства имеют в России автономию. Все, кроме евреев. Автономии евреи не имеют потому, что они не нужны России. Поглядите, что делается в Румынии. Румыны не желают иметь никаких меньшинств. Не только еврейского, вообще — никаких меньшинств. И они выпускают свои меньшинства из страны. Наступит момент, когда и из СССР начнут выпускать людей, которые пожелают оттуда уехать.

— Антисемитизм, — продолжал Бен Гурион, —

причиняет советскому правительству не мало неприятностей. Там очень чувствительны к тому, что думает мировое общественное мнение. Поэтому, неплохо вскрывать сущность советского антисемитизма и нужно открыто говорить о нем. Недавно в советской печати появилось письмо какой-то русской женщины, которая замужем за израэли. Она упомянула в письме слово «кибуц». Редактор советской газеты сделал примечание: «Кибуц — это место, где Израиль жестоко эксплуатирует рабочих»! Поезжайте в наши кибуцы и посмотрите, как там эксплуатируют рабочих! Но это пока советская официальная точка зрения. У меня есть вышедшие в издании Академии наук СССР две книги: «Библия» и «Талмуд». Это — антисемитские книги, а я в антисемитизме кое что понимаю и не плохо его узнаю. Вот, смотрите, у меня на полках стоит Большая Советская Энциклопедия. Почитайте, что в этой энциклопедии пишут об Израиле и евреях. Но все это может очень быстро измениться, когда изменится вся политическая ситуация.

Мы поговорили еще несколько минут, а затем я встал и начал прощаться.

— Надеюсь, вы оценили, что я не пытался получить у вас интервью о политическом положении в Израиле и не задавал вам вопросов о кампании Бен Гуриона?

— Вы хорошо сделали, — засмеялся Бен Гурион. — Я не ответил бы на ваши вопросы.

Выходя, я еще раз оглядел комнату. На полках стояли гипсовые репродукции греческих богов. За спиной Бен Гуриона, над его письменным столом, висел

большой портрет Эйнштейна, — у него были такие же седые всклокоченные волосы, как у Бен Гуриона.

***

Внизу, на первом этаже, меня поджидала жена Бен Гуриона. В Израиле все зовут ее Пола. О ней написаны книги, ей приписывают бесчисленное количество анекдотов. Дипломатического языка Пола Бен Гурион не признает. Она говорит всем в лицо то, что думает, и ее реплики передаются в Тель Авиве из уст в уста. Реплики эти иногда бывают беспощадными. И сама Пола Бен Гурион призналась израильской журналистке Мире Аврех:

— Если я кого не взлюблю, я уж этому человеку не завидую!

Пола — единственный человек на свете, которого Бен Гурион немного побаивается и которым она управляет твердой, диктаторской рукой. Всю жизнь она стряпала, убирала, стирала, стояла в очередях за продуктами и объясняла приятельницам:

— Бен Гурион совершенный ребенок. Если я не накормлю его, он забудет, что надо поесть...

Обедают они всегда на кухне. Когда к Бен Гуриону приходит американский посол, Пола оставляет его к обеду. На кухне появляется третий прибор. Посуду они моют поочередно: один день бывший премьер-министр, другой день его жена. Послу разрешают вытирать тарелки...

— Бен Гурион, жалуется Пола, любит мыть посуду.

Это его успокаивает. Может быть, это так. Но потом у меня уходит два часа, чтобы навести порядок на кухне!

Пола Бен Гурион ввела меня в гостиную, где стоял рояль и висело полотно Мане Каца, чудесные, яркие цветы. Посыпались вопросы: откуда я? Где жена? Почему у нас нет детей? Почему я не перееду жить в Израиль?

Жена не приехала, мы боялись слишком утомительного путешествия, и она привыкла к специальной диете, которую в дороге трудно соблюдать.

— Диета? — удивилась Пола Бен Гурион. — Я бы могла ей сварить курицу! Напрасно вы так беспокоитесь за жену... Я хотела, чтобы Давид беспокоился обо мне, но выходит наоборот. Ему некогда. Я должна скрывать свои болезни и думать только о нем...

Зазвонил телефон. Она ответила, поговорила минуту и вернулась к прерванному разговору:

— Ваша жена, может быть, просто не хотела приехать. Я тоже не хотела ехать сюда. Когда мне в колледже предложили изучать иврит, я сказала: «Для чего это мне?» А вот — пригодилось. Приезжайте к нам жить, и если у вас нет детей — я вам устрою хорошего ребенка, сможете усыновить.

Она уехала из России в Америку девятилетней девочкой, но вполне прилично говорила по русски. Расстались мы друзьями. На прощанье я сказал, что нашел Бен Гуриона молодым и очень бодрым.

Пола вздохнула и ответила:

— По моему, он слишком молодой. Я бы уже хотела, что бы он немного успокоился!

Полицейский открыл мне калитку. На бульваре Керен Кайемет проходили парочки, играли дети. Старые бородатые евреи в широкополых черных шляпах шли из синагоги. На мгновение они останавливались заложив руки за спину, смотрели в окна с белыми занавесками, покачивали головами и медленно шли дальше.

СТАРАЯ ЯФФА

Так случилось, что в первый же вечер по приезде в Израиль, друзья повезли меня в Яффу, в еврейский театр «Хамам». Название для театра выбрано не случайно, — помещается он в самой настоящей турецкой бане — хамаме, под банным куполом.

Должен признаться, что даже теперь здание это не утеряло своих основных качеств: такой жары, какая стояла в этот вечер в хамаме, я еще никогда в жизни не испытывал. Был я позже на Мертвом море, был на самом юге пустыни Негев, где температура доходила до 120 градусов. Все это оказалось сущим пустяком по сравнению с хамамом.

Шла какая то веселая музыкальная комедия на «идыш». Актеры были талантливые, пьеса пустяковая, но публика, наполнившая зал, сидела молча, напряженно, не пропуская ни одного слова, ни единой реплики. Не было ни взрывов смеха, ни аплодисментов. Слушали так, словно это был серьезнейший спектакль, высокое искусство... А я сидел и с удивлением думал: неужели за этим приехал я в Израиль? Ведь такую веселую оперетку можно услышать и на Втором Авеню в Нью-Йорке... По телу текли ручейки, рубаха давно прилипла к

спине, — турецкая баня, очевидно, была в полной исправности... Чем кончилась комедия, я так никогда и не узнаю. Мы ушли после первого акта и отправились бродить по ночным улицам Яффы.

Когда то это был арабский город, а теперь при населении в 100.000 осталось пять или шесть тысяч арабов. Почему они бежали из Израиля? С первого же дня войны за Независимость правительство Израиля гарантировало палестинским арабам личную безопасность и полное равноправие. Подчиняясь пропаганде бывшего гитлеровского сподвижника, иерусалимского Муфтия и своих вождей, опасаясь мести евреев, сотни тысяч людей бросили свои дома, земли, насиженные места и бежали в соседние страны.

Маленький Израиль за первые 17 лет своего существования принял и расселил 1.100.000 иммигрантов. Богатые арабские страны, имеющие сколько угодно земли, до сих пор держат палестинских беженцев в лагерях, где их кормят и содержат за счет Объединенных Наций. Правительства арабских стран не желают расселять беженцев, потому что громадные лагеря являются орудием политической борьбы против Израиля. А тем временем несчастные беженцы, отвыкшие от регулярного труда и значительно за эти годы расплодившиеся, находятся в ужасном моральном состоянии. Они могут позавидовать своим братьям по крови и по вере, оставшимся в Израиле, где стандарт жизни в два раза выше, чем в любой арабской стране.

Израильские арабы пользуются полной религиозной свободой и культурной автономией, учат детей в арабских школах и имеют своих судей «кади», которые

судят по мусульманским законам «Шариа». В Израиле есть города с арабским муниципалитетом, в Кнессете заседают депутаты-арабы, и арабы — равноправные члены мощного синдикального движения «Гистадрут»... Всего этого, конечно, не предвидели сотни тысяч людей, охваченных страхом, бежавших за своими лже-вождями. Заброшенные дома в Яффе были постепенно заняты новыми иммигрантами, пришельцами из Иемена, из Северной Африки, которые попали в привычную для них атмосферу Востока. К слову сказать, одним из сильных аргументов израильского правительства против принятия обратно палестинских беженцев является то обстоятельство, что сотни тысяч евреев были изгнаны из арабских стран, оставили там все свое имущество, дома и земли, и этих беженцев-евреев должен был принять и разместить у себя Израиль.

В Яффе снова появились восточные рестораны, где по ночам слышна заунывная музыка и где жарят на вертеле шашлык и большие куски баранины... Обед начинается с «хумуса» — растертого гороха с солью, перцем, оливковым маслом и лимоном. К хумусу подают арабские хлебные лепешки «питта» — тонкие, горячие, очень вкусные. Их рвут на куски и этими кусками «вылизывают» тарелку с хумусом. На улице, в кипящем масле жарят другое местное лакомство — «фелафель», тот же растертый горох, скатанный в шарики.

В темноте, на главной площади, высится башня Абдул Гамида. Рядом высокая каменная стена тюрьмы и самая большая в городе мечеть, выстроенная в 1810 году. Мечеть, а рядом с ней, в боковых улочках, старые синагоги, а поблизости, на площади, францискан-

ская церковь св. Петра. Так, отлично и в полном уважении друг к другу уживаются в Израиле все религии.

Не спроста воздвигнут в Яффе храм в честь св. Петра. Апостол Петр жил в этом древнейшем городе у Симона-кожевника и пробыл в его доме «довольно дней». Был дом Симона-кожевника «при море», по преданию на том самом месте, где теперь стоит яффский маяк в старой крепости... К маяку этому ведут узкие улочки. Арабские дома с крутыми лесенками вросли в толстые крепостные стены. Мы проходим под глубокими сводами. В амбразурах крепости глухо шумит совсем близкое море и где то внизу с грохотом разбивается прибой о стены башен.

Незабываема ночная прогулка вдоль стен крепости и по лабиринту арабских улочек... Многие дома теперь переделаны в жилища художников или в картинные галереи, а то и в ночные клубы. В других люди живут, как жили здесь в средние века, — разница только в том, что теперь в Яффе есть и проточная вода и электричество.

На самой вершине крепости разбит парк. Мы садимся на скамью и молча смотрим друг на друга: нет, этого не может быть в действительности! Это декорация восточной оперы или какого нибудь «Похищения из Сераля». Яркая луна освещает верхушки пальм. С одной стороны — минареты, с другой мелькает маяк, а впереди, куда хватает глаз, необъятный простор моря и в небе крупные южные звезды. Неправдоподобная, почти лубочная красота! И ко всему этому еще остро пахнут недавно политые цветы и громко, до самозабвения, звенят цикады.

Город этот существовал еще в незапамятные, доисторические времена. Сюда приходили караваны верблюдов из сердца черной Африки. Через Яффу доставляли морем кедры ливанские, которые нужны были царю Соломону для постройки Иерусалимского Храма... В Иоппию (Яффу) пришел пророк Иона. Здесь, в порту, нашел он корабль, отправлявшийся в Форсис... Не в добрый час задумал Иона свою поездку, попал в бурю, и моряки выбросили беднягу за борт, надеясь умилостивить Бога и спасти себя от неминуемой гибели... Так и попал Иона в чрево кита, просидел там три дня и три ночи, взмолился и, по слову Господа, кит «изверг Иону на сушу»... А вот, у самого берега, в лунном свете темнеет небольшая скала Андромеды. Это уже не из книги Пророков, это греческая мифология: к скале этой была прикована цепями прекрасная Андромеда, которую собиралось сожрать морское чудовище. Как в авантюрных романах, в последний момент, когда чудовище уже подплывало к Андромеде, на крылатом коне появился возлюбленный Персей, поразивший копьем дракона. И, конечно, молодые полубоги были затем навеки счастливы и объединены узами Гименея. Не здесь ли родилась легенда о св. Георгии, поражающем копьем дракона?...

Вот что вспоминаешь в лунную ночь, сидя в старой яффской крепости между пальмами и минаретами.

На утро я вернулся в этот квартал. При дневном свете поэзия исчезла. Прекрасно было только море, не-

прерывно менявшее свои цвета, и минареты, поднимавшиеся в синее, безоблачное небо. Но дома, загадочные при лунном свете, теперь выглядели жалкими, штукатурка обвалилась, на балконах сушилось белье, а пальмовые ветви были покрыты серой пылью.

Зашли мы в городской музей. Помещается он в большом, отлично переделанном арабском доме. Люди жили в этих местах на заре истории, в каменном веке, еще до царя Соломона, до библейской Иоппии, до крестоносцев, до турок и арабов... И вот он, один из предков, в витрине, под стеклом, — со страшным оскалом черепа, с костями коричневыми, цвета красноватой яффской земли. Скелету пять или шесть тысяч лет. Не этому ли человеку принадлежал и кремневый топор из соседней витрины? Прошли тысячелетия, ушли в вечность и улеглись в красную глину поколения за поколениями, и все, что осталось от них — это груды черепков, орудия каменного и бронзового веков, пустые гробницы.

Нет, лучше пойти к живым людям. Живые люди в этот час все на базаре.

Базар восточный, т.е. под открытым небом, шумный, красочный, зловонный, с назойливыми мухами... Прямо на тротуарах высятся горы арбузов и, к удивлению моему, подле каждой такой арбузной горы стоит на улице кровать или просто лежит матрац, если можно так назвать что то очень грязное, никогда в жизни невидавшее простыни.

— До еврейского Нового Года торговцы арбузами обычно спят на улицах, — объясняет мне спутник.

— Почему?

— Арбузов много, они тяжелые, убирать их на ночь некуда и невозможно... Так они и торгуют день и ночь, и спят около арбузов на улице, охраняя свой товар.

И правда, позже видел я по ночам эти горы арбузов, освещенных керосиновой лампой или коптилкой, а рядом, на тюфяке или постели, блаженно спящего араба.

Сколько зеленых перцев, красных помидор, синих баклажан! Благоухают огурцы в рассоле, остро пахнет соленая и копченая сельдь. Лежат маслины в открытых бочках, плавает в чанах с молоком брынза, самый любимый в Израиле сыр. В мясных, на крючьях, висят бараньи туши и какие то подозрительные потроха, которыми наслаждаются рои синих мух. На прилавках серебрится рыба, выловленная ночью в яффском заливе, или привезенная с Киннеретского озера. Какой то рослый биндюжник, толкающий перед собой тачку, заливается:

— Анавим... виноград... Агасим... груши... Аватиах... арбуз... Аватиах мато́к... сладкий арбуз!

Распевает он с необычайными голосовыми выкрутасами, словно не виноград продает, а поет какую то молитву.

В толпе, с лукошками, снуют недоверчивые хозяйки. 40 агуротов за дыню? (12 американских сентов). Человек сошел с ума! Вероятно, он поставляет дыни Ротшильду!

Хозяйка с оскорблённым видом отходит от фруктовщика и начинает яростно теребить курицу. Жаль, я ни слова не понял в диалоге, который происходил

между ней и торговкой птицей. Хозяйка с презрением отталкивала от себя курицу, а торговка, должно быть, клялась, что ничего лучшего она в жизни не ела, с размаху бросала курицу на весы, пыталась засунуть ее в лукошко покупательницы... Послушав этот спор, я решил, что мне незачем идти в «Габиму» — лучшего театра я все равно не увижу.

Около одного фруктовщика я задержался, — уж очень хороша была его выставка, пирамиды сладких, как сахар, огурцов, помидор, связки лука. И пока я любовался этим «натюрморт», за спиной моей раздался грозный оклик:

— Ну?!

Худой старик в кепке, с палкой в руке, в несвежей, пожелтевшей панаме, слегка сдвинутой на затылок, выражал свое нетерпение: дескать, чего стоишь посреди дороги? Проходи! Это «ну» потом слышал я в разных, довольно неожиданных вариантах: в лифте фешенебельного отеля, когда лифтер галантно приглашал замешкавшихся пассажиров выйти на нужном им этаже, и даже в картинной галерее, где мне продавали полотно, которое я не хотел купить.

— Ну? — спросил хозяин.

— Не будьте таким «щепетливым», хладнокровно посоветовал мне мой израильский друг. Скажите-нет.

— Нет! сказал я, и поспешно вышел на улицу.

На каждом шагу тачки торговцев сельтерской водой с сиропом и фруктовыми соками. В Израиле жарко, людей мучит жажда и торговцы сельтерской водой

делают блестящие дела. Неподалеку от дома, где я жил в Тель Авиве, на углу бульвара Нордау и улицы Бен Иегуда, есть киоск, где тоже можно выпить «газос» и купить пакетик фисташек или подсолнухов. В течение долгих лет в киоске этом торговал Нахум Грин, родной брат Бен Гуриона. Нахум любил жаловаться покупателям:

— Что я просил у моего брата? Чтобы он отвел мне лучшее место. Конечно — он мне отказал.

Старик вздыхал и с безнадежным жестом заключал:

— Давид всегда был немножко «мешуга»! (сумасшедший).

Кто то спросил у Нахума Грина, как он может торговать «газосом», имея знаменитого брата?

— Не обращайте внимания на то, что говорят люди, ответил Нахум. — В Плонске все считали талантливым человеком **меня, а не брата!***

С тех пор, как я прочел эту историю, почтение мое к владельцам тельавивских киосков сильно выросло... Будки их напомнили мне далекое детство в Крыму, когда за две копейки мы покупали в городском саду стакан сельтерской с вишневым сиропом. Но настоящее, глубокое мое умиление вызвали в Яффе лавки башмачников. Таких сапожников я знал в России полвека назад. Сидел сапожник-горемыка, обремененный большим семейством, в полуподвальном помещении или в узкой лачужке, на низком табурете, окруженный бесчисленным количеством рваных башмаков, сапог и туфель. На низком столике стояли банки с крепким клеем,

* Этот эпизод взят из книги Роберта Сэйнт Джона «Бен Гурион».

банки с железными и деревянными гвоздями, а всюду на столе и на полу валялись обрезки кожи. Сапожник набирал в рот гвозди и быстро, один за другим, загонял их в каблук. Он с остервенением подрезал подметки, вечно искал на верстаке нужный инструмент, надрывисто кашлял и с ожесточением швырял в угол законченный ботинок с набойками и заплатами... И вот именно таких сапожников, каких нет уже десятки лет в Европе и в Америке, нашел я на яффском базаре... А рядом с базаром сразу начиналась толкучка. Тут улицы совсем сужались, не было уже и подобия тротуара, а посреди мостовой на одеялах и рваных ковриках был разложен незатейливый товар: чугунные утюги, турецкие медные кофейники, испорченные замки, какие то ятаганы, подсвечники и помятые самовары, Бог знает когда завезенные в Яффу польскими и русскими переселенцами. Нигде нет такого количества старых самоваров, как в Израиле!

— Мосье! — останавливает меня алжирский еврей. — Мосье хочет купить старинный семисвечник? Или четки из чистого янтаря?... Всего пятнадцать фунтов!

— Янтарные четки должны стоить сто фунтов, а не пятнадцать. А эти, ваши, из пластики...

По лицу торговца проходит тень. Он оскорблен в своих лучших чувствах. Чтобы доказать мне свое расположение, он готов продать четки за двенадцать фунтов... Даже за десять!

Четок я не купил, но он умудрился, все таки, всучить мне ненужный медный кофейник, который потом я таскал по всей Европе, проклиная свою мягкотелость... Не успели мы отойти от «антиквара», как на нас

набросился молодой араб в «кафие» — традиционном белом платке на голове, придерживаемом двумя черными ремешками. В одной руке у араба был арбуз, в другой — кривой нож. Он что то кричал, пересыпал арабские слова ивритом и вдруг, видя, что мы не хотим купить, с отчаянным видом детоубийцы вонзил нож в хрустнувший арбуз, тремя ударами вырезал кусок и с торжеством протянул на пробу красную сочную мякоть. Как не купить такой надрезанный арбуз? И вот уже на руках у нас, кроме медного кофейника, десятифунтовый арбуз, и надо поскорее уходить, потому что неизвестно, что еще уговорят нас купить отчаянные яффские торговцы.

Из базарного лабиринта мы выходим к морю, спускаемся в порт, выходим на набережную. Здесь грузятся пароходы из Греции, Либерии, из Бразилии, — «все флаги в гости будут к нам»...

Порт Яффы, слишком тесный и плохо защищенный во время бурь, в это время доживал свои последние дни. В конце 1965 г. его закрыли и начали направлять грузовые пароходы в новый южный порт Ашход, специально оборудованный для экспорта ситрусов, поташа и фосфатов.

Ашход расположен между Тель Авивом и Газой. Бухта его глубоководная и отлично защищена волнорезом в 2.200 метров длины. 450 портовых рабочих Яффы переселились в быстро растущий Ашход, куда сейчас уже регулярно приходят пароходы.

Через яффский порт с незапамятных времен приезжали в Палестину паломники из России, направлявшиеся ко Святым Местам. Один из них, диакон Иона из

Троицко-Сергиевского монастыря, так описывал в 1649 году свой приезд в Яффу: «В корабле перевезохомся до Яффы, еже есть Иопия, на брезе моря пристанище, и тут вышед с корабля, дали по седми яфимков со всякого человека, а с немец по двадцать яфимков, и с того места садятся на мулари и на верблюды... а от Яффы все полем идти и по тому полю арбузы и всякий овощ вельми родится».*

Яффа был порт первых еврейских иммигрантов и, должно быть, странное и немного страшное впечатление производил этот турецкий город, в котором вечно свирепствовали эпидемии холеры и чумы, на людей, искавших Земли Обетованной... В Израиле случайно попала мне в руки занимательная книжка, описание путешествия в Палестину в 1842 году австрийской писательницы Иды Пфейфер. Судно доставило ее на рейд Яффы, откуда пассажирку привезли под вечер на лодке к пристани.

Выяснилось, что в Яффе нет даже гостиницы или постоялого двора, чтобы переночевать. Город имел жалкий вид, жителей в нем было тысяч пять. Лавченки на базаре, верблюды, ослы. Сейчас же за городом начинались пески. Путешественнице показали дом французского консула, где она получила ночлег.

Все это давно изменилось. Яффа превратилась в

---

* «Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Царьград со иерусалимским патриархом Паисием Троицко-Сергиева монастыря черного дьякова Ионы, по реклому (прозвищу) маленького и о возвращении его оттуда в богоспасаемый и славный в царствующий великий град Москву». Опубликовано в «Памятниках древней письменности», С. Петербург, 1882 г.

город со стотысячным населением. Есть тут гостиницы, множество восточных таверн и кофеен и на берегу несколько неплохих рыбных ресторанов. Мы присели за столик в одном из них, у «Жаннет». Заказали свежую рыбу, холодное белое вино, хумус и еще какую то незамысловатую еду.

К столу медленно приблизилась худая, рыжая кошка и присела, ожидая подачки. За ней появилась вторая, третья... Запах жареной рыбы сводил бездомных и голодных котов с ума, — они мяукали, рвали друг у друга куски. Такие же бездомные коты преследовали меня в другом ресторане, на берегу Тивериадского озера. Этих же котов нашел я позже в Афинах, в греческих тавернах, но еще более отважных и предприимчивых. Греческие коты готовы были растерзать человека за порцию скумбрии в томатном соусе.

Было уже за полдень, солнце палило нестерпимо. Мы прошли через парк, в котором от зноя поникли пышные белые и розовые олеандры, через какие то каменные ворота в стене крепости. Базар кончился, лавченки были закрыты, наступал час сиесты. В тени дома, у стены, сидя на корточках, спали три старых йеменита. Локоны седых волос вились вокруг их тонких, смуглых, восточных лиц.

Так было, вероятно, в библейские времена, и тысячу лет тому назад, и так — сегодня. На память пришли стихи Довида Кнута, приехавшего умирать в Израиль:

> Но надо всем, но через всё
> — отравой —
> Пронзительный, библейский
> холодок.

САРОНСКАЯ ДОЛИНА

ДОРОГА от Тель Авива до Хайфы идет вдоль побережья. С одной стороны — сверкающее под летним солнцем Средиземное море; с другой — веселая, зеленая Саронская долина, вся в апельсиновых рощах, виноградниках, садах. Старшее поколение еще помнит, когда эта цветущая долина была сплошным болотом. Первые поселенцы вымирали здесь от малярии. Но болота высушили, проложили дороги, создали кибуцы и мошавы, новые города.

Первый город, в котором мы останавливаемся, называется Герцлия, по имени отца сионизма Теодора Герцля, человека, обладавшего даром провидца. В 1897 году он записал в своем дневнике: «В Базеле я основал Еврейское Государство. Если я скажу это сегодня, меня поднимут на смех; но через пять лет и, наверно, через пятьдесят лет, все в этом убедятся». Через пятьдесят лет все в этом убедились.

Герцлия, собственно, дачное предместье Тель Авива. Тенистые бульвары, дома современной архитектуры, чудесный пляж и два первоклассных отеля на берегу моря. Из воды доносится веселый смех и счастливый визг детей... А ведь когда то по этой самой дачной дороге проходили бесчисленные завоеватели, — римские

легионы, крестоносцы, сарацины, арабы. Много крови впитала в себя эта узкая полоска ханаанской земли! Здесь, на этих прибрежных дюнах, Ричард Львиное Сердце разбил полчища Саладина. Стоял у самого берега греческий город Аполлония, а до Аполлонии был Ришпон, о котором рассказывают еще ассирийские письмена... Но ничего не осталось ни от Ришпона, ни от Аполлонии, только несколько мраморных колонн, да камни крепости. Ничего, кроме смутной памяти о погибших цивилизациях.

В Израиле очень дорожат свидетельствами далекого прошлого, в котором находят непрерывное подтверждение прав израильского народа на эту землю, на которой дети Авраама, Исаака и Иакова жили, трудились и молились единому Богу уже четыре тысячи лет тому назад. Именно в Герцлии, если мне не изменяет память, познакомился я с замечательным человеком Яном Ионаи, главным реставратором исторических памятников в Израиле. Он восстановил древнюю Кесарию и катакомбы Бет Шеарима, в которых после разрушения второго Храма хоронили членов Синедриона и мудрейших раввинов. Сейчас он работает над реставрацией крепости Массада, на вершине неприступной горы, у берега Мертвого Моря.

Массада — это героическая страница еврейской истории. В 9-ый день месяца Аб 70 г., — роковой день в истории еврейского народа, — четырехлетняя война Израиля с могущественным Римом закончилась падением Иерусалима, уничтожением Храма, массовым истреблением населения. Группа еврейских «резистантов» (пользуюсь нынешним выражением), вырвалась из

окружения и ушла в Массаду, на вершине которой сохранились развалины старой крепости; ее быстро восстановили и должным образом укрепили. Прошло два года, прежде чем Десятый легион был брошен против Массады. В крепости заперлись 960 человек во главе с Элеазаром бен Яир. У них были запасы продовольствия, подземные цистерны наполнили водой... Не стану описывать долгую осаду. Римляне соорудили огромную насыпь и башни, с которых начали из катапульт забрасывать осажденных стрелами и камнями, а затем подожгли деревянную обшивку крепостных стен. Наступил момент, когда у израильтян не оставалось никакой надежды: нужно было либо сдаться и стать рабами римлян, либо умереть. Они выбрали смерть.

Историк Иосиф Флавий оставил необычайное описание последних часов Массады в своем классическом труде «Иудейская война», написанном почти 19 веков назад. Приведу только содержание речи, с которой обратился Элеазар Бен Яир перед смертью к своим товарищам:

«— Мои верные друзья! Давно уже мы решили не служить ни римлянам, ни кому-либо другому, а одному только Богу, истинному и справедливому Господу нашему. Теперь пришло время доказать делом нашу решимость... Не опозорим же себя. До сей поры мы никогда не предавались в рабство — даже когда это нам угрожало гибелью; тем более теперь мы не должны принять рабства и потерю всего, что дорого нам, а это неизбежно, если мы попадем живыми в руки римлян. Мы были первыми, кто восстали и последними, кто закончит борьбу. И я думаю, что сам Бог предоставляет

нам эту привилегию — умереть достойно, как свободные люди, а не как застигнутые врасплох поражением. Ясно, что мы не в силах оказывать дальнейшее сопротивление, но мы свободны избрать почетную смерть вместе с теми, кого мы любим. Одолеть врага в бою мы не можем, но враги не могут помешать нам умереть, как бы им не хотелось взять нас живыми.

Мы грешили... но за наши грехи дадим ответ не заклятым врагам, римлянам, а Богу. Пусть умрут наши жены от наших рук не опозоренными, а дети не узнав рабства, а потом мы окажем друг другу последнюю услугу — и сохраним нашу свободу, как дорогой свиток. Но раньше предадим огню все наше достояние и всю крепость: будет жестоким ударом для римлян, если мы уйдем от их расправы и не оставим им добычи. Оставим только нетронутыми запасы продовольствия, чтобы все видели, что мы погибли не от недостатка и голода, а потому, что предпочли смерть рабству...».

Сначала мужья умертвили своих жен. Потом десять солдат, назначенных по жребию, убили всех, начиная с самого Элеазара. Один из оставшихся убил девять своих товарищей по несчастью и сам бросился на меч. Когда на рассвете римляне ворвались в пылавшую крепость, их встретила мертвая тишина. Все защитники Массады были мертвы. О трагедии рассказали две женщины, которые спрятались в пустой цистерне и чудом уцелели.

Так кончилось сопротивление еврейского государства. Израилю суждено было возродиться только в наше время, девятнадцать веков спустя.

Раскопки в Массаде ведет профессор археологии

Иерусалимского Университета Иегаель Ядин. Он раскапывает, Ионаи реставрирует.

В северном конце Массады, над пропастью, найдены остатки дворца царя Ирода (37 год до н.э. — 4 год н.э.) расположенные на трех террасах. Полы покрывала мозаика, часть которой отлично сохранилась. Под дворцом, в подземельях, помещались превосходно оборудованные бани с горячей и холодной водой. В калидариуме, т.е. в зале, куда подавалась горячая вода, уцелели глиняные трубы... Сам дворец огромных размеров. Был в нем тронный зал, множество комнат, портики, а под дворцом были устроены громадные водоемы, кладовые для запаса продовольствия и оружейные склады.

Думаю, одной человеческой жизни не хватит, чтобы восстановить крепость Массады и узнать все ее тайны.*

Мы проехали еще один город на побережьи: Натанья была основана в конце 1928 года, а теперь это столица Саронской долины, крупный промышленный и курортный центр.

В Натанье особенно интересовала меня школа ОРТА имени Д. В. Львовича. ОРТ ведет в Израиле громадную работу по распространению профессионально-

---

* Ионаи предложил мне поехать с ним на «джипе» в Массаду, но по недостатку времени я, к сожалению, должен был отказаться. Несколько дней спустя, по дороге в Массаду, его «джип» потерпел крушение. Ионаи, к счастью, остался невредим.

технического образования. После прибытия в Израиль сотен тысяч иммигрантов из Северной Африки и Иемена нужда в людях, имеющих настоящее ремесло, необычайно увеличилась.

О том, как высоко ценится в Израиле труд квалифицированного рабочего, рассказывали мне такой анекдот. Некий тельавивский отец семейства, мечтавший выдать свою дочь замуж, обратился к услугам «шадхена», т.е. профессионального свата.

— Найдите мне блестящего жениха, — сказал он, — и вы получите в награду 1.000 фунтов.

«Шадхен» заглянул в свою записную книжку и начал предлагать:

— Есть у меня доктор. Блестящий жених!

— Доктор? Кому это нужно?

— Есть еще более блестящий: адвокат. Отличная практика...

— Ну! — пожал плечами разочарованный папаша. — Адвокат! Вы знаете, сколько здесь адвокатов?

— Что вы хотите, чтобы я за тысячу фунтов достал вам водопроводчика?! — воскликнул с негодованием «шадхен».

ОРТ готовит и водопроводчиков. В каждом городе Израиля имеется теперь школа ОРТА, к слову сказать, основанного русскими евреями 85 лет тому назад. А всего в ортовских школах в Израиле обучаются 20.000 человек. Тель Авив гордится школой А. Сингаловского (3.680 учеников); в Иерусалиме, в самом сердце ортодоксального квартала Меа Шеарим также имеется школа на 2.500 учеников. Там я осматривал Авто-Механическую школу имени А. Ц. Литтона, которая ежегодно

дает стране 120 прекрасно обученных автомобильных механиков. Школе этой специально помогает существующее в Нью-Йорке «Общество Американско-Европейских Друзей ОРТА», основанное в 1942 г. А. Ц. Литтоном.

Во всех школах — четырехлетний курс. Молодежь не только получает техническое образование и ремесло, но, одновременно, кончает и среднюю школу. Есть курсы электронные, машино-строительные, курсы химиков, радио-техников, земледельческие — всего не перечислить. В ближайшие пять лет количество ортовских школ в Израиле будет удвоено. Удвоится, следовательно, и число учеников. Удвоится и бюджет, который уже сейчас превышает 12 миллионов долларов в год.

В Натанье школа существует всего несколько лет. Обучаются в ней 1.600 человек. Заинтересовала меня особая группа студентов из черной Африки. Израиль — молодая страна, но десятки других молодых стран получают от Израиля серьезную техническую помощь. По существу, Израиль является моделью для многих новых государств в Африке и в Азии. И студенты из Нигерии, Конго, Кении, Эфиопии, Габона и из других мест приезжают в Натанью, чтобы получить техническое образование. Вернувшись на родину, они смогут организовать у себя школы по ортовскому образцу.

Сотня чернокожих студентов не только учится, но и живет в общежитии, специально для них организованном. В израильских школах во время моего посещения были каникулы, студенты разъехались по домам.

Негры проходят курсы в ускоренном порядке, занимаясь и в летние месяцы.

В первый год большинство объясняется с педагогическим персоналом по французски. Начиная со второго года, они слушают лекции уже на иврите и очень скоро начинают говорить на этом языке. Это облегчает «интеграцию» и устанавливает дружеские отношения с израильскими студентами.

Питаются они в студенческой столовой и очень довольны кошерной пищей.

По своим размерам Израиль крошечная страна, площадью не превышающая штат Нью Джерзи. Судите сами: в длину, с крайней северной до южной точки, всего 280 миль. А с шириной дело обстоит совсем плохо, — в самом широком месте от границы до границы 41 миля! Мы сейчас в Натанье, в наиболее узком месте Израиля. Здесь от моря до Заиорданья — 12 миль, рукой подать. Арабские армии, вторгнувшиеся в Израиль в день объявления независимости, не смогли даже в этом узком горлышке перерезать страну пополам!

Граница рядом, она идет параллельно с шоссейной дорогой, но в Израиле — везде граница и со всех сторон молодое государство окружено смертельными врагами, которые мечтают сбросить евреев в море... Здесь, может быть, уместно ответить на вопрос, который задают все:

— Боятся ли за свою судьбу израэли? Страшно ли жить под постоянной угрозой врага?

Нет. Не страшно. Люди привыкают к опасности.

— В Тель Авиве или в Хайфе об опасности никто не думает, — сказал мне отлично осведомленный сабра. — Но люди, живущие вдоль границы, не могут, конечно, не думать об этом. Они ощущают физическую близость врага. Кибуцник, выезжающий на тракторе пахать вдоль границы, берет с собой винтовку. Время от времени арабские террористы проникают на нашу территорию, закладывают бомбы, взрывают железнодорожный путь, водопроводные трубы. Это не трудно, в особенности под покровом ночи: некоторые арабские деревни расположены всего в километре от нас. Или с вершины холма начинают стрелять по работающим кибуцникам. Поджигают хлеб на корню. Иногда терпение израэли лопается: арабов нужно проучить, ибо уважают они только силу. Предпринимается короткая карательная экспедиция против деревни, которая укрывает у себя террористов. Израильские саперы взрывают водокачку или полицейский пост. На некоторое время наступает тишь и спокойствие.

Арабские страны с населением в 65 миллионов больше не грозят «шапками закидать» 2,5 миллиона израэли. Уроки войны 1948 года и синайской кампании 1956 года даром не прошли, — дважды арабские армии были разбиты. В Израиле царит уверенность, что охотников попробовать в третий раз сейчас не найдется. Но страна готова ко всем возможностям — береженого и Бог бережет...

Сильна вера в израильскую армию, в ее дух, дисциплину, решимость. Израильская армия — это не только молодые солдаты и солдатки отличной выправ-

ки. Это — все население страны, от мала до велика. Каждый кибуцник, живущий на границе — солдат, независимо от того, сколько ему лет — двадцать или шестьдесят.

— В случае войны, — говорил мне один пожилой русский еврей, — нам некуда уходить. Поэтому, каждый из нас будет сражаться до последнего издыхания. Но мы уверены, что войны не будет. Мы жаждем мирного сосуществования с арабами.

Нечего греха таить, — в былые времена в «диаспоре» евреи не стремились в армию, и о причинах этого отношения к военной службе легко догадаться. Все это коренным образом изменилось в Израиле. Я встретил девушку, которая была в отчаянии: ее не хотели взять в армию вследствие близорукости. Родители обивали пороги в военном министерстве. Нельзя ли, все таки, призвать ее на службу? Выяснилось — нельзя. И девушке казалось, что ее незаслуженно обидели, что она — отщепенец в своей среде, что ей не дают выполнить гражданский долг.

Я вспомнил слова Бен Гуриона:

— Мы не можем заставить себя любить. Но нас будут уважать.

Нет, в Израиле никуда нельзя уйти от древней истории... На дороге, ведущей в Хайфу появляется столб с надписью:

— Кесария — 2 километра.

Десять лет назад здесь были только пески и прибрежные дюны, в которых иногда находили мрамор-

ные колонны. А теперь из под этих песков раскопали прекрасно сохранившуюся крепость и древний город, построенный Иродом за три десятка лет до рождения Христа... Пятьсот лет Кесария была столицей римской провинции в Палестине. Отсюда Веспасиан руководил войной с иудеями, отсюда вышел в поход Десятый легион, который разрушил Иерусалим и пролил потоки еврейской крови. Где то здесь, под зеленым полем гольфа, еще не раскопана арена, на которой в один день 4 октября 70 года после Р. Х. были истреблены 2.500 израильских пленников, — Тит праздновал свою победу над Иерусалимом... На заре христианства по улицам Кесарии проходил св. Петр. В местной каменной тюрьме содержался апостол Павел. Из тюрьмы привели его во дворец к царю Агриппе и из Кесарии отправили в Рим, на суд кесарев.

А потом колесо истории повернулось, и на площадях Кесарии лилась уже не еврейская, а римская кровь. Мусульманская волна захлестнула Землю Обетованную. Великие разрушители — арабы уничтожили великолепный город с его храмами, мраморными дворцами, амфитеатрами... На сто лет захватили Кесарию крестоносцы. Они и не пытались восстановить весь город, а только малую часть его, примыкавшую к морю. И снова пришли арабы, и снова Кесария лежала в развалинах.

Это случилось в 1291 году. С той поры о существовании славного города забыли и глубокие пески похоронили его, казалось, навеки. Израильские археологи начали раскопки. Кесария постепенно встает, как сказочный город. Снова поднимаются к небу его ко-

лонны и статуи. Очищены от песка крепостные рвы и башни. Кесария теперь город-музей, город каменных гробов.

В летние ночи в амфитеатре Кесарии собираются люди, съехавшиеся со всех концов Израиля. На каменной эстраде, повернувшись спиной к морю, Пабло Казальс играет Баха.

После Кесарии трудно чем нибудь восхищаться, запас восхищения у путника иссякает.

Мы проехали винодельческое селение Зихрон, которое было основано 80 лет тому назад бароном Эдмондом Ротшильдом. Вся эта сторона покрыта виноградниками. Здесь, в подвалах Зихрона, выделывается белое и красное вино «Кармел», без которого на Пасху не обходится ни один еврейский стол.

В 1954 году останки барона и баронессы Ротшильд были перевезены израильским правительством из Франции в Зихрон и торжественно похоронены в скалистой пещере, посреди великолепного парка. Могила человека, который основал в Палестине не мало земледельческих колоний и потратил на их содержание огромное состояние, служит местом паломничества... Мы приехали слишком поздно. Парк был уже закрыт.

И, правда, наступал вечер. Громадный, багровый диск солнца медленно садился в море. Над темными и стройными кипарисами кружились ласточки. С близких гор тянуло ночной прохладой.

Кармел, собственно, не одна гора, это — горный хребет. Первые отроги начинаются сейчас же за Зихрон

Яковом, и мой спутник, родившийся здесь, в Палестине, никогда не бывший в России, но говорящий по русски и делающий иногда смешные ошибки, меня предупредил:

— Здесь начинается бешеная красота.

Да, здесь начиналась «бешеная» красота, — суровые, голые отроги иудейских гор:

Бугры горбатых рыжеватых гор,
Верблюдами разлегшихся по склонам.

Человек постепенно завоевывает и эту горную каменную пустыню. Камень собирают, делают террасы и садят на них виноград, — не даром слово «Кармел» на иврите означает «Виноградник Божий»...

Вот уже и Хайфа, великолепная, защищенная бухта, первый израильский порт. После войны через этот порт в Израиль прибыли сотни тысяч иммигрантов. Для них, как когда то для Давида, героя романа Герцля «Альтнойланд» — Хайфа была воротами в Землю Обетованную.

Минуем утихающий к вечеру порт. Машина начинает подъем на Кармел. Всюду — непрерывные сады, сосновый лес, стройные кипарисы. Вот и средний Кармел. Внизу — пристани и коммерческая часть города, а здесь — жилые кварталы. Поднимаемся все выше, становится совсем прохладно. На самом верху, на бульваре Панорамы, стоит отель Дан-Кармел, хорошо знакомый американским туристам.

Лифтер поднимает меня в комнату, на одном из верхних этажей. Выхожу на балкон, и у меня захватывает дух. Какой вид!

Закат еще пылает, но внизу уже зажжены уличные фонари. Впереди — безграничный простор моря, огни далеких кораблей и маяков. Только поздно ночью, в Афинах, с вершины горы Ликавитос, видел я нечто подобное, феерию ночного города. От этого зрелища нельзя оторваться. Бесчисленные огни сбегают по склону горы вниз, к самому морю, гирляндами тянутся вдоль берега, огибая бухту, и где то далеко, на другой стороне, мелькают и переливаются голубые фонари Аккра.

Была уже ночь, когда я вышел из отеля, чтобы побродить по Кармелу. Я медленно шел вдоль бульвара Панорамы и внезапно остановился перед двухэтажным домом, который был построен над самым обрывом. За высокой железной решеткой на дверях была медная доска с надписью по французски:

— Дом Мане Каца.

Вот как нам довелось встретиться! Вспомнил я рассказы Мане Каца о Хайфе, о том, как прозрачен воздух на Кармеле. Звал он приехать, пожить в этом самом доме, теперь превращенном в музей... Приехал я слишком поздно, друга моей юности уже не было в живых. На обложке этой книги воспроизведен портрет иерусалимского хасида кисти Мане Каца. Он подарил мне эту вещь давно, в тридцатых годах. Каким то чудом удалось спасти ее и привезти в Нью-Йорк в те времена, когда гибли не только картины, но и люди... Удивительно, как любят, как привязываются люди к полотнам Мане Каца!

В кибуце Шефайим я познакомился с человеком, который знал Мане Каца и дружил с ним. Он расска-

зал, что имеет полотно, подарок художника. За эту вещь ему, бедному человеку, предлагали много денег. Он отказался от продажи, не хотел расстаться с еврейскими «клезмерами» (музыкантами). Присутствовавшая при разговоре его жена не выдержала:

— Я сказала, что вещь надо продать. Мы старые люди. Всю жизнь мы прожили в двух тесных комнатках. На старости лет можно было бы купить более просторную квартиру, продав это полотно...

Наступило неловкое молчание. Муж, насупившись, сказал:

— Я не продам. Мы были счастливы в двух комнатах. Зачем нам большая квартира? Разве можно променять произведение искусства на квартиру?

Я слушал и думал: какая обида, что я не могу передать этот разговор Мане Кацу!

Больше гулять мне не хотелось. Было поздно. Вестибюль отеля опустел. Жильцы давно разошлись по своим комнатам.

В эту ночь я плохо спал. Время от времени просыпался и перечитывал «Житье и хожденье Даниила, русьскыя земли игумена», монаха ученого, который был современником летописца Нестора. Это был, вероятно, первый русский паломник ко Святым Местам, — жил о. Даниил в начале XII века. «...И есть гора та Кармильская, — писал он, — высока вельми, и море великое близ горы тоа». Отложив книгу, я выходил на балкон и смотрел на это «море великое» и на рассыпанные по земле яркие звезды, на эту единственную в мире панораму.

ГОРОД КАББАЛИСТОВ И ДЕРЕВНЯ ДРУЗОВ

НА ШОССЕЙНОЙ дороге, ведущей к Хайфе, есть странный памятник: на гранитном цоколе стоит простое рыбачье судно. Не отличается оно ни размерами, ни крепостью, ни красотой. Во всех средиземноморских портах такие потрепанные парусники принадлежат рыбакам. В шхунах этих в годы английского мандата евреи нелегально пробирались в Палестину. И судно, стоящее на гранитной скале, служит памятником нелегальной еврейской иммиграции.

В 1939 году английское правительство опубликовало Белую Книгу и, фактически, вопреки декларации Бальфура, закрыло евреям доступ в обещанный им «Национальный Дом». Произошло это в тот самый момент, когда Гитлер готовил свое «окончательное решение еврейского вопроса». О том, что сделали англичане с эмигрантским судном «Экзодос», знает, благодаря фильму и роману Леона Юриса, весь мир. Менее известны два другие эпизода военного времени. Пароход «Струма», на борту которого находились 764 беженца, простоял два месяца в ужасающих условиях на рейде Константинополя, ожидая разрешения доставить сво-

их пассажиров в Хайфу. Разрешения не последовало. «Струма» решил прорвать блокаду, вышел в море и погиб. Из всех, бывших на судне, спасся только один человек.

«Патрия» доставила в Хайфу 1.800 беженцев. Английский флот перехватил судно в территориальных водах. Был отдан приказ: перевести евреев, бежавших из гитлеровских лагерей, в другой, английский лагерь на Кипре. Судно взорвалось, 246 пассажиров его погибли... Не всегда англичанам удавалось перехватить иммигрантов. Под покровом ночи крошечные суденышки, чудом державшиеся на воде, подходили к берегу где то около Хайфы или Тель Авива. Пассажиры, часто с детьми на руках, брели по пояс в воде. На пустынных пляжах они исчезали, растворялись в ночной темноте. Нелегальные иммигранты просыпались на утро палестинцами.

Хайфа была центром борьбы с английской бесчеловечностью и тупым антисемитизмом Бевина. В решительные дни 1948 года на долю еврейского населения Хайфы выпала другая, нелегкая задача. Англичане эвакуировались из Палестины через Хайфский порт. Верхняя часть города была англичанами брошена на произвол судьбы и сразу оказалась в еврейских руках. Но внизу жили арабы, десятки тысяч арабов, на помощь к которым прибыли «добровольцы» из Сирии и Ирака. 21 апреля три десятка солдат Хаганы (израильской подпольной армии) под командой полковника Моше Кармеля, захватили здание у моста, доминирующее над арабским городом и в нем забаррикадировались. День и ночь эти тридцать человек отбивали мас-

совые атаки арабов. Затем четыре небольших отряда Хаганы захватили в нижней части города правительственные здания, телефонную станцию, вокзал и штаб-квартиру арабской армии. Бой продолжался всю ночь и весь следующий день. Грохотала израильская «артиллерия» — крошечные самодельные мортиры, окрещенные «Давидками». С точки зрения военной, это было оружие довольно безобидное. Но «Давидки» терроризировали арабов своим страшным грохотом. Теперь они украшают памятник жертвам войны за Независимость. А жертв было не мало, — из 600.000 жителей Израиль потерял в эту войну убитыми 6.000 человек, т.е. один процент своего населения.

Вся война за Независимость была чудом. Чудом была победа над регулярными арабскими армиями, одержанная горсточкой израильских плохо вооруженных бойцов, имевших **одно** единственное орудие в Иерусалиме. Чудом было массовое бегство арабов из Хайфы, Яффы, Сафеда и других городов. Но где же происходить чудесам, как не в Земле Обетованной? Бен Гуриону приписывают фразу:

— В Израиле человек, который не верит в чудеса, — лишен чувства реальности.

В детстве, когда гремел гром и сверкала молния, старуха нянька крестясь говорила:

— Свят, свят... Видишь, сынок: это Илья-пророк едет по небу в огненной колеснице.

Илья-пророк, пугавший меня в детстве, жил на Кармеле, по соседству с нынешним отелем Дан Кармел

и отсюда поднялся он на небо: «идеже Илья пророк въсхищен бысть на колесници огнене на небо». Пещера его теперь почитается местом священным и евреями, и христианами, и арабами. Здесь же, поблизости от Хайфы, вызвал Илья на словесный поединок 450 жрецов Ваала и 2.000 жрецов Астарты. На алтаре Ильи-пророка загорелся огонь, посланный с неба, — к великому торжеству Бога Единого. Народ, присутствовавший при этом религиозном диспуте и чуде, немедленно сделал надлежащие выводы: жрецов Ваала и Астарты схватили, отвели к потоку Киссону и тут же всех зарезали. Место этой резни и теперь показывают туристам, любителям сильных ощущений. Показывают и место, где стоял алтарь Ильи, — называют его Эль Мухрака.

Особенно почитает Илью-пророка орден кармелитов. И здесь, на самой вершине горы, воздвигнут кармелитский монастырь, а рядом с ним — маяк и здание «Стелла Марис», в котором помещается морское министерство. Это, по моему, замечательное учреждение: над воротами израильского министерства — статуя Мадонны и латинская надпись:

Ave Maria Grazia Plena.

А у ворот, под «Аве Мария», стоят два отчаянных израильских матроса в бескозырках, сдвинутых на затылки — рыжие, голубоглазые. И откуда взялись такие в Израиле?

С балкона моей комнаты, выходящей на бухту Хайфы, виден золотой купол храма Бахаи. Вокруг хра-

ма разбит удивительной красоты персидский сад, занимающий всю среднюю часть Кармела, с белой мраморной лестницей, спускающейся прямо к морю.

Парк расположен террасами. Благоухают тысячи роз. Красным цветом пылают деревья, которых никогда еще я не видел: листья, словно папоротник, а цветы — пышные, ярко красные, и называются они «Огненными деревьями». Это не парк, а яркий ковер, необычайная гармония красок, великое искусство местных садоводов.

Хайфа — мировой центр религии Бахай. Основатель и пророк учения Эль Баб был казнен в Персии, а похоронили его в этой, воистину королевской усыпальнице в Хайфе. Его заместитель и ученик Баха-Улла оказался более счастливым. Его не повесили, как Эль Баба, а изгнали из Персии в турецкую Палестину. Турки засадили пророка новой религии в крепость Аккра, где Баха-Улла просидел в заключении двадцать четыре года. Обрел он свободу только незадолго до смерти.

Очевидно, нельзя убить религиозную идею тюремным заключением. Сейчас в мире имеется несколько миллионов последователей Баха-Улла. Существуют они и в Америке, главным образом в Чикаго.

У входа в храм нас встретила милая американка, которая давала объяснения и взялась все показать. По словам ее, религия Бахаи позаимствовала все лучшее от иудейства, христианства и магометанства. Господь время от времени посылает на землю пророков, — Моисея, Будду, Христа, Магомета. Последним пророком был, конечно, Баха-Улла завещавший человечеству верить в Бога истины и мира... Со всем этим труд-

но не согласиться. Я поблагодарил милую американку, взял у нее брошюры и обещал прочесть их на досуге.

Дама посмотрела на меня влажными глазами, как на будущего бахаиста.

Храм был светлый, византийского стиля, весь из белого мрамора. Несмотря на яркий солнечный день, внутри были зажжены хрустальные люстры. В центре, накрытое роскошными персидскими коврами, стояло мраморное надгробие Эль Баба. Мавзолей украшали чучела павлинов с пышно распущенными хвостами и вазы с цветами. «Земля есть одна страна, и все люди — граждане этой страны». Это сказал когда то Баха-Улла, а я, по наивности, думал, что теорию «единого мира» выдумал Венделл Вилки. Или Вилки тоже был бахаистом?

Шофера нашего зовут Ицхак. Он — сабра, родился в Сафеде. Во времена мандата Ицхак служил в английской полиции, потом был в Хагане, потом снова стал полицейским, но уже израильским. Теперь он избрал более доходную профессию шофера. Он очень спокойный, уравновешенный и разумный человек. Но сейчас Ицхак волнуется: мы едем в его Сафед.

О Сафеде заранее наслушался я много интересного. Это — духовный центр мистических раввинов-каббалистов, перебравшихся сюда в пятнадцатом столетии, после изгнания евреев из Испании. Конечно, существовал Сафед и до каббалистов, тысячи лет назад. Еще в Талмуде рассказывается, что в момент наступления Нового Года на горе Сафеда зажигают первый

костер. А затем костры загораются один за другим на вершинах всех галилейских гор, из селения в селение, из города в город, до самого Иерусалима. И тогда евреи начинают читать молитву: «На закате года мы обращаем к Тебе, Господь, наши сердца, чтобы поблагодарить Тебя за благодеяния и молить о благословении и руководстве нами в будущем...».

Все это было: набеги, пожары, войны, землетрясения. Но для каббалистов история Сафеда начинается в тот благословенный день, когда пришел сюда из Иерусалима рабби Исаак Лурия, мудрец и великий толкователь «Зохара». Окруженный учениками, рабби Исаак проводил дни и ночи в синагоге, пытаясь постигнуть мистический смысл каббализма. Что есть Бог? Что есть человек? И что есть Вселенная?

Из Сафеда пошло великое духовное возрождение иудейства шестнадцатого и семнадцатого веков. Каббалисты молились в двадцати одной синагоге Сафеда и учили в восемнадцати религиозных школах-ешивах. Рабби Иосиф Каро написал здесь свой труд «Шулхан Арух», — своего рода конденсированный Талмуд, свод законов и обычаев, по которым должен жить правоверный еврей, и правоверные евреи и по сей день живут по этой книге, напечатанной в Сафеде в 1565 году... Никуда не ушли каббалисты из Сафеда. Все они, и Исаак Лурия, и Иосиф Каро, и многие другие мирно улеглись на старом еврейском кладбище, на склоне Ханаанской горы... И еще сегодня собираются каббалисты у этих могил, читают заупокойные молитвы и оплакивают своих мертвецов...

По улочкам арабского города, вымощенным гру-

бым булыжником, пробираются старики в галицийских кафтанах, с меховыми шапками на головах. Знаете ли вы, что шапки эти должны быть сделаны из двенадцати частей лисьих хвостов, по числу колен израилевых?... Пойдите за одним из стариков. Он приведет вас в древнюю синагогу сефардов, где молился рабби Лурия. В центре синагоги, под самым куполом, как это было принято в Толедо, воздвигнут деревянный амвон, на котором читают свитки Торы, вывезенные еще из Испании. Сбоку, около амвона — широкий дубовый стол с грудами молитвенников и старых книг. За этим столом молятся, размышляют или просто дремлют седобородые старики с пергаментными лицами, словно сошедшие с полотен Рембрандта. Старики все еще стараются разгадать скрытый каббалистический смысл букв и цифр и правильно истолковать слово Божие... Я часто цитирую Довида Кнута. Никто лучше этого поэта не чувствовал особенной, библейской красоты Израиля:

И вновь всерастворяющий покой
Над вечностью библейскою заклятой.
И сквозь стеклянный неподвижный зной
Мне слышен Бог, склонившийся над Цфатом.

Да, есть здесь, действительно, некий «всерастворяющий покой»... Впрочем, живут в этом городе не одни каббалисты. Вокруг синагог — лабиринт улиц с восточными домами. Арабы, обитавшие в этих домах, красили стены в голубой цвет, который, как известно, отгоняет злых духов-джинов. Арабов в Сафеде больше нет, они бежали в 1948 году, после ожесточенного

уличного боя. В их прохладных домах живут теперь израильские художники. Что ни дом, то мастерская. По узкой каменной лесенке можно подняться наверх, в дом на скале, и вдруг, на высоте третьего этажа, — садик, громадное фиговое дерево. А вокруг — статуи, глыбы мрамора и гранита. Здесь мастерская скульптора, а рядом — художник, говорящий по русски. Милые мои друзья Нюта и Меир Шерман ходили из дома в дом, их всюду встречали радостными возгласами и сейчас же показывали новые, только что законченные вещи. И из дома талантливого художника Игола Гера вышел я счастливым обладателем чудесной акварели, на которой пляшут синие дома, арабские лесенки, балконы с железными баллюстрадами, какие то яркие цветы, солнечные блики, и по которой разлит удивительный, прозрачный, горный воздух вечного Сафеда.

В нескольких милях от Хайфы расположены две деревни друзов — Исфия и Далиа Эль Кармел.

Кто такие друзы? Они по происхождению арабы, но откололись от Ислама тысячу лет тому назад и имеют свою собственную религию, — помесь христианства, иудаизма и магометанства. В Израиле 26.500 друзов, а главная масса их живет в Сирии. Народ гордый, независимый. Помню, сколько неприятностей доставило Франции восстание друзов в Сирии, которое подавлял в тридцатых годах маршал Петэн. Когда в 1948 году началась война за Независимость, друзы стали на сторону Израиля, и многие пошли в израильскую ар-

мию, сражаясь против арабов. И сейчас кавалерийские части друзов являются украшением израильской армии.

По внешнему виду их трудно отличить от арабов. Та же «кефия» — белый головной убор, придерживаемый двумя черными ремешками. Костюм состоит из некоего подобия подрясника, на который надет пиджак. Женщины в черных платьях и платках, а те, кто помоложе, — в платьях ярких цветов... Деревни друзов гораздо чище деревень арабских и дома значительно лучше.

На главной улице Далии Эль Кармел есть несколько магазинов, торгующих «сувенирами» для туристов. Около одного из них мы остановились. Хозяин вышел навстречу с распростертыми объятиями, словно увидел он старых дорогих друзей. Он был маленького роста, с черными усиками и удивительно походил на короля Заиорданья. Говорил он по друзски, по арабски, на иврите и кое как объяснялся даже по английски.

— Мое имя Сулейман Ахмат, — сказал он. — Шалом! Как зовут американского гостя?

Американский гость назвал себя.

— Андрей Седых? Вери найс!

Покончив с приветствиями, Сулейман вдруг схватил плетеную корзинку и начал набрасывать в нее все вещи, которые, по его мнению, я обязательно должен был купить: два кривых дамасских кинжала, яркие вышитые тюбетейки, янтарные ожерелья — четки. Он даже пытался всучить мне какой то кофейник, — родной брат того самого кофейника, который уже был куплен на толкучке в Яффе.

Я запротестовал. Мне не нужны дамасские кинжалы. Сулейман остолбенел: какому человеку не нужен дамасский кинжал? Чем обороняются люди в Нью-Йорке?

Я подумал, что острый дамасский кинжал может очень и очень пригодиться для обороны на 70-ой улице, но мой Сулейман явно не слышал о законе Солливэна... С грустью он отложил один кинжал, а я потихоньку вынул кофейник и поставил его на место... Сколько же стоит содержимое корзинки?

Сулейман не хотел даже говорить о цене. Он только надевал на меня тюбетейку, любовался, совал в руки кинжал и приговаривал:

— Вери найс! Май френд Эндрю из Нью-Йорка — вери найс!

Воображение рисовало ему, как я иду по улицам Нью-Йорка в яркой друзской тюбетейке, а за поясом у меня торчит серебряный кинжал и я приветливо раскланиваюсь со знакомыми американцами: шалом, шалом!... Долго он не называл цену, — о таких пустяках даже неловко говорить. Наконец, Ицхак сказал ему несколько слов по арабски. Сулейман стал серьезным и назначил цену. Цифра была высокая. Он, очевидно, был убежден, что кинжал я непременно перепродам Тиффани на Пятом Авеню. Ицхак сделал вид, что мы уходим. Сулейман бросился ко мне, стал бить по рукам и называть цифры, — по английски, по арабски, на иврите и даже на «идыш». Долго мы торговались. От битья по рукам ладони мои начали гореть. Наконец, я капитулировал. Сулейман ловко завернул покупку в обрывок газеты и галантно сказал:

— Торговля кончена. Теперь вы мои гости. Пойдем ко мне на чашку кофе.

Он закрыл магазин и повел к себе в дом, окруженный садиком. Сады были перед каждым домом и всюду были цветы, тенистые деревья, олеандры и пальмы.

Сулейман вынул из кармана ключ и открыл комнату для гостей, выкрашенную в нежно голубую краску. Вдоль стен тянулись узенькие диваны, покрытые коврами и цветными подушками. Появились два его сына — Фуад и Моад, мальчики лет пяти и семи. Он распорядился угощением, мальчики исчезли.

Я спросил, есть ли у него дочери?

— Есть, — с грустью ответил Сулейман.

— Как их зовут?

— Кто интересуется именами женщин? — с презрением пожал он плечами. — Три девчонки, а кому они нужны? Вот Фуад и Моад — другое дело... Вери найс!

Босоногая девочка лет восьми вошла в комнату, метнула на нас красивыми, большими глазами, слегка усмехнулась и поставила на стол поднос с чашечками турецкого кофе и сластями.

Мы пили горячее, как огонь, сладкое кофе маленькими глотками и вели приличествующий, светский разговор. Все же, Сулейман раскрыл нам тайны своей семейной жизни: повел в соседнюю комнату, спальню, очень чистую, с цыновками на полу, заменявшими постели. На одной цыновке спала девочка лет трех, накрывшись от мух одеялом с головой. На соседней лежала младшая дочь шести месяцев, с соской во рту. На кухне увидели мы и жену, которая не вышла к го-

стям, должно быть потому, что место женщины — на кухне, и что непристойно показывать жену людям. Была она молодая, лет тридцати, не больше, но как все восточные женщины, казалась уже поблекшей и старше своих лет.

На прощанье мы сфотографировались, — Сулейман, Фуад, Моад и май френд Эндрю. Женщины скромно стояли в стороне. Сулейман обнялся со мной, долго жал руки и сказал, что он будет счастлив, если вся Америка приедет к нему на чашку кофе. Я объяснил, что Америка велика, гораздо больше Далиа Эль Кармел, но недостатка в туристах у него не будет.

Автомобиль тронулся. Сулейман, Фуад и Моад хором крикнули:

— Шалом ал Израэль!

Хороший народ — друзы.

ОТ АККРА ДО НАЗАРЕТА

ДВЕ НОЧИ с балкона отеля Дан Кармел любовался я далекими огнями Аккра, а на третье утро мы поехали из Хайфы посмотреть эту крепость и город.

В библейские времена город назывался Акко, но что осталось в нем от библейских времен? Историки подсчитали, что разные армии осаждали Аккр семнадцать раз! Город горел, лежал в развалинах, его восстанавливали и снова сжигали.

Прочнее других обосновались в крепости рыцари ордена св. Иоанна, переименовавшие Акко в Сэн Жан д'Акр. Но и крестоносцев вырезали через сотню лет полчища мамелюков и потом на много веков имя Аккр сошло со страниц истории. Для чего понадобилось Бонапарту во время его злополучной египетской кампании осадить Аккр? Генерал вторгся из Египта в Палестину в 1799 году и решил взять крепость не со стороны моря, а суши. Защищал Аккр оттоманский губернатор Ахмет Эль Жазар и его ближайший советник, еврей Хаим Фари. Не знаю, изучают ли историки наполеоновских войн военную стратегию Хаима Фари, но именно эта стратегия восторжествовала над гением Бонапарта. Будущий Первый Консул должен был отступить от стен Аккра, вернулся в Египет и, сообразив,

что задуманный им поход на Индию может оказаться делом нелегким, бросил свою армию на произвол судьбы и вернулся в Париж, — подготовлять переворот 18 Брюмера. Справедливости ради надо добавить, что у Ахмета Эль Жазара и Хаима Фари был могущественный союзник — британский флот, который перехватил и уничтожил всю тяжелую артиллерию Наполеона, отправленную в Аккр морским путем.

Ахмет Эль Жазар был замечательно одаренным человеком. Он мечтал вернуть Аккру былое величие, превратить его в «маленький Константинополь». В первую очередь паша построил в городе великолепную мечеть — самую большую из существующих в Израиле. Осмотр Аккра мы и начали с мечети Эль Жазара.

Как только машина остановилась, на нас налетела стая арабских ребятишек. Были они грязные, оборванные, босоногие. Протягивали руки и с азартом просили «бакшиш».

— Ни в коем случае ничего не давайте, — попросил наш шофер. — Мы стараемся отучить их от попрошайничества.

Он сказал несколько слов по арабски. Мальчишки слегка попятились, а затем, как ни в чем не бывало, присели на корточки и что то наперебой начали нам доказывать.

— Они говорят, что будут стеречь нашу машину, — засмеялся шофер.

На всякий случай машину мы заперли и отправились к мечети.

В просторном дворе мраморные фонтаны, у которых правоверные совершают омовение перед молитвой. На клумбах цветы, кусты лавра, пальмы. С трех сторон двора, под крытой колоннадой, напоминающей «клуатры» католических монастырей, устроены кельи с небольшими куполами. Подошел старик в белой чалме, «хаджи», побывавший в Мекке, и объяснил, что в этих кельях будущие муллы изучают Коран. Но сейчас лето, они разъехались. Остался только он, мулла, да муэдзин.

— Пять раз в сутки, когда надо совершать намаз, муэдзин взбирается на минарет и призывает правоверных к молитве.

Мы сняли ботинки, оставили их у входа и вошли в просторную, белую мечеть. Мрамор на постройку Жазар-паша взял из разрушенной римской Кесарии. Позже, осматривая караван-сараи Аккра, т.е. постоялые дворы, я обратил внимание, что в одном из них стояли замечательные мраморные колонны. Откуда могли взяться такие колонны на постоялом дворе для погонщиков верблюдов?

— Тоже из Кесарии, — ответил мой спутник.

Каждое слово, даже шепотом сказанное в мечети, отчетливо слышно во всех ее углах. Помню свет, лившийся с купола, синюю арабскую мозаику и витиеватые надписи из Корана вдоль стен.

Мулла повел показать усыпальницу Жазар-паши, похороненного тут же, во дворе, и его близкого друга Сулейман-паши. Этот Жазар был отличным строите-

лем, да и мрамора в Кесарии оказалось сколько угодно, — остатки разрушенных языческих храмов. Кроме мечети, построил он еще и роскошную баню-хамам, в которой теперь размещен краеведческий музей. По моему, это была крупная ошибка: арабскому населению Аккра хорошая баня нужна гораздо больше музея.

Из мечети мы вышли в узкие улицы. Какие то средневековые каменные проходы, высокие лесенки, балкончики с вьющимся синим и красным бугенвилем. После деловой, чистой и нарядной Хайфы соседний Аккр произвел впечатление бедного и грязного муравейника. Жалкие лавки, торгующие старым платьем, ношеной обувью и такими башмаками, что не верится: неужели может найтись и на них покупатель? И рядом — лотки с баклавой, торговцы фелафелем, горячей пшенкой, плавающей в подозрительном ведре. На крытом базаре видел я не только арабские, но и еврейские лавки. Хозяин одной из них, услышав, что мы говорим по русски, с грустной улыбкой сказал:

— Я тоже из Россию... С 1905 года. Уже забываю язык среди этих аравим (арабов)!

Мы вошли в крепость. В бойницах торчат турецкие и французские пушки наполеоновских времен, направленные на море. Внутри крепости тысячи арабских жилищ, пристроенных прямо к древним каменным стенам.

Израильское государство делает все возможное, чтобы улучшить положение арабов Аккра. Проведены вода и электричество, построены больницы и школы. Но как далеки еще местные арабы от элементарной ги-

гиены, как грязны их дети по сравнению с детьми из еврейского квартала!

В крепости сохранилась тюрьма, наследие турецких времен. Турки содержали здесь бахайского пророка Баха Улла, а при англичанах в этой тюрьме вешали еврейских террористов. На верхнем этаже показывают шесть камер, в которых содержались В. Е. Жаботинский, организатор иерусалимской «Хаганы», и его 19 товарищей. Жаботинский, приговоренный английским военным судом к 15 годам тюремного заключения, просидел в Аккре семь недель, и так велико было негодование во всем мире, что арестованных быстро амнистировали. А теперь именем Жаботинского названы улицы в Тель Авиве и в Иерусалиме и этот бывший политический заключенный был похоронен с государственными почестями на горе Герцля... Времена меняются.

Еще мечети, тоненькие минареты, тянущиеся к синему небу. Опять караван-сараи. Сколько их? Их много, но в былые времена из Сирии в Акко ежедневно приходило от 2.000 до 3.000 верблюдов. Нужно было разместить их на ночь, накормить и дать ночлег погонщикам. Все это кончилось. Теперь в караван-сараях устроились какие то ремесленники, с утра до ночи стучат их молотки. А зелень и овощи привозят в Аккр уже не верблюды, а нагруженные до верха кибуцные грузовики.

Мы медленно прошли вдоль стен крепости и по бастионам, у подножья которых плескалось море, и вернулись к машине. Сторожа исчезли, очевидно отчаявшись получить с нас какую нибудь мзду.

**
*

От Аккра рукой подать до границы с Ливаном.

Граница эта считается спокойной. Дорога идет над морем и внезапно обрывается у закрытого шлагбаума. На утесе надпись:

«Здесь кончается Израиль. Дальше — опасность».

У шлагбаума стоит молодой, скучающий солдат. Он сказал нам, что ливанский пограничный пост находится в 3 километрах. Между постами — ничья земля. Никто здесь не живет.

У самого обрыва, над морем, устроено кафе, принадлежащее местному кибуцу. Всякий раз, когда подъезжаешь к израильской границе, обязательно найдешь кибуц, имеющий стратегическое значение. Кибуцы охраняют Израиль.

Долго отдыхаем на террасе кафе. Отсюда, с высоты скалы, открывается удивительный вид на море, на бескрайнюю долину, на галилейские горы. И внизу, вдоль берега, видно заросшее сорными травами железнодорожное полотно и заржавевшие рельсы. Когда то по этому пути шли поезда из Тель Авива и Хайфы, в Бейрут, до самого Константинополя... С 1948 года граница закрыта. Поездов больше нет.

Неправдоподобно большое, красное солнце, садится в море. Солдатик у шлагбаума прогуливается: десять шагов вперед, десять назад. Вся ширина дороги, ширина границы.

**
*

На обратном пути, не доезжая до Хайфы, мы сворачиваем в сторону и очень скоро оказываемся в гор-

ной, дикой местности. Суров пейзаж галилейских гор, камни, еще камни, сосны. И вдруг, надпись на столбе:

— Назарет.

Помните, в Евангелии от Матфея:

— ...И пришед поселился в городе, называемом Назарет.

Христос прожил в этом городе все свое детство, свою юность, — первые тридцать лет жизни, насыщенные тайной. В Ветхом Завете о Назарете даже не упоминается. Это была деревушка, населенная бедным и трудовым народом. История Назарета начинается с того дня, когда архангел Гавриил был послан в город галилейский к Деве Марии: «Радуйся, Благодатная! — сказал посланец, — Господь с Тобою; благословенна Ты между женами»... И вот мы спускаемся по узким каменным ступеням францисканского монастыря в пещеру Благовещения, где явился Богоматери посланец с благою вестью. В пещере устроен алтарь, горят лампады; у малого алтаря молятся два католических священника... Нужна большая вера, абсолютная, чтобы принять эту пещеру и два каменных столба — столб Гавриила и столб Марии — и поверить, что рядом, в другой пещере, была, как уверяет гид «кухня Марии». Тут, действительно, видны остатки цистерн для вина и для масла. Над пещерами храм, а над ним сейчас возводят громадный собор, один из десяти самых обширных в мире, и еще другой храм построили над пещерой, в которой, по преданию, была мастерская Иосифа.

Назарет — место святое для миллионов людей, но чтобы почувствовать его глубокий смысл, нужно забыть о двадцати трех церквах, сооруженных на горе,

о многочисленных монастырях и подворьях. Все это так далеко от убогой пещеры плотника и от остатков единственной древней синагоги, в которой молился в молодости Иисус. Ведь рассказывает евангелист Лука: «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать»... Синагога, в которой молился Христос, давно превращена в греко-католическую церковь, но церковь эта без убранства, с голыми стенами, в ней есть величие простой веры.

Неподалеку от церкви архангела Гавриила стоит фонтан Марии, — по преданию тот самый, к которому ходила Богородица за водой. Иначе и быть не могло, — это был единственный фонтан в Назарете. Из стены, под древней каменной аркой, бежит прозрачная, холодная вода. Еще недавно арабские женщины собирались у фонтана Марии, чтобы наполнить водой свои глиняные кувшины. Теперь в каждом доме Назарета есть водопровод и никто больше сюда не ходит. Фонтан стоит заброшенный. Но позади его, в тени громадного фигового дерева, устроено арабское кафе. За столиками важно восседают арабы, покуривающие наргиле. Перед каждым — чашечка черного кофе и стакан ледяной воды. Арабы наслаждаются кофе, бездельем и тягучей, довольно гнусавой музыкой радиоаппарата, наставленного на Каир... Нет, это не Назарет, который рисуется воображению паломника!

Может быть, ближе всего ко временам Христа — узкие улочки, в которых работают мастеровые бедняки Назарета, с утра до ночи бьющие молотками по листам железа и меди, гончары или бородатые плот-

ники, строгающие сосновые доски. Должно быть, примерно так выглядели в те далекие времена базарные улицы, мощеные каменными плитами, с узкой ложбинкой посредине для осликов, нагруженных тяжелой кладью. Это очень странное, немного даже кощунственное чувство: среди этих арабов с белыми покрывалами на головах, среди кузнецов-молотобойцев, среди погонщиков ослов чувствуешь себя ближе к библейским временам, нежели в громадной базилике, которую воздвигают сейчас католики над пещерой Благовещения...

Назарет — единственный город в Израиле, где большинство населения составляют арабы. Из 32.000 жителей только 7.000 евреев. Живут они, главным образом, в новом квартале, вне арабского района. Местные арабы почти все христиане; видел я здесь только одну, сравнительно небольшую мечеть. Муниципалитет — арабский, мэр города — араб, но мне показалось, что люди живут в Назарете бедно, что дома никак не подходят для современных жилищ, и на улицах и в лавках — страшная грязь. Прямо на земле, в пыли, стоят раскрытые бочки с маслинами, мешки с кофе в зернах. Над противнями с баклавой и рахат-лукумом тучами вьются мухи. И тут же, посреди мостовой, зловонные ручейки, гнилые помидоры, какие то помои, — Восток в самом неприглядном своем виде.

На базаре стоял крик, шум. Торговцы расхваливали свои товары, выкрикивали что то, надрываясь. Торговля шла не только в лавках, но и посреди улицы, с лотков, прямо с рук. Старик-араб протягивал прохожим три связанные луковицы, а какая то старуха с

лицом, закрытым до самых глаз чадрой, в ярких тряпках, высыпала на полотенце, разложенное на мостовой, фунт или два фисташек — весь ее товар, источник ее существования... Я хотел было сфотографировать старуху и, должно быть, сделал бестактность: увидя направленный на нее объектив, она дико закричала, замахала руками, потом схватила полотенце со своим несложным товаром и бросилась бежать, подальше от греха.

Грустный это был день... Не таким представлялся мне Назарет!

Почему то принято считать, что «Святые места» все находятся в той части Палестины, которая отошла к арабам, и расположены в старом, арабском квартале Иерусалима.

Это, конечно, не так. Христианин найдет в Израиле множество мест, связанных со Священным Писанием, и места эти с большим уважением охраняются израильским государством. Прежде всего, конечно, Назарет, — не тот, который показывают туристам, а Назарет воображаемый, окутанный глубокой тайной... Город, из которого отправился в дни кесаря Августа плотник Иосиф с женой Марией в «Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеемом». Гора над Назаретом, на которую, конечно, взбирался в детстве с другими мальчиками из «ешивы» (религиозной школы) Иисус. С горы видели они караваны верблюдов, идущие из далеких стран, и овеянный легендами Кармел... Вблизи проходила дорога на Иерусалим. Иисусу было двенад-

цать лет, когда родители Его решили совершить на Пасху паломничество в святой город. Мальчик там потерялся. Его нашли позже в синагоге, среди ученых раввинов, которые были поражены Его познаниями и ответами. Это все, больше ничего мы не знаем о первых тридцати годах жизни Христа. Ничего, кроме того, что есть еще синагога в Назарете, где Он молился и где Его вызывали к чтению книги пророка Исайи.

В нескольких километрах, на пути к Тивериаде, стоит Кафр Канна, — та самая деревня, где была свадьба в «Канне галилейской», и где произошло первое чудо превращения воды в вино. А что испытывает паломник, приближаясь к Тивериаде и Галилейскому морю? «...Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающего сети в море»... Были они простыми рыбаками, и по сей день, на таких же барках, как во времена Христа, рыбаки из кибуца Эйн Гев выходят в море закидывать сети. Прошло две тысячи лет, но мало что изменилось на Галилейском море, где Христос нашел «ловцов человеков».

И еще одно место посетил я в Израиле, которое должно быть дороже всего душе христианина: гору Блаженства, на которую взошел Христос, чтобы сказать Свою Нагорную проповедь. Это все рядом, — древнее Тивериадское озеро, и Капернаум, и эта невысокая гора, — вся в камнях, с выгоревшей от жгучего солнца травой и кустарником... «Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их говоря: блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...

Блаженны плачущие, ибо они утешатся»... Девять раз толпа слышала это слово «блаженны», и народ дивился новому учению.

На вершине горы Блаженства теперь стоит итальянский монастырь, окруженный садом, в котором покачиваются высокие вершины пальм и темные кипарисы. Не было тогда монастыря, не было этой церкви из белого мрамора. Но сама гора не изменилась, придорожные камни все те же, и так же дует с Галилейского моря свежий ветер, как в тот день, когда здесь прозвучали слова любви к ближнему.

ГОРОД МЕРТВЫХ И КИБУЦ ЖИВЫХ

ВЫ ПОБЫВАЛИ в Бет Шеарим? — спросил Ян Ионай, главный реставратор исторических памятников в Израиле.

— Нет еще.

— Поезжайте. Всего 18 километров от Хайфы. Это нельзя не посмотреть.

И вот солнечным, жарким днем мы едем в Бет Шеарим, что на иврите означает «Дом Врат». После разрушения Храма, во втором веке, Синедрион был изгнан из Иерусалима и нашел убежище в Бет Шеариме. За Синедрионом ушли мыслители, ученые раввины. Центр еврейской культурной и религиозной жизни переместился из Иудеи в Галилею.

Недавние раскопки обнаружили на вершине горы в Бет Шеариме развалины синагоги и несколько других зданий, — в одном из них заседал Синедрион. Была здесь фабрика стекла, была, конечно, и школа. По настоящему знаменит Бет Шеарим тем, что здесь жил и учил прославленный раввин Иегуда Ханасси, который собрал воедино все устные законы еврейства и оставил их на вечные времена под именем «Мишны».

Когда Иегуда Ханасси умер в 220 году нашей эры, перед его сыновьями — рабби Гамалилем и рабби Си-

меоном стал вопрос: где предать земле останки великого старца? Полагалось ему быть похороненным на древнем иудейском кладбище на склонах Оливковой горы в Иерусалиме. Но после того, как восстание Бар Кохбы было подавлено, евреям запретили доступ на это кладбище. Есть основания думать, что Иегуда Ханасси был похоронен в катакомбах Бет Шеарим. Катакомбы эти открыли совершенно случайно два археолога Иерусалимского университета только в 1936 году. Раскопки дали поразительные результаты. Выяснилось, что в Бет Шеариме хоронили не только членов Синедриона и знаменитых раввинов. Сюда привозили в оловянных гробах, на спинах верблюдов, важных покойников Бог знает откуда, из Сирии и из Иемена.

До Израиля побывал я в Риме, в знаменитых катакомбах св. Калиста и, по правде говоря, остался разочарован. Бесконечные коридоры, освещенные электричеством, пустые ниши в стенах, где когда то лежали покойники, и только две гробницы пятого века, в которых сохранились еще кости и прах. В Бет Шеариме куда интереснее. Посетители входят через тройные каменные ворота в большой подземный зал, из которого в разных направлениях идут коридоры, высеченные прямо в скале. Очень много мраморных гробниц с надписями на древне-еврейском языке, греческом, арамейском. Часто высечено на камне изображение семисвечника, или «шойфер» — рог из которого с амвона синагоги возвещают о наступлении праздника. На многих гробницах изображены львы Иудеи... Наш гид расшифровал несколько надписей. Одну из них я списал:

«Здесь они покоятся, Атио, дочь раввина Гамалиела, сына Нехемии, которая умерла девственницей двадцати двух лет от роду, и Атион, дочь раввина Иуды, которая умерла в возрасте девяти лет и шести месяцев. Да восстанут они из мертвых вместе с праведниками».

А что же могила рабби Иегуды Ханасси? Сотни саркофагов уже обнаружены и обследованы в Бет Шеариме, а гробницы автора «Мишны» до сих пор не нашли. Сыновья его Гамалиель и Симеон здесь похоронены. Где то в скале должна быть и его усыпальница, и когда нибудь профессор Авигад ее обнаружит.

Есть основания думать, что в незапамятные времена арабские или бедуинские мародеры побывали в этих катакомбах и гробницы разграбили. Не остановила их даже надпись, которую можно прочесть на одном из каменных гробов: «Здесь покоится Шимон, сын Иоханаана. И, клянусь, что человека, который потревожит его гробницу, будет ждать страшный конец».

Несмотря на надпись, гробница Шимона, как и другие, была взломана.

Бет Шеарим стал в Израиле местом паломничества. На горе, где был некогда город, теперь сделаны лесные насаждения, разбит парк.

Здесь тихо. Среди колонн и каменных плит древней синагоги с шуршанием пробегают серые ящерицы.

Маршрут наш по Израилю был странный. Мы ехали зигзагами, вопреки логике и дорожным указателям. Иногда делали лишних десять миль, чтобы поглядеть

на какие то развалины или полюбоваться закатом. Мой израильский друг и его жена уговаривали подняться на гору Табор, — оттуда открывался особенно красивый вид. Но я не соглашался — хотелось добраться засветло до Тивериадского озера. Мой спутник сокрушался и красочно говорил:

— Вы не понимаете, как от этого подъема русская литература обогатеет.

Так русская литература и не «обогатела». В общем, надо было послушаться совета: ведь это — гора Преображения, на нее «по прошествии дней шести» совершил восхождение Христос, которого сопровождали Петр, Иаков и брат его Иоанн. «И преобразился перед ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как снег»... С вершины горы Табор виден не только Назарет, но и Галилейское море, которое израэли теперь называют Киннерет. Почему, собственно, это озеро именуется с библейских времен морем? Ответ дает игумен Даниил. Странствовал он по Святой Земле в начале XII века и оставил красочное описание своего путешествия: «Имеет же Палестина различные озера, обаче два суть знаменитые: и едино уже зовется Генисаретское и Генисарет и Тивериадское и море Галилейское. Другое же море Мертвое, и убо озеро Генисаретское, яко же и Мертвое — глаголются моря, понеже Евреи обычай имеют именем моря именовати всякий ров, в котором собирается множество вод, аще сладки суть, аще горьки».

Должен покаяться: на пути к Галилейскому морю мы проехали мимо деревушки Кафр Кама, расположенной у самой горы Табор, и не остановились. И только

вернувшись в Америку, сидя в библиотеке, я узнал, что все население этой деревушки состоит из русских черкесов, эмигрировавших сюда с Кавказа в 1880 году, после разгрома Шамиля.

В Израиле 1.600 черкесов живут в двух деревнях: Кафр Кама и Риханья, в Верхней Галилее. С 1 сентября 65 года в Кафр Кама открыта специальная школа, которую посещают 350 учеников. Старики говорят по черкесски, но молодое поколение, конечно, отлично знает иврит.

Во время войны за Независимость черкесы сражались в рядах израильской армии и доказали свою лояльность еврейскому государству. Многие из них теперь служат в пограничных частях.

В Кефар Кама выходит бюллетень, — часть на иврите, часть на черкесском языке, но печатается он русскими буквами.

Чем ближе к Галилейскому морю, тем больше плодородных земель, гуще леса. Все время попадаются кибуцы, — израильский вариант колхозов, или мошавы, где живут фермеры-единоличники, связанные, однако, между собой кооперативным началом. Все необходимое для ведения хозяйства в мошаве приобретается кооперативом и через него же продают урожай, скот и т.д. Есть некоторая трудовая взаимопомощь, но в то время, как в кибуце его участники работают на коллектив, в котором нет частной собственности, в мошаве каждый хозяин работает на себя и на свою

семью и получает полностью доход, приходящийся на его долю.

Первые земледельческие хозяйства в Палестине были основаны «халуцим», пионерами-сионистами, девяносто лет тому назад. Петах Тиква (1878 г.) и Ришон Ле Цион (1881) были созданы по типу европейских деревень. На поддержку довольно неопытных и беспомощных фермеров барон Ротшильд потратил миллионы. Но форма индивидуального хозяйства в конце концов получила в Израиле широкое распространение. Сейчас в Израиле имеется 360 мошавим, т.е. земледельческих поселений, в которых каждый работает за свой страх и риск и пользуется плодами своих трудов.

Кибуцы появились позже. В 1909 году группа молодых халуцим — десять мужчин и две женщины — создали на южном берегу Киннеретского озера первый коллектив «Дегания», который считается теперь «матерью израильских кибуцев». В основу кибуца легли толстовские идеалы, завезенные в Израиль русскими и польскими евреями, с сильной социалистической окраской. Кибуц — это коллективное хозяйство в полном смысле этого слова. Участники его не имеют личной собственности. Все их материальные и культурные нужды удовлетворяются кибуцем. Каждый получает еду, кров, одежду, медикаменты. С участников кибуца сняты заботы о воспитании детей. От рождения до смерти все решительно потребности кибуцника обеспечены. При этом идеальном социалистическом строе деньги не нужны и за исключением небольшой суммы на карманные расходы кибуцник ничего не имеет.

Больше того: многие получили от германского правительства довольно значительные суммы в виде возмещения за материальные убытки или за причиненные им страдания в нацистских лагерях. Все эти суммы они полностью отдали в кассы своих кибуцев. Только некоторые кибуцы разрешили своим членам удержать у себя часть полученных из Германии денег, не больше 25 процентов всей суммы.

Если после оплаты расходов в кибуце остается прибыль, она уходит на расширение и улучшение хозяйства.

В Израиле в настоящее время имеется 250 кибуцев с населением в 80.000. (1964) Есть кибуцы в 1.000 человек, есть и малые, — 50-75 душ.

В последнее время рост кибуцев замедлился. Предпочтение дается мошавам, число которых достигло 282 в 1965 г. с общим населением в 120.000 человек. Одной из причин успеха мошавов является наплыв новых, восточных иммигрантов, чуждых идеям социализма, привыкших к патриархальному образу жизни и индивидуальному ведению хозяйства.

О земледельческих поселениях речь будет впереди, а это нечто вроде вступления, и написал я его потому, что наша машина застопорила у ворот «матери кибуцев».

Первое, что мы увидели, был старый, заржавевший танк у самого входа.

Во время войны за Независимость сирийские танки вторглись в Израиль и прорвались до ворот Дегании. Здесь поджидали их кибуцники, вооруженные винтовками и «молотовскими коктейлями». Первая же

удачно запущенная бутылка попала в цель. Танк загорелся... Другие сирийские танки поспешно повернули назад.

Деганию отстояли.

Мы торопились в другой кибуц, Эйн Гев, расположенный на сирийской границе, всего в 13 километрах от Дегании. Решили не останавливаться, только посмотрели на танк. Позже встретил я старика, который был одним из основателей Дегании. Он родом из России, но уехал так давно, что почти забыл язык и с большим трудом подбирал нужные слова... Он рассказал, как трудно было по началу. Место оказалось дикое, болотистое. На поселок совершали набеги кочевники-бедуины и за ворота нельзя было выйти без винтовки.

— И никто не знал даже, как надо пахать, и как доить корову. Ничего, научились, и других научили... Нужны были не только физические силы, но и смекалка. Каждый из нас был большой пройдоха на ум... Чего вы смеетесь? Разве так нельзя сказать?

Я успокоил старика: конечно, так можно сказать... Много интересного узнал я от него относительно роста Дегании. Кроме громадных плантаций и молочного хозяйства кибуц завел и индустрию, поставил два завода; на одном выделываются счетчики для водопроводов, на другом — химические порошки для мытья посуды и стирки. Сорок пять лет провел он в кибуце, на берегу Киннерета. А вот теперь состарился, приехал в гости, повидать детей и внуков. В кибуце хорошо, есть уважение к ватиким (ветеранам).

— Что же, — сказал я. — Теперь вы пользуетесь заслуженным отдыхом...

Старик обиженно встрепенулся. Отдых? Какой может быть отдых у кибуцника?

— Мы все работаем. И для меня всегда найдется занятие. Только старики работают четыре часа в день, а не восемь, как все остальные. А права у нас — одинаковые. Мы все — хаверим, товарищи.

Почему то я представлял себе Галилейское море идеально спокойным. Нет, с гор Самарии дул свежий ветер и по озеру ходили волны... Бурным оно было и в тот день, когда Христос вошел в лодку со Своими учениками. «И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал. Тогда ученики Его, подошедши к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас: погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, маловерные? Потом встав запретил ветрам и морю и сделалась великая тишина». (От Матфея, гл. 8).

Дорога сворачивает, огибая озеро. Мы въезжаем на деревянный мост и друзья показывают на довольно мелководную в этом жарком сезоне реку:

— А вот и Иордан.

Замечательна в Израиле эта необычайная насыщенность страны великими именами и великими событиями. Только что было Тивериадское озеро. И уже река Иордан! «Ердан же река течеть быстро, вода же его мутна и сладка вельми», писал первый русский

паломник, побывавший в Палестине. А другой «землепроходец», диакон Иона описывал так: «Святы бо Иердан течет от полунощи на юг в Содомское море, широтою, яко на двадцать сажень, а инде и больши; течет меж гор быстро, земля глиниста, вода бела и легка».

Где то здесь, по этим берегам бродил Иоанн Креститель в одежде из верблюжьего волоса, опоясанный кожаным поясом — человек из пустыни Иудейской, и сюда пришел Иисус «креститься от него»... Напротив, по ту сторону озера — древняя Тивериада, а в нескольких минутах пути отсюда усыпальница великого раввина Меира «Дающего Свет» и рабби Акивы, которого римляне жестоко пытали и умертвили, подавив восстание его духовного сына Бар Кохбы. Это было во втором веке нашей эры, а тысячу лет спустя в Тивериаде похоронили другого еврейского мыслителя и ученого Средневековья Маймонида, который скончался в Каире.

Вот она, Тивериада, на берегу озера. Бунин писал об этих местах:

В скалистых недрах спит Геннисарет
Под серою стеной Тивериады.
Повсюду жар, палящий блеск и свет
И допотопных кактусов ограды.
На пыльную дорогу в Назарет
Ты вечно веешь сладостью прохлады.

Ход мыслей моих был прерван — мы приехали в кибуц Эйн Гев, основанный в 1937 году группой ры-

баков с Киннерета. Теперь население кибуца составляет 350 человек, но раз в году, на Пасху, оно увеличивается до нескольких тысяч: здесь происходит музыкальный фестиваль. В эти дни на машинах и на грузовиках со всех сторон Израиля в Эйн Гев съезжаются любители хорошей музыки.

Мы прямо подъехали к домику, в котором живет организатор этих фестивалей Яков Стейнбергер. Он родом из Вены, а жена его Батя — из России, и оба наперебой рассказывают о кибуце, которым они явно гордятся.

— У нас праздник. Я должна вам показать предмет нашей гордости, — прежде всего сказала Батя. — В этом году в доме каждого кибуцника поставлены аппараты для охлаждения воздуха. Теперь мы чувствуем себя совсем американцами!

Аппаратов этих кибуцники ждали двадцать пять лет. Дело в том, что Киннеретское озеро расположено в котловине, на 200 метров ниже уровня моря. Большую часть года здесь стоит страшная жара. Кибуцники от жары страдают, но зато на своих плантациях они собирают ежегодно 15.000 тонн бананов, двойной урожай винограда, маслин и фиников.

Домик Стейнбергеров малых размеров, очень чистый и прохладный. Обязательные полки с книгами. Радио-аппарат. У Стейнбергеров трое детей: прелестная девочка лет 12, дочь-солдатка, как раз в этот вечер приехавшая в отпуск домой, и взрослый сын. Солдатка была заплаканная, с ожесточением что то говорила матери и потом скрылась в своей спальне.

— С девушками трудно, — вздохнула Батя. — У

нее сегодня вечером назначено свидание с одним хавером. И она упрекает меня в том, что у нее всего одна кофточка, да и та не очень нарядная, а в форме идти на свидание она не желает. Кибуц должен снабжать ее платьями, но раз она в армии...

Сын тоже огорчил: он родился в этом кибуце, был здесь воспитан, а теперь заявил, что хочет из него выйти.

— Почему? — заинтересовался я.

— Слишком спокойная жизнь. Здесь я могу прожить до глубокой старости и никогда дальше Иерусалима или Тель Авива не поеду.

— Что же вы намерены делать?

— Поеду на юг, в Эйлат. Там другая жизнь. В пустыне нужны люди...

Но и здесь они нужны. Эйн Гев расположен на самой сирийской границе и 70-80 процентов его населения — молодые сабры, недавно вышедшие из армии. Близость границы чувствуется на каждом шагу. От дома к дому ведут глубокие окопы, всюду бомбоубежища. В одно из них мы спустились. Устроено оно на глубине двадцати футов, специально для детей. В бетонированном помещении стоят рядами детские койки. Есть запасы воды, керосина, продовольствия.

— В случае тревоги дети могут выйти из своих домов и в одну минуту укрыться в бомбоубежище.

Тревоги случаются. В 1962 году сирийцы вдруг открыли по Эйн Геву артиллерийский огонь и бомбардировали кибуц всю ночь. Жертв не было только потому, что население знало, что делать в случае боевой тревоги. Но два-три дома в детском квартале были

снарядами разрушены и их не отстроили, — может быть для того, чтобы развалины всегда напоминали о близкой опасности.

— Вот так мы и живем, всегда под угрозой, — говорит Батя. — Но это не имеет значения!

В кибуцах, с момента рождения, дети воспитываются отдельно. Есть ясли для малюток. В другом доме живут дети в возрасте от двух до шести лет, в третьем от шести до 10 лет. Старшие имеют общежитие при школе.

Будущие кибуцники спят, едят, играют в своих помещениях. После рабочего дня родители забирают их на несколько часов домой. В назначенное время детей приводят обратно, укладывают спать, рассказывают сказку или поют песенку... Но не создается ли таким путем отрыв детей от родителей?

— Наоборот. В кибуцах очень сильно семейное начало. Родители работают и не могут уделять детям внимания в течение дня. Ребенок будет только мешать матери. Зато два или три часа, которые он проводит в своем доме — праздник, и эти часы целиком принадлежат детям. Никто не может потревожить кибуцников в это время.

Мы побывали в детских домах, где все блестело. Комнаты полны игрушек, на стенах детские рисунки.

До десятилетнего возраста мальчики и девочки живут вместе. Потом их разделяют.

— Это совместное воспитание, — сказала Батя, — имеет, однако, странное последствие. Никогда дети из одного кибуца не женятся друг на друге. Они воспитаны, как братья и сестры, и такой брак кажется

им чем то вроде кровосмешения. Юноша возьмет жену из другого кибуца. Девушка выйдет замуж и уйдет жить в соседний кибуц.

О том — как живут кибуцники, будет речь в следующей главе. Скажу только, что для такой жизни нужно обладать не малой долей идеализма. Времена халуцим, пионерства, прошли. Кибуцное движение переживает сейчас большой идейный кризис. Человек, правда, всем в кибуце обеспечен, но у него нет ничего собственного, кроме, разве, книг и каких то мелочей, и это многих тяготит. По мере роста общего экономического благосостояния страны появляется потребность в «роскоши» — в собственном радио-аппарате, рефриджираторе, иногда даже в автомобиле.

— Мы — свободные люди и служим определенной идее: израильское государство будет существовать, если евреи не только сядут на землю, но и пустят в нее глубокие корни, — говорили мне Стейнбергеры. — Наша жизнь основана на добровольном труде, а не на принуждении. Если хотите, это идеальная форма коммунизма. С той только разницей, что в нашем кибуце нет ни одного коммуниста.

Потом Яков Стейнбергер показал нам свою гордость: концертный зал на 2.500 человек. В зале этом выступали Яша Хейфец, Иегуда Менухин, Ростропович, Московский Филармонический оркестр и был даже устроен балетный спектакль Марго Фонтэйн и Нуреева... Начали с летней эстрады под открытым небом. Публика сидела на ящиках, бочках, на досках. Потом постепенно пристроили стены, крышу. Приобрели стулья. В конце концов, — это только кибуц, простая

деревня, а фестивалям его может позавидовать Нью-Йорк!

Славится озеро своей рыбой.

За много веков до нас на Киннерете побывал игумен Даниил и записал: «Сладка бо рыба та, паче всех рыб; ядохам бо и мы грешнии рыбу ту не единою, но многажды, будучи во граде том» (Тивериаде).

Ночью мы сидели в кибуцном кафе на берегу озера и «ядохам» свежую жареную рыбу... В лунном свете возвращались с ловли рыбаки. Уехали мы поздно. Кибуцник с винтовкой за плечами открыл ворота. При виде этого вооруженного человека вся идилия мирной сельской жизни исчезла... Перед нами, на горе, была граница и был враг.

ДВА ДНЯ В КИБУЦЕ «МАЛЫЕ ХОЛМЫ»

ЭЙН ГЕВ произвел такое сильное впечатление, что я решил побывать в каком нибудь другом израильском «колхозе». Выбрали для меня кибуц Шефайим («Малые холмы») главным образом потому, что он расположен на берегу Средиземного моря, всего в 45 минутах от Тель Авива. При кибуце устроен Дом Отдыха для приезжающих. Но оказалось, что время каникулярное, дом переполнен. Понадобилось вмешательство министерства туризма, чтобы нашлась свободная комната.

Приехал я утром. День обещал быть жарким. Должен оговориться: за четыре недели, проведенные в Израиле в июле, вопреки всем предсказаниям, я ни разу не страдал от жары, как в Нью-Йорке, если не считать, конечно, поездки к Мертвому морю или через пустыню Негев. Вероятнее всего, мне повезло. Ни разу не было «хамсина», жаркого ветра пустыни, который местные люди переносят мучительно. Не было дней влажных или душных. В Тель Авиве всегда дует с моря прохладный ветерок. В Хайфе, в Иерусалиме, в галилейских горах даже в разгар лета очень приятно. Поэтому, вопреки весьма отрицательным отзывам местных жителей, я нашел, что погода мне, в общем, благоприят-

ствовала. А в Шефайим, на берегу моря, ночью было холодно.

Дом Отдыха оказался усадьбой внушительных размеров. Два больших корпуса с номерами для приезжающих. Несколько отдельных домиков, которые в Америке принято называть «кабинами». Большое здание столовой, кухни, главная контора, читальня, — всего сразу я даже не разобрал.

Заведующий Домом Ицхак Зархи был немного смущен: мне придется делить комнату с другим человеком. Таковы правила: каждая комната на двоих. Правила нужно соблюдать. Иначе, какой же из меня выйдет кибуцник?

Возражать против такого аргумента бесполезно. Ицхак Зархи отвел меня в комнату, которая оказалась чистой, удобной и красиво обставленной. По дороге он успел рассказать, что каждый кибуц в Израиле, помимо сельского хозяйства, занимается и другим, подсобным промыслом. В Эйн Гев — рыбная ловля и небольшой консервный завод; в других кибуцах — древообделочные мастерские или фабрики, а в Шефайим — Дом Отдыха. Так кибуц получает добавочный заработок и может использовать излишки своих рабочих рук.

Первое ощущение: это не кибуц, а очень приличный летний пансион. Большой парк, всюду цветы, лужайки, шезлонги с отдыхающей публикой. Удивило обилие молодых семейных пар с детьми. Через час после приезда я сидел в саду и писал письмо. Подошел ребенок трех лет, прелестный, как ангел Мурильо, вни-

мательно посмотрел большими глазами и что то спросил на иврите. Я растерялся. Что он спрашивает?

На помощь пришла его мать:

— Он спросил: что вы пишете?

— Скажите ему, пожалуйста, что я пишу письмо жене.

Она перевела. Ребенок еще раз посмотрел на меня, на письмо, и вежливо сказал:

— Тода Раба (Большое спасибо).

Мать сообщила, что ему три года. Зовут его Дорон. На иврите это означает «Дар». Действительно, дар Божий!

180 гостей жили в это лето в Доме Отдыха: цена за полный пансион 21 фунт в день (7 долларов). По израильским понятиям это не особенно дешево, — нормальная заработная плата человека здесь в три или в четыре раза ниже американской. Но в кибуце кормят не хуже, чем в первоклассном иерусалимском отеле «Кинг Дэйвид». Особенно поразил утренний завтрак: на столе были фруктовые соки, сельдь копченая и маринованная, редиска, огурцы, томаты, яйца, сметана, сыр, хлеб, масло, мед, варенье, фрукты... Прежде чем добрался я до еды, произошел забавный инцидент. В громадной столовой за каждым столом сидело десять человек. На меня никто не обращал внимания. Я выбрал пустой стол и устроился с краю. Минуту спустя подошли несколько человек и с удивлением на меня уставились. Наконец, кто то спросил, почему я занял чужое место? Оказалось, у каждого есть свое, постоянное место, и я нарушил порядок. Подоспела заведующая столовой — высокая, энергичная женщина с

русским лицом. Особенно русской была ее прическа, — две косички, завернутые вокруг головы, кончавшиеся пучечком на затылке. Она оказалась на редкость милой женщиной и потом, в течение моего пребывания в кибуце, трогательно за мной ухаживала.

Маня — так звали заведующую — устроила меня за другим столом, где уже было несколько человек. Началось знакомство. Пожилой господин, сидевший напротив, оказался директором Зоологического Сада Тель Авива. Сосед слева сказал, что он инженер, работает на электронных машинах. Акцент у него был русский. Я спросил, откуда он родом?

— Из Крыма.

— Я тоже из Крыма. А из какого города?

— Из Феодосии.

Нужно было попасть из Америки в Азию, в израильский кибуц, чтобы найти земляка! Фамилия его была мне знакома, но он уехал с родителями в Палестину в детстве и почти забыл язык. От соседей по столу я узнал, что публика здесь все интеллигентная, — служащие, педагоги, адвокаты, врачи.

Самый кибуц находится сейчас же за Домом Отдыха и осматривать его лучше всего вечером, когда люди возвращаются с работы. Но в этот вечер я был слишком утомлен, чтобы предпринять прогулку по деревне и по полям, и отложил ее до следующего дня.

В полдень вернулся грузовик, который привез с пляжа купальщиков. В Израиле часто видишь такие грузовики с деревянными скамьями, набитые школьниками-экскурсантами и кибуцниками, едущими в город. Такой же запыленный грузовик доставлял каждое

утро курортников Шефайима на ближайший пляж, а затем привозил их обратно.

Был обильный обед, потом отдых. В отведенной мне комнате, на соседней кровати, безмятежно спал какой то господин средних лет. Оказался он торговцем машинами и рассказал много интересного о кибуце. Был чай, потом ужин, а с наступлением темноты группы людей потянулись в сторону кинематографа под открытым небом.

Кинематограф в лесу — каменный амфитеатр на 700 зрителей. Я удивился: зачем такой большой? Оказалось, что амфитеатр по здешним понятиям не так велик. В кибуце 700 жителей, да еще приезжают соседи. Бывают спектакли Габимы, а недавно выступала труппа советских певцов и танцоров «Омск».

Амфитеатр быстро заполнялся. Каждый приносил с собой одеяла и пледы и раскладывал их на ледяных каменных ступенях. В лесу становилось так холодно, что многие натягивали свитера или кутались в пледы. Чтобы скоротать время до начала сеанса, молодежь начала петь хором. Сначала пели что то израильское, мне незнакомое, а потом я начал внимательно прислушиваться. Нет, не могло быть сомнения, над кибуцем несся знакомый мотив:

> У попа была собака,
> Поп ее любил...

Т.е. знаком был только мотив, а что за слова они пели — не могу сказать. Покончив с собакой, которая съела кусок мяса, кибуцники затянули другую: «Эх, распошел...». Потом я часто слышал в дороге русские

мотивы, на которые израильские певцы присочинили свои слова.

Фильм был французский, неинтересный. В лесу стало совсем холодно. Не дожидаясь конца, я ушел спать. Шел лесом. Ночь была темная, с неба сыпались яркие звезды. Был звездопад.

Часов в семь утра, еще до завтрака, появился заведующий Домом Отдыха.

Мы сели под деревьями, и он начал рассказывать о кибуце. Основала его в 1929 году группа, в которую входили сабры и несколько халуцим, приехавших из Польши и Латвии. Сначала жили в Герцлии, все вместе, работали где придется, а деньги отдавали в кибуцную кассу. В 1939 году получили землю от Еврейского Национального Фонда и существенную помощь от Гистадрута, Израильской Конфедерации Труда. Гистадруту следовало бы посвятить особую статью, так велика его роль в политической, экономической и социальной жизни Израиля.

Эта организация, созданная для защиты прав рабочих, в своем роде является израильским Канниферштаном. Гистадруту принадлежат фабрики и заводы, кибуцы и торговые предприятия, медные рудники, значительная часть химической промышленности страны, авиационная компания Эл Ал. Из десяти рабочих в Израиле Гистадрут представляет восьмерых. Гистадрут имеет свой банк, собственное страховое общество, обеспечивает своим членам бесплатную медицинскую

помощь, имеет газеты, журналы и книгоиздательства. Гистадрут является одновременно хозяином и работником. Это создает парадоксальное положение: во время конфликтов в собственных предприятиях Гистадрут вынужден представлять обе стороны: сам себе объявляет забастовку и сам с собой приходит к соглашению. Роль этой организации в молодом еврейском государстве ни с чем не сравнима. Если в Израиле человеческий труд не эксплуатируется, — это заслуга Гистадрута. Рабочее законодательство защищает интересы женщин, запрещает труд малолетних, уравняло в правах арабских рабочих с израильскими, — это тоже в значительной степени заслуга Гистадрута. Фактически это — государство в государстве, и не даром во главе Гистадрута долгие годы стоял Бен Гурион, пока не сделался премьер-министром... Громадное здание, штаб-квартиру Гистадрута в Тель Авиве, на улице Арлозорова, тель-авивцы не без основания называют «Кремлем»...

Было бы наивно думать, что Гистадрут не делает ошибок. Организация, представляющая рабочий класс, вынуждена всячески бороться с повышением заработной платы рабочих. С точки зрения израильской экономики — это очень разумная политика. С точки зрения рабочего или служащего, который должен жить с семьей на 400-500 фунтов в месяц (3 фунта равны 1 доллару) — это большая несправедливость. В особенности страдает квалифицированная интеллигенция: врачи, инженеры, адвокаты, школьные учителя, попадающие под систему «уравниловки». В Израиле периодически возникают забастовки врачей и представи-

телей других интеллигентных профессий, мечтающих о заработках водопроводчиков. Но это другая тема, и она завела бы нас слишком далеко. Я хочу только сказать, что не все идеально в израильской системе и не нужно думать, что в стране этой действительно молочные реки текут в кисельных берегах.

***

Шефайим мало чем отличается от других кибуцев. Жителей в нем 700 человек, из них 300 детей. Хозяйство большое: 4.500 дунамов обработанной земли (дунам приблизительно четверть акра). 1.000 дунамов под апельсиновыми рощами; 150 дунамов авокадо, столько же под бананами; 800 дунамов — хлопок, 450 — фисташки и пр. Кроме того, большую роль в жизни кибуца играет молочное хозяйство и скотоводство.

— Пройдите по коровникам. У нас 200 молочных коров, — с гордостью рассказывал Ицхак Зархи, — 200 телят и 200 быков на продажу мяса. Каждая корова дает в среднем 4.000 литров молока в год. У нас тысячи кур и мы продаем 200 тонн яиц, не считая того, что потребляем в самом кибуце.

Как же управляется такое большое хозяйство? Каждые три года кибуц выбирает своих должностных лиц: заведующего распределением работ, инвентарем, столовой, секретаря и т.д. Должностное лицо не получает никакого особого вознаграждения и ни в какой степени не становится «начальством». Сегодняшний глава кибуца завтра может снова сесть на трактор или начать мыть на кухне грязную посуду... Мне расска-

зывали, как одна американка, приехавшая в кибуц, обратила внимание на человека, прислуживавшего за столом.

— Вы удивительно напоминаете министра земледелия, которого я видела на прошлой неделе, — сказала она.

— Я и есть министр земледелия. Но это — в Иерусалиме. А здесь, в моем кибуце, я убираю со стола грязную посуду и делаю все, что мне поручают.

И опять — не нужно думать, что Израиль, это какая то Аркадия, и что каждый кибуцник в восторге от того, что ему поручают работать на кухне или убирать коровник. Возникают конфликты, вспыхивают ссоры, которые разбираются на товарищеском суде или на еженедельных общих собраниях кибуца. В редких случаях, когда конфликт заходит слишком далеко, кибуцника могут из общества исключить.

Осмотр кибуца занял несколько часов. Дома были каменные, хорошо построенные, по четыре квартиры в каждом. В самых лучших живут ватиким, старые члены кибуца. Новоприбывшим достаются дома менее комфортабельные, но все же вполне пригодные для жилья. Каждый дом окружен садиком, — и сколько любви и труда вкладывает кибуцник в этот собственный сад, одно из немногих здесь проявлений частной собственности! В былые времена у хавера никакой собственности быть не могло. Кибуц принимал на себя все заботы: поставлял ему пищу, кров, платье, белье, мебель, книги, медикаменты, развлечения. Но постепенно наметились уклоны от принципа абсолютной коммунальной жизни. В некоторых домах появились маленькие

холодильники — кибуцник не всегда хочет есть в общей, шумной столовой и предпочитает закусить у себя на кухне. В рефриджираторе найдутся фрукты, бутылка молока, кусок сыра. Появились собственные радиоаппараты, полученные большей частью в подарок. Постепенно собрана личная библиотека и даже кое что прикуплено за свой счет из мебели. И все же, нигде в мире мне не приходилось встречать такой идеальной коммунистической общины — без коммунистов — как в Израиле. До знакомства с кибуцами я был убежден, что колхозная система возможна только в порядке принудительной коллективизации. Израильский опыт показал, что система не только возможна, но и может быть очень успешной, если она основана на добровольном начале и на принципах свободы. Кибуц — это не только определенная форма ведения сельского хозяйства. Это — большой идеологический опыт, в основе которого лежит двойной идеал социализма и сионизма.

Долго бродил я по деревне. Люди были на работе, дома стояли не запертые, — там не боятся воров. И я вспомнил слова, сказанные когда то известным израильским политическим деятелем:

— Мы станем настоящим государством, когда у нас появится настоящая тюрьма с настоящими преступниками.

Повидимому, этого экзамена на «государственность» в кибуце еще не сдали...

В прачечной десяток женщин развешивали белье; в коровнике молодой парень в резиновых сапогах поливал из кишки цементный пол. Коровы стояли длинными рядами, уткнув головы в кормушки. На птичьем

дворе шло необычайное ликование — тысячи белых кур, одна к одной, соревновались в несении яиц и кудахтали «Мазелтоф! Мазелтоф!» («Поздравляю! Поздравляю!»). Яйца скатывались по проволочным сеткам в специальные желобки... Проехал по дороге трактор, поднимая облака пыли. За рулем сидел кибуцник в ковбойской шляпе. И снова наступила тишина и навис над деревней полуденный, сонный зной.

**
*

Мне захотелось побывать в доме кибуцника. Ицхак Зархи сказал:

— Войдите, куда хотите, познакомьтесь. Вам все покажут. У нас так принято.

Я колебался. Тогда Зархи пообещал дать мне проводника. Выглянул из окна конторы, окликнул какого то молодого, усатого парня, шагавшего босиком по пыльной дороге. Они обменялись несколькими словами на иврите. Парень кивнул головой и заговорил на прекрасном английском языке:

— Пожалуйста, зайдите в мой дом. Это недалеко.

Мы двинулись в путь. Я искоса поглядывал на кибуцника, стараясь угадать: кто он? Что он здесь делает? Откуда он родом?

— Я родился здесь, в этом кибуце, — угадал он мои мысли. — Видите домик в конце улицы? Это ясли. В этом доме меня поселили, когда мне было шесть дней. А теперь там живет мой собственный ребенок.

— Что же вы делаете в кибуце? — спросил я босоногого спутника.

— Я директор здешней гимназии и всех школ, — ответил он. — Я окончил Иерусалимский университет. Кибуц отправил меня учиться в Иерусалим на четыре года и оплатил мое образование.

Вениамин Кацнельсон привел меня в свой домик, отлично устроенные две комнаты с кухней. Вернее, если считать застекленную веранду, комнат было три.

Первым делом он с гордостью показал свою библиотеку, в которой преобладали книги по истории и философии. Вышла хозяйка. Она тоже преподает в школе. Народ в Израиле наредкость гостеприимный, — сейчас же на столе появились кофе и фрукты.

Пока мы кейфовали, Кацнельсон рассказал о системе воспитания детей в кибуце. В Израиле существует обязательное бесплатное обучение в начальной школе, которую кончают обычно к 14 годам. В гимназии надо учиться за свой счет и далеко не всегда это доступно. Не так в кибуце: здесь обязателен для всех детей и гимназический курс, который заканчивают только к 18 годам. Особо талантливую молодежь кибуц отправляет учиться за свой счет в университет... Поэтому, как правило, дети кибуцников получают лучшее образование, чем многие их городские сверстники. Из школы молодежь попадает в армию, где кибуцники считаются лучшим элементом. Они культурны, дисциплинированы, самостоятельны, не боятся никакой работы.

Мы отправились осматривать детские дома. Малыши сидели за столиками и что то старательно рисовали. В соседней комнате помещалась их столовая. В третьей, просторной и светлой комнате, стоял деся-

ток белоснежных кроватей и рядом были умывальники и души.

— Как правило, лучшие дома в кибуцах отводят для детей и школ, — сказал Кацнельсон. — Израиль раньше был страной предков. Теперь это страна наших детей.

В старших группах, детей постепенно приучают к кибуцной жизни и к работе. У них — собственный сад, свой огород и даже «скотный двор», где я увидел десяток козочек, несколько кур и уток. Три девочки десяти-двенадцати лет с серьезным, сосредоточенным видом чистили курятник, засыпали корм, поливали грядки.

Много интересного видел я в Шефайим.

Несмотря на достигнутые успехи, рост кибуцного движения в Израиле в последнее время значительно замедлился. Пришли новые иммигранты, не воспитанные в духе сионизма, без которого жизнь в кибуце немыслима.

Кибуцы переживают внутренний кризис, вызванный также и поворотом в сторону индустриализации. Гораздо лучше развиваются сейчас мошавы — индивидуальные хозяйства, связанные между собой кооперативным началом, основанные на принципе частной собственности и личной прибыли. Но десятки тысяч людей живут в Израиле в кибуцах и, повидимому, удовлетворены своей судьбой. Их никто не держит силой, каждый может в любой момент уйти, получив небольшую сумму денег, достаточную, чтобы прожить первое время.

Не знаю, каково будущее кибуцев. Но без них Израиль не мог быть создан и не мог существовать.

ЭЙЛАТ И ПУСТЫНЯ НЕГЕВ

ПУСТЫНЯ НЕГЕВ играет для Израиля ту самую роль, какую играл когда то для Америки «дальний Запад». Это — единственное просторное место в Израиле. Вслед за новыми иммигрантами сюда устремились искатели приключений и вольной жизни, овеянной некоторой романтической дымкой. В действительности их ждет тяжелый труд, зной пустыни, примитивные по началу условия жизни в кибуцах и в новых городах, на окраинах которых еще движутся зыбучие пески.

Негев — это не поднятая пока израильская целина. И на самом Юге целины, там, где Израиль пробил для себя выход в Красное море, за последние годы вырос город пионеров Эйлат.

В автобусе от Тель Авива до Эйлата надо ехать целый день. А по воздуху всего один час. Маленький двухмоторный самолет с гулом поднимается над тель-авивским аэродромом и берет курс на Юг. Сначала мы летим вдоль побережья. Внизу тянутся бесконечные пляжи, изумрудное море, а подальше от берега — пейзаж, напоминающий Нормандию: желтые квадраты полей, зеленые луга, бесконечные сады, — только вместо яблонь тут посажены апельсиновые деревья.

Самолет порядком бросает из стороны в сторону, и красивая стюардесса, все время разносящая на подносе прохладительные напитки, балансирует и лишь с трудом сохраняет равновесие... Пассажиры смешанные: увешанные фотокамерами американские туристы; несколько солдат эйлатского гарнизона, высыпающиеся в самолете после отпуска; кибуцница с картонками, пачками и столичными покупками, — очень раскрасневшаяся и чем то недовольная.

Мы пролетаем над древним Ашкелоном, городом филистимлян, злейших врагов Иудеи. Сколько раз гневно упоминают пророки имя Ашкелона! А теперь новый Ашкелон посвящен пророку Софонии, который некогда воскликнул: «И достанется этот край остаткам дома Иудина, и будут пасти там, и в домах Ашкелона будут вечером отдыхать, ибо Господь Бог посетит их и возвратит плен их».

Самолет довольно резко сворачивает в сторону от побережья, чтобы не попасть в соседний Египет и полосу Газы.

Постепенно зеленые краски исчезают. Земля внизу становится желтой, песчаной. Реже населенные места. Это уже пустыня.

— Через две минуты мы пролетим над Бершебой, — сообщает громкоговоритель.

В Бершебе теперь 72.000 жителей. По израильским масштабам — это большой город, но как быстро мы пролетаем над ним! Мелькнули улицы, рыночная площадь, городской парк, кажущийся сверху чудесным оазисом, и снова — пески, желто-красные холмы, лысые горы. В центре Негева горы поднимаются почти

на тысячу метров над уровнем моря, а в ущельях видны русла высохших рек, которые зимой, в сезон дождей, превращаются в бурные потоки. Местами Негев напоминает каньоны американского Запада; местами это какой то фантастический, лунный пейзаж, нагромождение скал и камней, первобытный хаос... Да ведь это и есть пустыня Син, по которой бродили сыны Израилевы тысячи лет назад и где возроптали они на Моисея: для чего привел он их из Египта в эту безводную страну, где людям и скоту грозит смерть от жажды? «И взял Моисей жезл от лица Господа, как Он повелел ему. И собрали Моисей и Аарон народ к скале, и сказал он им: послушайте, непокорные, разве нам из этой скалы известь для вас воду? И поднял Моисей руку свою и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды, и пило общество и скот его» (Числа, 20).

Самолет лихо садится на площадку, подпрыгивает несколько раз и замирает.

Можно выходить.

Вслед за другими пассажирами направляюсь к выходу и в дверях внезапно останавливаюсь. Чувство такое, словно лицо опалило огнем. Полуденный зной в Эйлате совершенно беспощадный. Сухой, горячий воздух обжигает, высушивает тело. Слишком силен контраст между охлажденным воздухом внутри самолета и температурой в 120 градусов снаружи.

— Наденьте шляпу, — рекомендует стюардесса. —

Тут легко получить тепловой удар... Через несколько минут вы привыкнете к жаре.

Привыкнуть нельзя, но можно войти в охлажденный автобус, который поджидает туристов, и блаженно закрыть глаза.

— Сегодня не очень жарко, — любезно сообщает гид. — Бывает гораздо хуже.

Мы едем в отель «Квин Шиба», названный в честь царицы Савской. В незапамятные времена царица высадилась в Эйлате и отсюда, с караваном верблюдов, большой свитой, слугами и невольниками, двинулась на Север. Прибыла она для философского диспута с царем Соломоном. Диспут, повидимому, имел довольно банальный и «счастливый конец», — царица Савская надолго задержалась в гостях у Соломона и уехала, щедро им одаренная... Думаю, путешествовала восточная владычица с меньшим комфортом, нежели современные туристы. Отель, носящий ее имя, оказался первоклассным, отлично «климатизированным». Окна всех комнат выходят на Эйлатский залив необычайной красоты.

Прежде всего надо выкупаться в Красном море. От отеля до каменистого пляжа сотня шагов, но мне показалось, что я попал в преисподнюю и что меня лижут языки пламени. Кое как добежал я вприпрыжку до необыкновенно прозрачной и манящей воды и попробовал ее температуру ногой. Вода в Красном море, славящаяся своей теплотой (здесь купаются даже в зимние месяцы) показалась мне ледяной! Тело было так разогрето солнечными лучами, что когда я вошел

в воду, зубы начали лязгать от холода. Конечно, через минуту это ощущение прошло. Началось блаженство.

У бухты Эйлата можно получить наглядный урок географии. Здесь сходятся четыре границы. Израилю принадлежат всего десять километров побережья, в самом центре бухты. Слева, на Восток — граница Иордании и лежит городок Акаба, а дальше начинается Саудовская Аравия. Справа, на западной стороне бухты — Египет.

По английскому плану раздела Палестины и позже по плану Бернадотта, весь Негев должен был остаться в арабских руках. Но в 1946 году Еврейское Агентство поставило англичан перед совершившимся фактом. В ночь после Иом Кипура, под покровом темноты, в Негев отправился большой караван грузовиков с пионерами. На утро английское командование с изумлением узнало, что в Негеве появились одиннадцать еврейских поселений. Дома были привезены в разобранном виде и в несколько часов составлены. Земля, на которой выросли кибуцы, была заранее куплена у бедуинов и принадлежала евреям на законном основании. Когда год спустя Специальная Комиссия Объединенных Наций обследовала Негев, выяснилось, что селения существуют и развиваются. С Севера проведен водопровод, посажены деревья, овощи, снят первый урожай. Кибуцники успели также наладить молочное хозяйство и куроводство.

Достигнутые результаты произвели на комиссию такое впечатление, что она рекомендовала Объединенным Нациям включить Негев в территорию будущего еврейского государства. Это и было сделано в

исторической резолюции, принятой ОН 29 ноября 1947 года.

И вот результаты: пустыня, в которой тысячи лет жили только кочевники, оказалась пригодной для сельского хозяйства! Началась разработка природных богатств Негева, — добыча меди, поташа, фосфатов, натурального газа, нефти. Все это пришло не сразу, и не сразу Израиль закрепил за собой Негев. В мае 1948 года арабские армии вторглись в Палестину, борьба шла одновременно на всех границах и каждую пядь земли нужно было отстоять с оружием в руках. Пользуясь тем, что немногочисленная и тогда еще плохо вооруженная израильская армия сражалась одновременно в Галилее, под Иерусалимом, в Хайфе, буквально в каждом городе на Севере, египетская армия захватила Бершебу и отрезала от Израиля все кибуцы Негева.

Из двадцати семи поселений, существовавших в это время в пустыне, египтянам удалось уничтожить артиллерийским огнем только два, — Неватим и Негба. Остальные держались. Аммуницию и продовольствие им сбрасывали на парашютах. В октябре 1948 года перемирие было нарушено, и бои возобновились. На этот раз вся сила молодой израильской армии была брошена на южный фронт. Бершебу освободили. Во время боев одна египетская бригада была окружена. Только в феврале 1949 года, когда подписали новое перемирие, израильское командование разрешило бригаде вернуться в Газу. В состав этой бригады входил никому еще не известный полковник Гамал Абдель Насер, хорошо запомнивший урок израильского пленения.

Последний эпизод борьбы за Негев разыгрался в 1956 году. К этому времени Насер стал диктатором Египта. В районе Газы и на Синайском полуострове он собрал для войны с Израилем значительные силы и громадные запасы военного снаряжения, полученного от СССР. Не проходило дня, чтобы арабские террористы не совершали набегов на израильскую территорию, — убивали, взрывали водопроводные трубы, поджигали.

В конце октября Бен Гурион дал приказ ударить по Египту. Кампанией руководил одноглазый генерал Моше Дайан. Продолжалась она всего сто часов. Израильские танки и моторизованные части оккупировали за эти сто часов весь Синайский полуостров, всю территорию Газы, дошли до Суэцкого канала, взяли в плен 6.000 египетских солдат и захватили огромное количество военного снаряжения. Пустыня была усеяна брошенными на произвол судьбы советскими танками, броневыми машинами, грузовиками, орудиями и даже башмаками: чтобы было легче бежать, феллахи сбрасывали на ходу обувь... После нескольких месяцев военной оккупации Израиль ушел из Газы и Синайского полуострова. Охрану границы приняли на себя и до сих пор несут специальные части Объединенных Наций.

В эту кампанию весь Негев был окончательно закреплен за Израилем. Эйлат открывал выход в Красное море и в Индийский океан для израильских судов, которые до этого египтяне блокировали в узком проливе.

***

На самом берегу, неподалеку от того места, где я купался, стоят три глиняные домика. Это — бывший полицейский пост времен английского мандата, и это все, что существовало в Эйлате до 1946 года.

Теперь Эйлат бурно растет. В порту постоянно грузят на пароходы, идущие в Азию и в Африку, поташ, медь и фосфор. Дымят заводские трубы. Зазеленел большой парк, создан морской музей, амфитеатр для концертов под открытым небом, стадион, аэродром. Есть несколько больших отелей для туристов. Из за постоянной жары все здания, конечно, искусственно охлаждаются. Гид в нашем автокаре, оказавшийся «русским китайцем» из Шанхая, с гордостью говорил:

— У нас в Эйлате даже тюрьма с искусственным охлаждением.

Большим развлечением в Эйлате является прогулка по морю в специальных катерах со стеклянным дном. Вся бухта кажется гигантским аквариумом, в котором плавают рыбы сказочной красоты и необычайной окраски. Вода здесь прозрачная, кристально чистая. С песчаного дна поднимаются фантастические кусты белых кораллов, мимо которых проносятся стаи тропических рыб ярких красок. Есть рыбы черные, как сажа, с ярко-желтыми хвостами. Рыбы-клоуны с размалеванными головами. Рыбы синие и красные и изумрудные, всех цветов и всех форм... С моря хорошо видна вся бухта. Рядом с Эйлатом, в нескольких километрах от границы, рассыпаны белые домики Иорданского города Акабы... Про Акабу слышал я еще в дет-

стве, от паломников-мусульман, направлявшихся из Средней Азии, через Крым, в Мекку. В Феодосии садились они на пароходы и отправлялись в длинное плавание: Черное море, Константинополь, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, Акаба, — а там рукой подать до Мекки. Акаба особенно часто упоминалась в их разговорах. Паломники считали, что если человек не умрет в пути от холеры и сойдет с корабля в Акабе, он уж обязательно доберется до Мекки и станет «хаджи». И вот она, белая Акаба, лежит перед нами, и лодочники просят, чтобы во время купания мы не заплывали слишком далеко к арабским берегам, — такое купание может окончиться трагически.

Нигде в Израиле нет такого заката, как в Эйлате. Солнце еще не скрылось за Синайскими горами, а в небе уже стоит яркая луна. Горы на Иорданской стороне становятся фиолетовыми. Небо непрерывно меняет свою окраску. На западе оно бледно-зеленое, потом становится красным, словно где то за горами бушует гигантский пожар. И, внезапно, без сумерек, без постепенного перехода от дня к ночи, наступает темнота. Даже в полнолуние небо кажется совершенно черным, словно залитым китайской тушью. Из за сухого, прозрачного воздуха, звезды — огромные, синие, золотые, совсем близкие.

Приятно после такого дня выпить стакан виски со льдом. Мэтр д'отель подает меню, на которое я мельком смотрю, а затем, для верности, надеваю очки. Нет,

мне не померещилось. Нужно попасть под тропики, на берега Красного моря, чтобы получить такое меню:

Борщ горячий или «фраппэ»

Пожарские котлеты под грибным соусом.

Борщ был, действительно, «фраппэ», как шампанское, пожарские сделаны по всем правилам искусства. Чтобы не нарушить стиль обеда, на дессерт заказал я большой ломоть красного арбуза. Хорошая, хотя и не совсем оригинальная еда в пустыне!

Ночью мы ездили в какой то клуб, устроенный в подвальном помещении, где было жарко, горели свечи на столах, и где молодые сабры соблазняли францу-женок из соседнего кемпа «Медитерранэ». Какой то смуглый красавец с гитарой пел израильские песенки. Потом к нему присоединилась ослепительная блондинка, в белых шортах в обтяжку, в матросском тельнике, с прической «понни тэйл»... Блондинка мне понравилась, я сказал ей несколько витиеватое восточное приветствие вроде того, что не ожидал встретить в пустыне таких красивых израильских девушек. Она мотнула хвостом волос и ответила:

— Я не из Негева. Я из Питтсбурга.

Когда мы вернулись в отель, было уже поздно, но в бассейне еще купались. Луна зашла. Звезды стали еще ближе. С Юга дул горячий и ровный ветер пустыни.

Весь следующий день мы ехали через Негев в авто-каре, в обратном направлении, из Эйлата в Бершебу.

Мы видели опытную станцию, где инженер Зархин — русский еврей — работает над опреснением морской воды. Вода в громадных резервуарах, под низким давлением, частично испаряется. Образовавшийся пар охлаждается и превращается в обессоленную воду, вполне пригодную для питья. В Израиле применяются и другие методы опреснения воды: паротурбинный, метод использования солнечной энергии и т.д.

От воды зависит будущее Негева. Сейчас Эйлат и все кибуцы получают воду с Севера, из реки Яркон и из Галилейского моря. Гигантская водопроводная труба пересекает Негев. Там, где есть вода, пустыня оживает. Пустыня, — это не только пески и камень. Есть и плодородная почва, которая при орошении может быть легко использована для земледелия и садоводства. Израильские ученые в «Экспериментальном Центре Безводной Зоны» в Бершебе постоянно находят новые породы деревьев, овощей и злаков, которые можно выращивать при необычайно высокой температуре пустыни.

Только в Негеве становится ясным все значение воды для Израиля. В будущем страна эта может развиваться и довести свое население до 5 миллионов человек только при условии «освоения» пустыни, а без воды Иордана это немыслимо, и даже всей воды Иордана не хватит для осуществления задуманного плана. Вот почему Израиль не позволит арабским странам отвести воды Иордана только для того, чтобы обречь страну на медленную смерть. Попытка отвести Иордан будет рассматриваться как акт агрессии, на который Израиль ответит силой.

Автокар наш останавливается у «Соломоновых столбов». Это грандиозный канион, в котором зимние дожди и ветры размыли известковые породы и создали причудливые колонны. Неподалеку от этих мест в библейские времена 50.000 рабов трудились в медных рудниках царя Соломона, и еще сейчас археологи находят здесь следы доисторических плавильных заводов.

Пейзаж все время меняется. Над песками струится горячий воздух. Внезапно поднимается смерч, кружится и несется над пустыней столб белой пыли. Потом снова суровое нагромождение скал, горные отроги, перевалы. Время от времени попадаются группы рабочих, занятых у водопроводных труб или починкой дороги. Они обнажены по пояс, все молодые, крепкие. Нужно обладать здоровьем и железной волей, чтобы трудиться в пустыне при этой температуре.

Изредка проезжаем мы населенные места и новые, только строящиеся города будущего. В Иотеветта остановка на несколько минут: кибуц славится своим молоком. Стакан ледяного молока из автомата стоит 35 агуротов (около 10 сентов) и туристы пьют его без конца. Два молодых парня из деревни с любопытством рассматривают приезжих, которые засыпают их вопросами.

— У нас кибуц совсем молодой, 200 человек и 50 детей. Все сабры, 20-25 лет... Впрочем есть один очень старый человек. Только один.

— Сколько же ему лет?

— Не знаем. Он очень старый. Может быть, ему даже 60 лет...

И снова — черная лента асфальтовой дороги, горы, камни, скалы. Пассажиры начинают клевать носом. Чтобы поднять настроение, гид обращается к шоферу:

— Янкеле, остановись здесь на минуту. Вот отсюда мы начали нашу синайскую кампанию. И я в ней участвовал... Когда то Моисей водил евреев по Синайской пустыне 40 лет, а Моше Дайан пересек ее в 100 часов!

Новые города — Рамон, Авдат. Впрочем, можно ли назвать новыми города, существовавшие уже в библейские времена и уничтоженные потом римлянами или арабами?

Крепость и развалины древнего Авдата расположены по соседству с кибуцем Сде Бокер, в 40 милях к югу от Бершебы.

За три века до начала нашей эры из Аравии пришел в пустыню Негева народ набатеи. Были набатеи торговцами. Караваны их с пряностями, шелками, золотом и драгоценными камнями шли из Индии и Аравии в Эйлат, а оттуда через пустыню направлялись в Газу, к средиземноморскому побережью. Чтобы защитить свои караванные пути набатеи строили вдоль дорог крепости. Именно такой крепостью и был Авдат.

На высоком плоскогорье возник целый городок, обнесенный каменными стенами. Глубоко в скалах были устроены цистерны, в которые во время дождей по каналам отводили воду. Система оказалась превосходной. Среди безводной пустыни в цистернах набиралось так много воды, что ее хватало на орошение садов и полей, а у подножья горы была устроена баня для пу-

тешественников, следы которой сохранились до нашего времени.

Всего сто лет владели набатеи Авдатом. В 106 году до Р. Х. легионы римского императора Траяна захватили Авдат и, вероятно, истребили защитников крепости. Набатеи исчезают навеки, в истории больше никогда о них не упоминается, как исчезли бесследно многие племена и народы, жившие в этих местах в древние времена.

Но Авдат сохранился и простоял тысячу лет. Торговое его значение упало с тех пор, как римляне провели прямую дорогу из Эйлата в Дамаск. Авдат оказался в стороне от большого караванного пути. Но он существовал, и в III веке нашей эры император Диоклетиан приказал реставрировать крепость. В византийский период на горе построили церковь св. Феодора. Часть стен и алтарь сохранились. Существует еще прекрасный по форме куполообразный правый придел.

В византийские времена Авдат, повидимому, процветал. Был здесь, кроме церкви св. Феодора еще монастырь, построили много каменных домов, мастерские, была гончарня... Все это кончилось, было разграблено и уничтожено, когда Авдат захлестнула в 634 году по Р. Х. волна мусульманских завоевателей. Мраморные колонны храма вывезли в Бершебу, дома постепенно превратились в развалины... Только в 1935 году археологи по настоящему заинтересовались Авдатом и начали здесь раскопки. В пещерах по склонам горы были найдены каменные гробницы византийских времен, римские монеты, произведения искусства набатейского периода.

Странное чувство охватывает путника в кладбищенских развалинах Авдата. Вокруг только камни, выбеленные ветром, навеки обожженные солнцем. Были здесь завоеватели, проходили давно исчезнувшие народы. Одни строили, другие разрушали. Экклезиаст сказал это давно: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во-веки... Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?».

Экклезиаст был прав, но не до конца. От трудов человека в Авдате сохранились цистерны, которые теперь наполняют не только дождевой, но и иорданской водой, проведенной с Севера. И, благодаря воде, весь этот район становится земледельческим.

Первым делом поселенцы садят деревья. Каждый раз, когда мы проезжаем мимо молодого парка или зеленого луга, наш гид с гордостью говорит:

— Посмотрите на деревья. Они еще молодые. Но они вырастут. Десять лет назад здесь не было деревьев, здесь и кусты не могли выжить...

Сколько раз слышал я в Израиле эти слова:

— Этот лес мы посадили. Раньше тут были только камни.

— Этот завод мы построили. Эти машины нашей, израильской конструкции.

Новая остановка. Кибуц Сде Бокер. На этот раз мы запасаемся корзиночками с местными персиками, которые продаются на станции.

Кибуц знаменит не только персиками, но и своим пастухом. Здесь, в деревянном домике, живет Бен Гурион... Сейчас он большую часть времени проводит в Тель Авиве.

Снова бескрайная дорога. В песках видны палатки бедуинов. Верблюды, отара овец и неподвижная женская фигура, закутанная во все черное, с высоким посохом... Зной, тишина. Чтобы не уснуть за рулем, Янкеле затягивает знакомый мотив. Что он поет? Ну, конечно, «Сердце, тебе не хочется покоя... Сердце, как хорошо на свете жить». На иврите это звучит так:

> Рина — ани охе́в эт хашамаим
> Рина — ани охев эт хасафсал.

Так с этой песнью мы и въехали в Бершебу, город, в котором праотец Авраам вырыл колодезь, чтобы напоить свои стада овец.

НА БЕРЕГУ МЕРТВОГО МОРЯ

В НЕЗАПАМЯТНЫЕ времена человек из Ура Халдейского бродил по пустыне в поисках воды и пастбищ для своего скота. Вырыл Авраам колодезь, обложил его тяжелыми камнями и разбил поблизости свои шатры.

У колодца этого произошла встреча Авраама с царем филистимским Авимелехом. Взял Авраам из своего стада семь агниц, дал их Авимелеху и сказал:

— Семь агниц сих возьми от руки моей, чтобы они были мне свидетельством, что я выкопал колодезь.

«Потому и назвал он сие место Бершеба (Вирсавия), ибо тут они оба клялись. И жил Авраам в земле Филистимской, как странник, дни многие».

Так рассказывает книга Бытия. Тысячи лет прошли, умерла Сара в земле Ханаанской и была похоронена в пещере у Хеврона. И умер Авраам, престарелый и насыщенный жизнью, «приложился к народу своему». А колодезь Авраама показывают в Бершебе и поныне. Тяжелые гранитные камни источены веревками, на которых поднимали со дна тяжелые ведра с водой. Семь агниц не помогли: филистимляне все же засыпали колодезь Авраама, но рабы Исаака снова раскопали его и снова добыли воду, источник жизни в Неге-

ве. И Исаак назвал его: Шива. «Посему имя городу тому Бершеба (Вирсавия) до сего дня».

Бершеба стоит тысячи лет, а в пустыне все еще продолжается борьба за «воду живую»: арабы мечтают засыпать колодцы и отвести воды Иордана, чтобы превратить Израиль в мертвую пустыню. Как повторяется история!

Во времена патриархов в Бершебе делали привал караваны, шедшие из Египта в Аравию. Испокон веков по этой пустыне бродили пастухи-кочевники. Только перед Первой мировой войной турки превратили Бершебу в провинциальный административный центр, но никогда население города при Оттоманской империи не превышало 3.000 человек... После войны за Независимость в Бершебе осталось всего 1.800 жителей; в 1954 г. число их увеличилось до 16.000, в 1959 г. — 39.000, а сейчас в Бершебе 72.000 жителей. Это большой земледельческий, промышленный и культурный центр. Создается университет, на окраинах города дымят заводские трубы, шумят в парке молодые деревья. Здесь великолепный городской театр, несколько отличных гостиниц, ряд научных учреждений, в которых изучается возможность использования солнечной энергии, рациональные методы озеленения пустыни. Строится железнодорожная ветка на Юг, до самого Эйлата.

В Бершебу надо попасть в четверг рано утром. В этот день на базар съезжаются бедуины продавать своих верблюдов и овец. Идет неторопливый торг. За-

кончив сделку бедуины отправляются в кафе под старым масличным деревом, выпить чашечку кофе и сыграть партию в домино. Никогда арабская женщина или бедуинка не осмелится войти в такое кафе. Я видел женщин на базаре. Они сидели на корточках, в тени каменного забора, закутанные во все черное и терпеливо, на стоградусной жаре поджидали, когда мужья напьются кофе, выйдут и сделают им знак следовать за собой... А тут же рядом, по базару проходят молодые еврейские девушки, с голыми руками и ногами, в шортах, с непокрытыми головами. Тысячелетия отделяют молодую сабру от ее сверстницы бедуинки, в носу которой еще висит иногда золотая серьга...

В Израиле, главным образом в Негеве, живут 23.000 бедуинов. Живут они, как во времена патриархов, кочуя с места на место со стадами овец и верблюдов. Вся долина к северу от Бершебы покрыта их шатрами.

В годы засухи, которые случаются в Негеве периодически, начинается падёж скота. Бедуинам грозит голодная смерть. Израильское правительство снабжает их продовольствием, медикаментами, посылает врачей. Но главное — это вода. В нескольких милях от Бершебы мы остановились около колодца, к которому подъезжали все время на вьючных ослах, с бурдюками для воды, бедуинские дети. Колодезь оказался попросту водопроводной трубой, из которой чумазые дети, сверкавшие белыми зубами, наполняли свои бурдюки. Они окружили нас, с любопытством рассматривали странных людей, говоривших на непонятном языке. Но никто из маленьких бедуинов не попрошайничал. Позже в этот день я убедился, насколько бедуины преи-

сполнены чувства собственного достоинства, какие они самолюбивые люди.

Мы бродили по базару Бершебы. К сожалению, приехали мы не в четверг, но базар все же был, — обычный восточный базар, с горами арбузов и дынь, помидорами, огурцами, яркими перцами, с криками, восточным пением и самыми раздражающими запахами.

Какой то босоногий мальчуган-бедуин к нам привязался. Его угостили леденцами, а затем один из туристов дал ему мелочь. Мальчик заколебался, но деньги взял. В ту же секунду перед нами вырос бедуин в бурнусе, с кинжалом за поясом, в белоснежной «кефии». Он сказал что то мальчику, взял у него деньги и с поклоном их вернул:

— Наши дети не должны принимать таких подарков, — сказал он.

Бедуины теперь лояльные израильские граждане, как были раньше лояльны по отношению к турецким, а потом и английским властям. Живут они по своим законам, дети их посещают специальные передвижные школы, где преподавание ведется на арабском языке. Школы кочуют вместе с таборами. Кое где бедуины уже прочно осели и занимаются сельским хозяйством.

В 1965 году израильское правительство предприняло попытку прикрепить бедуинов к земле. Близ Кириат Тивон была построена деревня для 74 бедуинских семейств, которые ранее кочевали в этом районе. Дома, по израильским понятиям, выстроили великолепные. В каждом от трех до пяти спален и кухня, отделанная мрамором и формайкой. Часть строительных

работ выполнили сами бедуины и, благодаря этому, стоимость дома не превышала 20-30 тысяч израильских фунтов.

Опыт оказался настолько удачным, что в ближайшие годы предполагается построить в Негеве еще пять бедуинских деревень.

Есть неподалеку от Бершебы каменное здание, стоящее посреди пустыни. Это — единственное строение, а вокруг множество обычных бедуинских шатров. В нем живет шейх Сулейман бен Али ибн Хиссейн эль Хуссейн. Было у него 38 жен и 80 детей. Сколько жен содержит теперь в своем гареме состарившийся шейх, выяснить не удалось, — во всяком случае не меньше четырех. Он — гражданин Израиля и всегда является голосовать, — конечно, вместе со своими женами.

Шейх принимает с восточным гостеприимством. В гостиной у него разложены ковры, подушки, но для гостей имеется громадный диван эпохи королевы Виктории. Особенно он гордится цветным телевизионным аппаратом. В Израиле телевидения еще нет, но в будущем аппарат может безусловно пригодиться.

Шейх показывает гостям фотографию президента Израиля с автографом, и ружье, полученное им в подарок от главнокомандующего израильской армией, — высший знак доверия и признания его лояльности.

А вокруг каменного дома, куда хватает глаз, шатры из козлиных шкур. Женщины в черном гонят стада овец на водопой. Иногда на арабском жеребце проска-

чет бедуин в развевающемся бурнусе... Медленно и величественно проходят верблюды. На базаре в Бершебе я остановился около одного погонщика верблюдов. Не знаю в точности, был ли он арабом или бедуином. Он держал за узду рослого, злющего верблюда, который все время скалил зубы и норовил плюнуть.

— Хочешь покататься на верблюде? — спросил меня погонщик, повидимому великий знаток человеческих душ. — За один фунт покатаю.

Я никогда не был у психиатра. В нашем доме психиатра заменяет жена и она утверждает, что мой духовный рост остановился в возрасте тринадцати лет, и что с тех пор я навсегда остался мальчиком. Очевидно, тринадцатилетний мальчик в эту минуту во мне проснулся. Сам не зная, что происходит, я сказал:

— Пожалуйста. Вот один фунт.

Погонщик что то закричал верблюду и с размаха ударил его палкой в бок. Верблюд в ответ оскалил зубы и крепко плюнул, но промахнулся. Получив палкой второй раз, он опустился на колени, а затем лег плашмя на землю. С видом Лоуренса Аравийского, привыкшего всю жизнь ездить на верблюдах, я занес ногу, сел покрепче в седло и принял позу, которой мог бы позавидовать шейх Сулейман.

Погонщик еще раз ударил верблюда, и я вдруг полетел куда то вперед: верблюд поднялся на задние ноги. Кое как я ухватился за луку и удержался, но в ту же секунду стремительно полетел назад, — верблюд встал на передние ноги. А затем меня начало бросать взад и вперед ритмично, — верблюд побежал по кругу мелкой рысцой. Погонщик бежал рядом, стараясь сво-

им криком ободрить не то меня, не то верблюда... К счастью, прогулка продолжалась не долго. Почувствовав, что фунт свой он заработал, верблюд внезапно остановился, бухнулся на колени, лег, и я поспешно скатился с него на землю.

Тринадцатилетний мальчик торжествовал. Чего никак нельзя сказать о его более солидном сверстнике.

Пустыня, горы, скалы... Мы направляемся из Бершебы к Мертвому морю, к тем самым местам, где в библейские времена стояли города Содом и Гоморра, уничтоженные за грехи жителей посланцами Божьими. До Мертвого моря еще далеко. Здесь, в этой пустыне, некогда заночевал Иаков, подложив под голову камень, и здесь увидел он во сне высокую лестницу, по которой восходили и спускались к нему ангелы Божии. И на самой вершине лестницы стоял Господь, сказавший Иакову:

— Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему... И будет потомство твое, как песок земный. И распространишься к морю и к востоку, и к северу, и к полудню.

Все это — в книге Бытия. В наше время осуществился сон Иакова. Евреи возвратились на родину отцов, получили земли и к востоку, и к северу, и к полудню, — до самого Эйлата... Но какая это суровая земля! В Бершебе когда то Авраам посадил тамариск и мог отдыхать в тени его. А здесь и тамариску не

вырасти, — редкий кустарник, да голые камни... Почему выбрали израэли эти дикие горы, чтобы построить здесь город Димон? Заложили его в 1955 году. По началу поселилась в Димоне в палатках горсточка иммигрантов, а теперь это настоящий город, в нем около 20.000 жителей, есть электричество и водопровод и есть поблизости атомный реактор. Отсюда из Димона на грузовиках ежедневно отправляются рабочие в фосфатные шахты Орена, расположенные в котловине.

Все время поднимавшийся в горы автобус делает еще один поворот, доходит до перевала и устало останавливается. Внезапно открывается удивительный вид на берега Мертвого моря, над которым от страшной жары стоит пелена серой мглы, сливающаяся с бледным небосклоном...

Начинается спуск к самому низкому месту на земном шаре. Мертвое море расположено на 394 метра ниже уровня воды в океане. На полпути мы проезжаем еще один новый город, Арад, в котором живут две тысячи рабочих, занятых на добыче поташа из вод Мертвого моря. Там, внизу, при постоянной температуре в 120 градусов, при влажности и ядовитых испарениях, нет никакой возможности жить. Рабочие проводят ночь в прохладном Араде, выезжают на промыслы задолго до рассвета, а в полдень, когда жара становится невыносимой, возвращаются на отдых в свое горное селение... Тяжкий труд, но он хорошо оплачивается, а Израиль надеется к 70 году стать первой в мире страной по экспорту поташа.

В 1965 г. добыча поташа на Мертвом море дости-

гла 500.000 тонн и принесла 23 миллиона израильских фунтов.

Автокар осторожно катит вниз. Мы теперь ниже уровня воды в море, но дорога продолжает спускаться на самое «дно мира»... Гид показывает с левой стороны, у дороги, соляной столп, действительно напоминающий женскую фигуру, и говорит:

— Жена Лота!

...И пришли два ангела в Содом и сказали Лоту, человеку праведному: «Мы истребим сие место, потому что велик вопль на жителей его к Господу... И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли. Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом. И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял перед лицом Господа; и посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот дым поднимается с земли, как дым из печи». (Книга Бытия, 12).

Нет сомнения, что в основе этого рассказа лежит воспоминание об извержении, которое в доисторические времена произошло на берегах Мертвого моря. Но даже без извержения и гнева Божия, зловещим кажется это море с его голыми берегами, без зелени, без единого деревца. Морскую воду отводят по специальным каналам в варницы, где под действием страшного солнца вода испаряется на 1 сантиметр в день и оставляет на земле плотный слой поташа и соли. Вода Мертвого моря содержит 25 процентов минералов, в пять раз больше, чем вода в Атлантическом океане.

При такой высокой насыщенности утонуть в Мертвом море нельзя.

Тринадцатилетний мальчик снова восторжествовал над здравым смыслом и решил выкупаться.

Автобус остановился на самом берегу, у кафе, где можно получить бутылку холодного фруктового сока и чашку кофе. Тут же и почта, специально созданная для филателистов. На открытки ставится штемпель: «Почтовая контора Содома, расположенная в самом низком месте земного шара».

Пока туристы лихорадочно отправляли открытки, я разыскал досчатую и весьма примитивную купальню — общую раздевалку, при которой было устроено несколько душей. Купальщиков набралось два десятка и нас предупредили: вода в море очень неприятного вкуса. Ни в коем случае нельзя нырять или глотать ее и особенно важно, чтобы она не попала в глаза.

По скользким сходням купальни я сошел в воду, показавшуюся не только теплой, но почти горячей. В Красном море вода хрустально чистая; в Мертвом море она по цвету напоминает мутный соляной раствор... Приятно лежать на воде, как на перине. Все тело снаружи, какое то невесомое. Потонуть, действительно, нельзя. Один из купальщиков решает проделать опыт: в руках у него газета и он спокойно, лежа на спине, принимается за ее чтение. Тринадцатилетний мальчик задумал проделать другой научный опыт: нужно, все таки, попробовать, какой вкус имеет вода в Мертвом море. Глотать ее не стоит, но если только попробовать и сейчас же выплюнуть?

Набираю в рот немного воды и в ужасе выплевы-

ваю ее. Чувство ожога. Горечь. Такое ощущение, словно прополоскал рот густым раствором бертолетовой соли, в которую добавили две ложки горчицы и еще что то, очень горькое, соленое и обжигающее... Вся прелесть купанья мгновенно исчезла. Быстро выбрался из воды, побежал в раздевалку — принимать душ. Нужно было как следует смыть с тела весь поташ, предназначенный Израилем для экспорта. Полотенец в купальне не оказалось. Мне объяснили, что это — лишняя роскошь: нужно попросту выйти наружу, постоять на солнце минуту, и все станет сухим... Так я и сделал. Такой мощной автоматической сушилки, как в Содоме, я еще нигде не встречал.

А затем — бар. Газос. Какой то сладкий фруктовый сок.

— Кафэ хам!

Не пугайтесь, это не ругательство, — это просто означает, что я заказал горячее кофе, в которое насыпал три ложки сахару... Нет, страшный вкус Мертвого моря не проходил и мучил меня даже после того, как мы снова забрались в автокар и покинули эти негостеприимные берега.

Жаль, что мы так поторопились, — тут вокруг исторические места, и археологи, явно не боящиеся жары, делают все новые открытия. В тридцати километрах к северу — остатки крепости Массада, на неприступной горе, — об этом уже приходилось писать. Здесь в 73 году нашей эры иудеи дали последний бой Римской империи и, не желая стать рабами, все до одного покончили самоубийством. А если продолжать вдоль берега путь на север, можно посетить пещеры,

в которых укрывались солдаты Бар Кохбы, Сына Звезды, последнего героя иудейской борьбы за независимость в 132-135 г. нашей эры.

Археолог Агрони и его сотрудники обнаружили в пещерах медные наконечники стрел, много домашней утвари, филактерии, которые верующие надевают на лоб и на руку во время утренней молитвы, древнееврейский текст 13-ой главы книги Исхода, написанный на пергаменте... Другая экспедиция проф. Ядина обследовала пещеры к югу от древней крепости Эйн Геди, расположенной на самой границе Иордании. Где то здесь, в Эйн Геди, у источника пресной воды и оазиса, скрывался некогда Давид от гнева Саула. Ядину повезло: он нашел в пещерах Эйн Геди настоящий клад — пятнадцать писем самого Бар Кохбы, адресованных двум его военачальникам. Проф. Ядин думает, что когда римляне взяли Эйн Геди, часть его защитников укрылась в пещерах, захватив с собой письма Бар Кохбы. Написаны они на папирусе и сохранились, вероятно, только потому, что воздух здесь необычайной сухости, и весь пакет был зашит в мешок из козьей кожи.

Особая ценность этих документов заключается в том, что о жизни Бар Кохбы вообще мало что известно. Был он человеком большого мужества, крепкой воли и магнетической силы. Быть может, лучше всего характеризует «Сына Звезды» молитва, авторство которой приписывается Бар Кохбе: «Мы молим Тебя, Господь, не помогать нашим врагам; о нас Ты заботиться не должен».

В 1961 году в этих же пещерах Эйн Геди были

найдены еще 36 документов, написанных на папирусе, — деловые бумаги некоей состоятельной женщины Бабаты, жившей в эпоху великого восстания иудеев против римского владычества. Часть этих документов и письма Бар Кохбы теперь хранятся в Иерусалиме, в музее «Свитков Мертвого моря»... Но об этих свитках, случайно найденных бедуинским пастухом в пещере, всего в нескольких километрах от Эйн Геди, речь будет впереди.

Пока я думал о Бар Кохбе, о героической его жизни и страшном конце в застенке римлян, автокар поднялся до самой вершины горы. Отсюда Мертвое море открывалось яркими цветными полосами, — белой, как снег, у самого берега, потом изумрудной и совсем вдали, ярко-синей. Но куда хватал глаз, не было видно ничего живого, — ни птицы, ни дерева, ни куста. «Море же Содомско мертво есть, — писал «путешественник земли русской» игумен Даниил, — не имать в себе животного ничтоже, никакой рыбы, ни скольки рака; исходит бо из дна моря того смола черная... смрад же исходит из моря того некак зол»... Ничто здесь не изменилось ни со времен Лота, ни со времен игумена Даниила.

Только на обратном пути, в Бершебе, за бутылкой вина, я потерял вкус щелочной соли и селитры, который преследовал меня всю дорогу.

ЕСЛИ Я ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ...

ГЛУБОКОЕ волнение охватывает человека, впервые едущего в Иерусалим.

Еще час, еще несколько минут, и перед путником откроется святой и древний город, в котором за тысячелетия его существования было пролито так много крови и слез. «Иерусалим есть пуп земли, сиречь — Иудея... Спасение же бысть во Иудеи, убо лежит посреде земли», писал в 1728 году в своей «Истории Палестины» греческий патриарх Хрисанов.

Я умышленно выбрал эту цитату, потому что она довольно точно определяет отношение человечества к Иерусалиму, который всегда в какой то степени был «пупом» земли. Для евреев это — столица Иудеи, которой правил некогда царь Давид, и где была Святая Святых — храм Соломона. Для христиан это город, куда пришел Иисус, чтобы принять терновый венец, город Голгофы и воскресения из мертвых. Здесь, на Сионской горе, уснула вечным сном Богородица. И мусульмане считают Иерусалим святым местом, — отсюда, верят они, поднялся на своем белом коне в небо Магомет.

Для трех религий Иерусалим — святой город. Но мистические узы еврейского народа с Иерусалимом

уходят вглубь тысячелетий, когда не было еще ни Христа, ни Магомета.

Израильтяне завоевали Иерусалим за десять веков до Р.Х., а царь Давид сделал город столицей Израиля. За 950 лет до начала нашей эры в Иерусалиме уже возвышался храм царя Соломона, неслыханный по своим размерам, роскоши и красоте. Был храм длиной в шестьдесят локтей, шириной в двадцать и вышиной в тридцать локтей. Стены были из тесаного камня, обшиты деревом из кедров и кипарисов ливанских, а потом обложены чистым золотом. И особенно украсили Святую Святых — ковчег, в котором хранились каменные скрижали Моисея. Сколько раз Иерусалим разрушали и предавали огню? Отсюда в 587 году до н. э. иудеи ушли в вавилонское пленение. Так началось первое еврейское изгнание и жизнь в «диаспоре». Именно в период вавилонского пленения родилась еврейская традиция вечной тоски по Иерусалиму, начался горький плач по разрушенному храму, взыскание града святого:

«При реках Вавилона — там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе.

На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы.

Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: пропойте нам из песен сионских.

Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя»...

Этот псалом Давида вошел в плоть и в дух еврейского народа на вечные времена. Навуходоносор раз-

рушил храм Соломона. Римляне уничтожили второй храм, буквально распахали землю в Иерусалиме, не оставили от святыни камня на камне. Больше не было даже имени Иерусалима. На месте его стоял языческий город Элиа Капитолина. Владели Иерусалимом греки, потом арабы, крестоносцы, сарацины, мамелюки, турки. Бывали периоды, когда в Иерусалиме совсем не оставалось евреев, — им запрещалось входить в город под страхом смерти. В иные времена только горсточка евреев собиралась для молитвы у Стены Плача. Но никогда не угасала в душах тоска по утраченному Сиону. Трижды в день евреи молятся о восстановлении храма и трона Давида. И каждый год, кончая пасхальную молитву, евреи поворачиваются лицом в сторону святого города и говорят:

— В будущем году — в Иерусалиме!

Из Тель Авива до Иерусалима полтора часа езды. Когда то паломники проделывали этот путь в два дня. Места были глухие и небезопасные, в горах подкарауливали странников разбойники и грабители. Еще игумен Даниил, которого я много раз цитировал, жаловался, что на пути к Иерусалиму «погании же мнозе в горах тех и избивают христиан в дебрех тех страшных». А Иудейские горы, где жили эти поганые, «суть бо каменны и высоки вельми».

Теперь эти дебри превращены в сады. Отличная новая дорога вьется среди виноградников и лесных насаждений. Виноградники спускаются с каменных гор

террасами, широкими уступами, которые удерживают дождевую воду и мешают размывать почву. Я любовался холмами Иудеи, темными соснами вдоль дороги, как вдруг спутники сказали:

— Смотрите, кто едет!

Навстречу, на мотоциклете, летело, сломя голову, странное существо, иерусалимский хасид. На нем была широкополая шляпа, из под нея выбивались пышные завитки волос, к которым по закону никогда не должна прикасаться бритва. Фалды черного шелкового кафтана развевались по ветру и из под кафтана виден был «талескотен», — специальное одеяние с черными полосами и кистями на концах, с которым ортодоксальный еврей никогда не расстается. Ноги в белых чулках торчали по бокам... Это было так странно — кафтан и мотоцикл, сочетание средневекового гетто и современного прогресса, что я долго не мог прийти в себя от изумления. Позже, в иерусалимском ортодоксальном квартале Меа Шеарим я видел тысячи таких людей и так до конца не мог к ним привыкнуть, — слишком большим анахронизмом казались они даже в святом городе.

Дорога в израильскую столицу местами идет почти параллельно с иорданской границей. Многое здесь напоминает о войне. Ближе к Иерусалиму по обочинам дороги лежат скелеты грузовых машин, кое как забронированных ржавыми железными щитами. На грузовиках — венки, ленты с поблекшими надписями. Это — остатки конвоев, которые пытались в 1948 году прорвать арабскую блокаду и доставить продовольствие и аммуницию в осажденный, голодавший Иерусалим. Много машин было тогда подбито арабской ар-

тиллерией, немало людей сложили здесь свои головы. Эти разбитые машины оставлены вдоль дорог, как памятник людям, которые пали в борьбе за Иерусалим.

Борьба за Иерусалим началась уже в конце 1947 года, еще во время британского мандата. Население города составляло тогда 150.000 человек, из которых приблизительно две трети были евреи, а остальные — арабы. Старый город, обнесенный каменными стенами, воздвигнутыми султаном Сулейманом, всегда был в руках арабов. Внутри старого города жило всего несколько сот ортодоксальных евреев. Именно в этой, арабской части Иерусалима, расположены главные христианские святыни — церковь Гроба Господня и еврейская святыня Стена Плача, — все, что осталось от второго Иерусалимского храма.

Масса еврейского населения жила в новом Иерусалиме. Возник он только в начале сороковых годов прошлого столетия, когда британский филантроп сэр Мозес Монтефиоре построил для евреев новый квартал за стенами города. Сэр Мозес впервые посетил Иерусалим в 1827 году и нашел в городе не больше двух тысяч евреев, живших в ужасающих гигиенических условиях и в глубокой нищете.

Пять лет после Монтефиоре, 28 октября 1832 года, в Палестину приехал Ламартин, который просидел у запертых ворот Иерусалима целый день. Ни одна душа не вышла за пределы города, в котором свирепствовала чума. Наконец, ворота раскрылись: из них вывезли тела четырех арабов, скончавшихся от чумы; мертвецов отвезли на мусульманское кладбище за городскими стенами. В своей замечательно интересной

книге «Святая Земля» Ламартин рассказывает: «Окрестности Иерусалима можно описать в нескольких словах: горы без тени, долины без воды, земля без зелени... Изредка попадается фиговое дерево, или несколько виноградных лоз; изредка — группа серых оливковых деревьев дает слабую тень на склоне холма». Все это давно изменилось, по крайней мере на израильской стороне Иерусалима, которая тонет в зелени.

За сто лет квартал Монтефиоре разросся в очень большой и красивый город с широкими бульварами, многочисленными синагогами, церквами и монастырями.

14 мая 1948 года, когда арабские армии со всех сторон вторглись в Израиль, надеясь одним ударом покончить с молодым еврейским государством, Иерусалим оказался полностью отрезанным от всей страны. Арабский Легион укрепился в старом городе, где 700 евреев попали в ловушку. В большинстве это были пожилые, религиозные люди, никогда в жизни не державшие в руках винтовки, а против них была отлично вооруженная и обученная арабская армия. Не лучшее положение создалось и в новом Иерусалиме, который арабская артиллерия начала систематически бомбардировать с окружающих высот и разрушать квартал за кварталом. За первые три недели боев по еврейскому Иерусалиму было выпущено 8.000 снарядов, которые убили 400 человек и ранили свыше тысячи.

Здесь не место рассказывать историю осады Иеру-

салима, — об этом написано уже не мало книг. Бен Гурион справедливо считал, что от судьбы Иерусалима зависит судьба всего Израиля. Иерусалим следовало удержать любой ценой, а между тем отвечать на огонь арабов было немыслимо: Хагана не имела артиллерии. Несколько мортир, самодельных «Давидок», пулеметы и винтовки ничего не могли сделать против каменных стен старого города.

Госпиталь Хадассы и здание университета, гордость молодого Израиля, были отрезаны арабами от города, но все же остались в еврейских руках. Однако, конвой врачей, направлявшийся туда, почти целиком был перебит. В числе погибших оказался блестящий врач из России Леонид Должанский, которого я знал в молодости в Париже...

Евреев постигла другая серьезная неудача. Чтобы освободить Иерусалим, нужно было во что бы то ни стало взять Латрун, ключевую позицию на дороге к Иерусалиму. Но все атаки на Латрун были отбиты Арабским Легионом Глоб-паши и там погиб цвет Хаганы.

В самом Иерусалиме население голодало. Вот список продуктов, которые получал в неделю каждый житель, — привожу его по книге б. губернатора Иерусалима Дов Джозефа "The Faithful City": 100 граммов крупы, 100 граммов гороха, 40 граммов сыра, 100 граммов кофе (только для взрослых), 100 граммов молочного порошка (только для детей), 50 граммов маргарина и 160 граммов хлеба в день, — приблизительно два ломтика. Бывали недели, когда не выдавали и такого пайка. Люди собирали в

садах траву, дикий салат и варили эту «зелень», — получалось что то вроде шпината. Водопровод не действовал. Жители получали одно ведро воды в день на семью, электричества не было, на городском складе осталось всего 37 жестянок керосина.

28 мая, после двухнедельной отчаянной борьбы за каждый дом, за каждую пядь земли, евреи в старом городе капитулировали. Все начальники были перебиты. Оставалось всего 170 пулеметных пуль. Не было ни одной гранаты. 345 защитников старого города арабы взяли в плен и отправили в Амман. 1.300 женщин, детей и стариков под контролем Международного Красного Креста были эвакуированы в новый Иерусалим.

Это был самый тяжелый удар для евреев за время всей кампании. Отныне доступ в старый город был потерян. По договору о перемирии арабы обязались пропускать евреев к Стене Плача, но этого пункта они никогда не выполнили... А в новом городе продолжались пожары, вызванные бомбардировками. Улицы стояли пустые, жители боялись выходить из подвалов. Регулярно, каждые десять минут разрывался снаряд и люди с трепетом ждали: где упадет следующий?

Несколько раз, ценой жестоких потерь, в город прорывались конвои из Тель Авива. Но еще до заключения перемирия 11 июня, с необычайными трудностями, 500 рабочих проложили в горах так называемую «Бирма Род». Сначала это была тропинка. Потом ее расширили, а бульдозеры превратили в настоящую дорогу. Каждую ночь по этой дороге, обходившей арабские позиции, в город тянулись грузовики, доставлявшие до 100 тонн продовольствия и медикаментов.

В 1949 году было заключено израильско-иорданское соглашение, оставшееся в силе до сегодняшнего дня. Старый город остался в арабских руках. Новый Иерусалим, в который включили Сионскую гору, закрепили за Израилем и вскоре провозгласили столицей еврейского государства.

После окончания войны в Израиль приехал известный американский генерал. Ему показали, где проходила линия фронта и объяснили, как развивались военные действия. Генерал подумал и сказал:

— Вам повезло, что евреи, защищавшие Иерусалим, не были профессиональными солдатами и офицерами. Если бы они имели представление о военном искусстве, — вы бы обязательно проиграли войну.

***

Мы стоим на крыше францисканского монастыря Нотр Дам, на самой границе, и рассматриваем открывающуюся панораму старого Иерусалима.

Буквально в нескольких шагах от нас начинается Иордан. На первом плане проволочные заграждения, за ними какие то полуразрушенные дома, а дальше — улицы города и арабы, занимающиеся своими делами. Проехал голубой автобус. Идет по теневой стороне улицы женщина с корзиной на голове. На пустыре играют ребятишки... За средневековыми крепостными стенами, за Дамасскими воротами, начинается нагромождение строений из желто-розового иерусалимского камня, множество церковных куполов, колоколен и башен, и во всем этом трудно разобраться.

Мой спутник и чичероне, родившийся в Палестине, начинает объяснять:

— Начнем слева, с горы Скопус. На самой вершине старый Иерусалимский университет с его замечательной библиотекой, и пустой, заброшенный госпиталь Хадасса. Это — территория Израиля, но она со всех сторон окружена арабами. Раз в две недели туда пропускают конвой из 4 израильских полицейских, которые живут на горе Скопус в полной изоляции, пока не придет смена. Как вы знаете, вместо этих зданий, которые нельзя пока использовать, Израиль выстроил в новой части города еще больший и лучший университет и новое, громадное здание госпиталя Хадасса.

Несколько правей, вне стен старого города, музей Рокфеллера, к сожалению доставшийся арабам. Теперь пройдем мысленно через Дамасские ворота. Видите — громадный купол мечети? Это мусульманская святыня. Под куполом та самая скала, с которой поднялся на небо Магомет. На месте мечети и правее от нее, между двумя минаретами, «во время оно» возвышался храм Соломона и там же, в лабиринте, невидимая отсюда, Стена Плача. Есть нечто символическое в том, что Стена Плача досталась арабам. С момента восстановления израильского государства евреям больше нечего убиваться и плакать... Разве не сказано в книге пророка Исайи: «И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем, и не услышится в нем более голос плача и голос вопля»? (Гл. 65, 19).

Выше, где зелень — Елеонская гора. На месте Вознесения стоит русский женский монастырь, построенный около ста лет тому назад, а рядом колокольня

высотой в 64 метра. Гефсиманский сад спускается к старому городу по склону Елеонской горы.

...В бинокль отлично виден Гефсиманский сад, в котором Христос, павши ниц, молил Господа, чтобы миновала Его чаша сия... И рядом семиглавый православный собор св. Марии Магдалины, воздвигнутый Александром III в память его матери, императрицы Марии Александровны.

— А где же храм Гроба Господня?

— Глядите — почти в самом дальнем углу старого города: два купола с крестами, один большой, другой поменьше. Это и есть храм Гроба Господня, и Голгофа, и погребальная пещера...

Со мной была книга епископа Мефодия «Святая Земля», изданная в Париже в 1961 году. В ней нашел я много интересных подробностей, касающихся Гроба Господня и Голгофы, возвышавшейся над Долиной Мертвых всего на 3 метра. Между прочим, епископ Мефодий указывает, что улица Крестного пути, по которой ежегодно совершается процессия, намечена лишь приблизительно. Следы настоящего пути Христа можно найти только в сохранившихся подземельях зданий, которые были построены на развалинах прежнего города... Ничего этого увидеть мне не удалось: из Израиля, как известно, на арабскую сторону проехать могут только дипломаты и члены контрольной комиссии Объединенных Наций. Только раз в год, на Рождество, иорданские власти пропускают через ворота Мандельбаума несколько тысяч арабов-христиан, желающих совершить однодневное паломничество в Вифлеем.

**
*

Окна моей комнаты в отеле «Кинг Дэйвид» выходили на стены старого города. Часами, сидя у окна, смотрел я на иерусалимские стены, за которыми открывалось нагромождение каменных домов, узкие улицы, купола, колокольни, — все залитое ярким солнечным светом, который разливается по желтым иерусалимским камням расплавленным золотом.

А поздно ночью, когда будил протяжный крик муэдзина, призывавшего правоверных к молитве, я вставал и снова любовался — теперь уже ночным городом, тонувшим в призрачном лунном свете и вспоминал старые стихи С. Маршака:

> Но пусть виденья жизни бренной
> Закрыли прошлое, как дым, —
> Тысячелетья неизменны
> Твои холмы, Иерусалим!

Мне кажется, что лучше всего вид на старый город с крыши францисканского монастыря Нотр Дам. С этим громадным зданием, которое доминирует над Иерусалимом, связан интересный эпизод израильско-арабской войны 1948 года.

В тот самый день, когда англичане эвакуировали город, один из высших британских чинов сказал командирам Хаганы:

— Тот, кто будет владеть монастырем Нотр Дам, будет владеть Иерусалимом.

Справедливости ради надо добавить, что будучи джентльменом, он сделал такое же предупреждение и

арабам... Борьба за монастырь велась ожесточенная. Еще сегодня его стены носят следы многочисленных арабских снарядов. В самый тяжелый момент осады, когда не было ни хлеба, ни воды, ни аммуниции, израильское командование получило донесение, что Арабский Легион начал наступление на Нотр Дам.

По стратегическим соображениям было решено сократить линию сопротивления и монастырь эвакуировать. Эвакуация была произведена столь поспешно, что не успели предупредить часового, стоявшего на крыше. И забытому солдату не приходило в голову, что он остался единственным защитником монастыря.

Когда к воротам приблизилась арабская моторизованная колонна, часовой бросил в нее с крыши «молотовский коктейль». У него было всего три бутылки. Первая вообще не разорвалась. Но вторая попала в цель, и машина загорелась.

Встретив столь решительное сопротивление, арабская колонна отступила перед лицом «численно превосходящего врага». Израэли воспользовались этим и немедленно снова оккупировали монастырь. Когда часовому на крыше сказали, что в течение целого часа он был единственным защитником крепости и обратил в бегство неприятельскую колонну, бедняга от неожиданности и страха потерял сознание.

Чуть ли не в первый день пребывания в Иерусалиме я оказался на Русском Подворье, около пятиглавого, очень красивого Св. Троицкого собора. Запад-

ная сторона вся изрешечена пулями: арабы стреляли по храму с ближайшей горы.

Как и все православные церкви и монастыри в Израиле, собор передан юрисдикции московского патриарха. Собор заперт. Но обойдя его вокруг, я увидел небольшую дверь На медной доске было выгравировано: «Русская Духовная Миссия». Я позвонил. Минуту спустя послышались легкие шаги. Дверь открыла миловидная женщина, говорившая типичным советским говорком. Я спросил, можно ли осмотреть собор?

Повидимому, с такими просьбами сюда приходят не часто. Молодая женщина со смущением ответила:

— Сейчас идет напутственный молебен в малом храме, а потом духовенство уезжает в Яффу. Там престольный праздник Петра и Павла. Сегодня будет трудно.

В коридор выглянула старуха-монахиня.

— Матушка, — спросила моя собеседница, — можно им на молебне постоять?

— Можно, конечно, — ответила матушка. — Храм Божий. Место для всех найдется.

В «малой», и все же просторных размеров, совершенно пустой церкви место, действительно, нашлось. Посреди храма стояла чета, уезжавшая, как я понял, в Москву, в отпуск. Была еще молодая женщина, открывшая мне двери, с двумя детками, и я... Служил архимандрит Гермоген и протодиакон, обладатель великолепного сочного баса. На клиросе, старческими, надтреснутыми голосами, пел хор монашек... Через несколько дней я снова приехал в Иерусалим и снова пришел в Св. Троицкий собор. На этот раз мне его

показали. Собор большой, рассчитанный, видимо, на множество паломников, красивой архитектуры, но роспись — традиционная, конца прошлого века, не отличающаяся особенной одухотворенностью.

Отец протодиакон вспомнил, что я был недавно на молебне, и удивился: неужели из Америки? Что же, есть в Америке русские? И храмы?! Узнав, что я журналист, он стал менее разговорчивым и поручил меня заботам приветливой монахини. И все же, на прощание, он спросил:

— А вы какого будете вероисповедания?

— Иудейского — ответил я.

— Естественно, — солидным басом откликнулся отец протодиакон.

Монахиня показывала храм, водила по приделам и на ходу рассказывала, что она из Киева, приехала несколько лет назад. Здесь тихо, скучно, служат редко, — православных совсем мало. И, глядя светлыми, белесыми глазами, трогательно просила:

— А вы бы к нам заходили иногда. Милости просим!

И при этом низко кланялась.

ГЕТТО В ИЕРУСАЛИМЕ

МАШИНА наша проехала по улицам Иерусалима, миновала русское подворье и Св. Троицкий собор, пересекла ортодоксальный квартал Меа Шеарим и остановилась на довольно широкой площади, перед спущенным шлагбаумом. По сторонам от шлагбаума — две полицейские будки весьма мирного типа.

— Что это ? — спросил я.

— Это — ворота Мандельбаума, — ответили мои спутники.

Какое разочарование! Сколько раз читал я об этих воротах, о пограничных инцидентах, о том, как раз в год, на Рождество, их открывают, чтобы пропустить паломников-христиан в Вифлеем. Воображение рисовало древние каменные стены, сводчатые ворота, наглухо закрытые и окованные железом, и какие то укрепления вокруг... И вдруг, — простой шлагбаум, который на наших глазах легко поднялся, чтобы пропустить дипломатическую машину с флажком Объединенных Наций. И никто не вышел из будки, чтобы проверить документы дипломатов. Должно быть их знали в лицо. Нажали кнопку, ворота открылись. Автомобиль проехал на арабскую сторону. Шофер обошел, не торопясь, машину, снял сзади дощечку с израиль-

ской имматрикуляцией и заменил ее дощечкой арабской, а затем поехал дальше... В старом городе все ворота древние, именно такие, какими я их себе представлял: Дамасские и Сионские, Ирода и Яффские. А ворота Мандельбаума, единственный путь из Израиля в Иорданию, ничего собой не представляют.

Мандельбаум был врачом, жил и практиковал в Иерусалиме, в громадном каменном доме, который сильно пострадал во время войны 1948 года и стоит по правой стороне дороги. На беду доктора, демаркационная линия прошла по середине его дома, и ему пришлось искать квартиру в другом, более спокойном месте. Потеря имущества была возмещена тем, что имя Мандельбаума присвоили новым воротам. Это, конечно, самый знаменитый шлагбаум в мире.

— Но кто охраняет ворота? Где солдаты, пулеметы, артиллерия?

Шофером моим в этот день был русский еврей, служащий ОРТА. В молодости он был в Красной Армии; потом судьба привела его в ряды Хаганы... Израэли не любят говорить о военном положении страны и особенно распрашивать их по этому поводу не полагается. Он только посмотрел на меня с улыбкой и сказал:

— У Мандельбаумовских ворот не нужно солдат. Тут все солдаты.

На площади, к услугам туристов, был киоск с прохладительными напитками. Мы распили бутылку «газоса» в честь доктора Мандельбаума и поехали обратно, в квартал Меа Шеарим.

⁂

Между XV и XVIII столетиями европейские евреи вынуждены были жить в гетто, куда их загнали, чтобы изолировать от контакта с христианами. Гетто было окружено каменными стенами. На одном конце главной улицы помещалась синагога, на другом — еврейское кладбище. Так, между синагогой и кладбищем, проходила вся жизнь обитателей гетто. Здесь они жили, учились, работали, торговали, умирали. Обитатели гетто носили на руке желтый знак, обличавший их еврейство, делавший их париями общества. Желтый знак можно было снять, из гетто было легко уйти. Для этого принимали крещение, и все дороги открывались для новообращенного брата. Однако, за редкими исключениями, евреи почему то не крестились и не стремились уйти из своей среды. Средневековое гетто было символом насилия, но оно сближало евреев и сохраняло их национальное самосознание.

Меа Шеарим, современное гетто в Иерусалиме, было создано добровольно, а не по принуждению. В 1875 году группа польских ортодоксальных евреев вышла из старого города и решила устроить свой собственный квартал. В те времена жить за городской стеной было опасно. Поэтому и дома в Меа Шеарим строились по принципу средневековых крепостей: снаружи — высокие, каменные стены с небольшими оконцами, защищенными железными решетками. Сводчатые ворота запирались на ночь. Внутри квадрата домов — широкий двор и посреди цистерна для воды. Постепенно квартал разрастался, появлялись новые улочки,

пристраивались новые дома-крепости. Потом переселились в Меа Шеарим венгерские евреи, за ними последовали бухарцы... Живут здесь только ортодоксы. Контраст между современным Израилем и этим кварталом, с его традиционным духом «штетеля», маленького города черты оседлости, поражает.

Жители Меа Шеарима отличаются от остальных израэли прежде всего своим внешним видом. На мужчинах длинные кафтаны и широкополые черные шляпы, из под которых выбиваются пышные, завивающиеся пейсы. В праздник, люстриновый кафтан заменяется шелковым, а на голове появляется шапка из лисьих хвостов. Женщинам полагается носить платок на голове; платье должно быть с длинными рукавами и всякая нагота — прикрыта. Даже дети бегают в кафтанах и в белых чулках, с маленькой ермолкой на макушке. Говорят в Меа Шеарим только на «идыш», ибо древне-еврейский язык, даже обновленный и превращенный в «иврит», должен служить исключительно для молитвы и для общения с Богом.

Есть в Меа Шеарим одна, к счастью, немногочисленная секта фанатиков «Натуреи Карта», что на арамейском языке означает «Стражи Града». Эта группа, живущая в Иерусалиме, отказывается признавать законность Израильского государства, уклоняется от воинской повинности, не желает говорить на иврите. «Стражи Града» считают, что Израиль может быть восстановлен, как предсказывали пророки, только после прихода Мессии. Так как Мессия еще не пришел, создание израильского государства является бесспорно преждевременным и равносильно узурпации и ко-

щунству... На что свободомыслящие евреи, которых в Израиле большинство, не без лукавства отвечают:

— Дайте нам, по крайней мере, облегчить задачу Мессии и подготовить государство к его приходу.

Если вы читаете в газетах, что в квартале Меа Шеарим забросали камнями автомобилистов, можете не сомневаться: это «Стражи Города» по своему протестовали против нарушения святости субботы, когда евреям не полагается ездить... Не следует, конечно, смешивать эту небольшую, хотя и очень шумную группу фанатиков с массой ортодоксального населения Меа Шеарим, где есть множество хасидов и просто людей, старающихся жить по вере отцов своих и сохранить старые еврейские традиции.

* * *

По Меа Шеарим следует пройтись в пятницу под вечер, когда обитатели квартала готовятся достойно встретить праздник.

На рынке в узких улочках заканчивается бойкая торговля. Нужно успеть все закупить и приготовить обед — ни один уважающий себя ортодоксальный еврей не станет варить, и даже разогревать пищу в субботу. Еще час — другой, и базар замрет, все лавки будут закрыты.

В субботу вообще жизнь в Иерусалиме приостанавливается, а квартал Меа Шеарим превращается в мертвый город. Нет больше автобусов, закрыты магазины, рестораны, кафе. Нельзя купить газету, невозможно достать куска хлеба, нечего и думать о том,

чтобы пойти в театр или кинематограф. Даже в холле отеля «Кинг Дэйвид» висит объявление: туристов просят соблюдать святость субботы и не курить в публичных местах... Не все муниципалитеты так строго соблюдают правила субботнего отдыха. В Хайфе, например, ходят автобусы. В Тель Авиве можно получить такси. И в Иерусалиме люди пользуются своими машинами, но горе автомобилисту, который заедет в субботу в квартал Меа Шеарим! Даже в пятницу, под вечер, когда мы гуляли по ортодоксальным улицам, машину пришлось поставить подальше, чтобы не оскорблять чувств хранителей «древлего благочестия».

Чуть ли не на каждой улице здесь «ешива» или «талмудтора», — духовные школы, где бледные дети и юноши с мечтательными глазами целыми днями сидят за изучением Талмуда, Геморры, Мишны и поглощают бездну премудрости. Газета «Джерузалем Пост» приводит расписание нормального учебного дня в ешиве, характерное для всех учебных заведений такого рода. Утренние молитвы начинаются в 6.10 и в них участвует весь учительский персонал. Четверть часа уходит на чтение Библии. Затем завтрак, уборка комнаты (большинство учащихся в ешивах живут в общежитиях при своих школах). От 8 до 10 урок Геморры. Получасовое изучение Мишны. Следующие полтора часа уходят на чтение из «сидера». Полуденные молитвы, завтрак и час отдыха. Занятия по общим предметам продолжаются с 2 до 5.30 дня. Ужин и вечернее чтение сидера с 6 до 7.30 вечера. За этим следует беседа с инструктором на какую нибудь талмудическую тему и вечерние молитвы. С 8 до 10.30 вечера мальчики

готовят заданные им уроки. Для подростков в 14-15 лет это, конечно, много, но и ученики и наставники в ешивах убеждены, что целой человеческой жизни не хватит, чтобы как следует изучить Талмуд и толкования к нему.

Зато в субботу дети отдыхают, т.е. молятся всего три раза в день, а остальное время проводят в пении, танцах и беседах со своими наставниками... Как ждут в Меа Шеарим наступления субботы! С раннего утра на улицах можно увидеть группы бородатых евреев, направляющихся в сторону бани с пакетом чистого белья под мышкой. Возвращаются они домой преображенные, выпаренные, уже по праздничному настроенные... Нужно облачиться в лучший кафтан и приготовиться к синагоге. На всех балконах появляются мальчики, которые тщательно, целый час, начищают до невероятного блеска свои ботинки. Девочки-подростки, весь день бегавшие в сандалиях на босу ногу в лавочку за помидорами и луком, теперь вымыты, причесаны и одеты в розовые платья... Видел я на главной улице Меа Шеарим чудесную пару. Он — молодой хасид с красивым иконописным и бледным лицом, в собольей шапке, катил детскую колясочку. А немного позади скромно выступала его жена, молодая мать, в платье, застегнутом до шеи, с потупленным взором, — как напоминала она молодую Ханну Ровину в «Дибуке»! Дальше увидел я старика, который шел глубоко задумавшись, заложив руки за спину, — в сутулой его спине было все еврейское прошлое, воплощение старого гетто... До синагоги недалеко, — в Иерусалиме — 465 синагог, — но отправляются туда верующие

спозаранку, чтобы не торопясь подготовиться к молитве. Рядом с отцами чинно выступают дети, в таких же кафтанах, с такими же завитками волос... Из открытых окон уже доносится пение молитв.

Каждую пятницу, за несколько часов до наступления праздника, хасид Иехецкель Фрайман устраивает для туристов прогулку по старым синагогам и читает им краткую лекцию о том, как молятся евреи. Делает он это интересно и не без актерского таланта. Чего стоит его рассказ о бедном хасиде, который пришел в пятницу вечером из синагоги, заранее зная, что в доме нет даже куска хлеба... Тем не менее, по хасидскому обычаю, он вошел в дом с пением, приплясывая, радуясь и прославляя Всевышнего. Жена с недоумением посмотрела на ликующего мужа и спросила:

— Чего ты радуешься? Ты не знаешь, что нам нечего есть?

— Я знаю, что нам нечего есть, — ответил хасид. — Я радуюсь, потому что по крайней мере, у меня есть аппетит!

Очень много интересного узнал я из объяснений нашего лектора. Например, с детства я видел, как набожный еврей во время молитвы раскачивается, как то механически сгибает и выпрямляет верхнюю часть тела. Спросите у молящегося: почему он так делает? Вряд ли он сможет дать вам подходящее объяснение. Так принято, так молились его отец и дед, и прадед. Но Иехецкел Фрейман дает объяснение. В древние

времена евреи кочевники целыми днями не сходили со спин верблюдов. Караваны шли по пустыне, кочевники молились на ходу, наизусть читали и громко распевали молитвы, и тела их покачивались мерно, в такт верблюжьему шагу. И постепенно молитва связалась с этим непрерывным раскачиванием тела, которое передавалось из поколения в поколение, и происхождение которого давным давно забыто молящимися.

Есть у евреев молитва «Алейну» (Возвысь нас), которой заканчивается служба о даровании мира всем народам. Когда произносят слово «шалом» — мир, верующий обычно делает два шага назад, кланяется влево, вправо, и затем становится на прежнее место.

Что означают эти движения? Хасиды дают такое объяснение:

— Человек, желающий сохранить мир, всегда должен быть готов сделать шаг назад и поклониться соседям. Это не помешает ему вернуться на прежнее место!

Во время прогулки под руководством нашего ученого гида мы посетили четыре синагоги: персидскую, сефардскую, иеменитскую и ашкинази. Во всем мире синагоги строятся так, чтобы стена, в которой помещается ковчег со свитками Торы, была направлена в сторону Иерусалима. А в самом Иерусалиме синагоги обращены туда, где стоял некогда храм Соломона.

При входе в каждую синагогу можно почти безошибочно сказать, кто в ней молится. В персидской синагоге покров у ковчега напоминает тончайшей работы

восточный ковер, а серебряные светильники и чаши гравированы лучшими мастерами Тегерана. Тысячелетнее пребывание в мусульманской среде сказалось на персидских евреях. В синагогу они входят, как в мечеть, сняв у порога обувь, и раввина своего называют «хаджи». Глубокие старики до сих пор отказываются от мест на скамьях. Они молятся, сидя на полу, поджав под себя ноги.

Сефарды, т.е. евреи испанского происхождения, говорят между собой на наречии «ладино», помеси старого кастильского и древне-еврейского языков. Они имели когда то свою синагогу в старом городе, неподалеку от Стены Плача. В синагогу эту спускались по ступенькам, как в подземелье. Сделано это было сознательно, в память «марранов», насильно обращенных в христианство во времена Инквизиции и тайно продолжавших исповедовать иудейскую религию в «катакомбных» синагогах.

В синагоге йеменитов можно увидеть стариков с восточными темными лицами, тоже сидящих на полу, по мусульмански поджав под себя ноги. Фрейман утверждает, что йемениты могут читать молитвенники с разных сторон, под любым углом, одинаково легко справа, слева, сверху и снизу. Дело в том, что в былые времена молитвенные книги переписывались от руки и были в Йемене большой редкостью. Так как нескольким людям приходилось молиться по одной книге, они выработали своеобразную технику чтения «под любым углом». И теперь в этой синагоге можно видеть группы йеменитов, сидящих кругом и читающих молитвы по одному сидеру, с разных сторон.

В синагоге ашкинази, т.е. евреев из Западной Европы, из Польши и России, молятся шумно, до самозабвения, как молились когда то в местечках черты оседлости, одновременно умоляя и укоряя Бога, не обращающего внимания на страдания детей Израиля.

Когда мы вышли из последней, четвертой синагоги, у дверей ее уже стояли группы людей, посматривавших на часы: не пропустить бы начала молитвы... Да, хорошо сказано в Деяниях Апостолов: «В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами»!

Стая празднично одетых ребятишек высунулась из подворотни, поглядела на «американише» туристов и поздравила нас хором с наступающей субботой:

— Шабат шалом!

В окнах загорались субботние свечи. А я шел и все повторял строки Осипа Мандельштама, которые в этом месте и в этот день звучали для меня как то особенно значительно:

> Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
> И семисвещником тяжелым освещали
> Ерусалима ночь и чад небытия.

Главная еврейская святыня в Иерусалиме, если не считать недоступную сейчас Стену Плача, это — Сионская гора, на которой «почил Давид с отцами своими». Рядом — святыни христианские: «горница большая», место Тайной Вечери, где Христос и Его ученики «ели Пасху». И совсем рядом, церковь вечного сна

Девы Марии, Dormitio Sanctae Mariae. Здесь во время своего визита в Израиль молился, преклонив колени, папа Павел VI.

Вот как описывал Сионскую гору русский паломник, Троицкого-Сергиева монастыря дьякон Иона, побывавший в Иерусалиме в 1649 году: «Святый Сион от западные страны святаго Иерусалима сажень с тридцать от града, прежде был монастырь, великое здание, а ныне мечит турская, а живут в нем дервиши, турские чернцы, а стоит на горе, а христиан тут не пущают, а сказывают, что под тем святым Сионом гроб Давида царя и Соломона. А от святаго Сиона ко градной стене есть место, пещера глубока вельми, и в той пещере святый Петр апостол плакася своего отвержения; а над тою пещерою ныне церковь и монастырь, а владеют кофти; а с полунощною страну святаго Сиона тут погребаются иерусалимляне христианской веры. Томо бо от святаго Сиона за горою в далее версты монастырь животворящего креста Господня; на том месте посечено было древо, из него же сделали животворящий крест Господень»*

Дорога на Сионскую гору идет зигзагами. Зной, белая пыль, серые кактусы, растущие на каменных стенах. Да, прав был отец диакон — «Сион же гора велика и высока есть»...

Идут группы евреев в ермолках. Их перегоняют три католических монаха в черных сутанах. Медленно поднимается в гору большая йеменитская семья, — патриарх, которого поддерживают под руку сыновья,

* Ранее цитированное описание путешествия диакона Ионы.

несколько смуглых, восточного типа женщин, куча ребятишек. Повидимому для иеменитов это не только паломничество, но и праздничная экскурсия: женщины несут корзины с провизией. Помолившись, они устроются где нибудь в тени, закусят и отдохнут... Нищие сидят под каменной стеной, бормочут молитвы и прохожие наделяют их милостынью, — сделана «мицва», доброе дело.

Мы входим в некое подобие катакомб. Идем проходом, вырубленным в скале и попадаем в усыпальницу царя Давида. У одной из стен — громадный каменный саркофаг, накрытый бархатным покрывалом с изображением семисвечника. На крышке надгробия расставлены старинные серебряные короны, которыми украшают свитки Торы. Горят свечи, каменные стены усыпальницы покрыты копотью. У стен, отвернувшись от толпы, старики повторяют заученные с детства привычные слова заупокойных молитв.

В первой книге Паралипоменон сказано: «И Давид, сын Иесеев, царствовал над всем Израилем.

Времени царствования его над Израилем было сорок лет; в Хевроне царствовал он семь лет, и в Иерусалиме царствовал тридцать три года.

И умер в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славою; и воцарился Соломон, сын его, вместо него».

Место Тайной Вечери, «Сенакулум», расположено на втором этаже, над могилой царя Давида. Была здесь

когда то церковь крестоносцев, разрушенная сарацинами. В четырнадцатом веке францисканские монахи построили на месте разрушенной церкви этот готический зал «Сенакулум» с тяжелыми каменными колоннами, но вся эта готика как то плохо вяжется с образом горницы, в которой Христос и Его ученики «ели Пасху»...

Чтобы подняться на крышу, нужно разрешение военного коменданта. Дело в том, что граница проходит у самого подножья горы и, вопреки тому, что я видел около Мандельбаумовских ворот, здесь она серьезно охраняется. Всюду надписи: «Военная зона. Вход воспрещен» и видны вооруженные солдаты. И соседний монастырь, воздвигнутый в честь Богоматери, также расположен в военной зоне. Колокольня и окна монастырские, выходящие на арабскую сторону, до сих пор заложены мешками с песком: арабы не раз открывали огонь по монастырю. Стены его сильно пострадали.

Рядом с могилой царя Давида есть другие пещеры. Когда то, на заре истории, тут хоронили. Вся гора Сионская изрыта могилами, «им же несть числа». А теперь в этих пещерах помещается страшный «Музей Истребления», посвященный памяти шести миллионов жертв гитлеровского садизма.

В первой комнате горит неугасимое пламя. Все стены в этом и в соседних помещениях и во дворе музея покрыты бесчисленными мраморными досками. Каждая уничтоженная в Европе еврейская община имеет свою поминальную плиту. Страшен мартиролог еврейских городов: Варшава, Лодзь, Краков, Одесса, Ри-

га, Киев, Вильна, сотни, тысячи названий... «Над Бабьим Яром памятника нет»... Памятник этот, черная мраморная доска, укреплена в память жертв Бабьего Яра у могилы царя Давида.

Очень страшно видеть каменные саркофаги, наполненные полусожженными свитками Торы, которые бросали в огонь нацисты, разорванными филактериями и полуистлевшими талесами. А в другой комнате стоят рядами серые банки. Я не сразу понял, что в этих банках хранился газ, который пускали в камеры смертников.

Была еще одна комната, необычная для музея, комната молитв. И здесь вдоль закопченных стен горели свечи и люди в широкополых шляпах читали и пели молитвы. Посреди комнаты, у стола, заваленного фолиантами, сидел глубокий старик. Голова его была слегка откинута назад, глаза уставлены в одну точку. Мне показалось, что он был слепой. Но из его невидящих глаз по морщинистым щекам и серебряной бороде катились слезы.

В Иерусалиме есть другой музей, Иад Вошем, специально посвященный нацистским зверствам. Мне говорили о нем несколько раз. Член Верховного Суда Моше Ландау — тот самый судья Ландау, который председательствовал на процессе Айхмана и приговорил его к смертной казни, советовал мне посмотреть его:

— Вы не можете не увидеть этого музея, — говорил он. — Пойдите!

У меня не хватило мужества.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

«УЧИТЬСЯ, учиться, учиться, — вот секрет еврейского существования», писал когда то Ахад Гаам будущему главе Иерусалимского университета Иегуде Магнесу.

Жажда знаний, стремление дать своим детям образование, всегда были отличительными чертами еврейского характера. Нужно ли удивляться, что в 1965 году 720.000 израэли посещали различные школы, — от детского сада до университета? Треть всего населения Израиля учится.

Школа в израильском государстве — это не только место, где молодое поколение приобретает знания и духовно формируется. Это прежде всего тот «плавильный котел», в котором создается израильское национальное единство и где дети эмигрантов из разных стран превращаются в единый народ, говорящий и думающий на одном языке.

Вопрос этот имеет для будущего Израиля такое огромное значение, что в первый же день по приезде в Иерусалим я отправился к министру Народного Просвещения и Культуры Залману Аранну. Мы познакомились в Риме, на конгрессе ОРТА. Залман Аранн произнес замечательную речь, он говорил о том, что нет

«двух Израилей»; есть только израэли, которые получили образование и те, кто не могли получить его в отсталых странах, откуда они приехали. Задача правительства помочь им восполнить этот пробел. В Израиле, как и в других странах, уровень образования определяет экономический и социальный статус гражданина.

Аранн — старый русский сионист, и говорили мы, конечно, по русски. Министр объяснил, что в результате громадного наплыва иммигрантов из Алжира и Марокко, в первую очередь пришлось заняться самыми маленькими детьми.

Обязательное и бесплатное обучение существует для детей от пяти до четырнадцати лет. Пятилетних принимают в детские сады. Помимо этого, правительство, муниципалитеты и общественные организации содержат сеть детских садов для трехлетних и четырехлетних детей неимущих граждан, которые приехали из стран Сев. Африки.

Всего в детских садах и в школах первой ступени состоят 600.000 учащихся. Средняя школа пока не обязательная и обучение в ней стоит довольно дорого, очень часто больше того, что могут платить семьи со скромными доходами. Тем не менее, в средних школах уже сейчас обучаются 112.000 учеников. Из них 45 процентов обучаются бесплатно, так как доход их родителей находится на низком уровне. Платит за них правительство и муниципалитеты.

Сюда входят и школы ОРТА, где ученики, одновременно с общеобразовательными предметами, изучают определенное ремесло, и школы сельскохозяй-

ственные, и религиозные «ешивы». К слову сказать, эти последние находятся в ведении Министерства по Религиозным Делам. В 187 израильских ешивах в 1965 г. обучалось 15.000 учеников.

Свыше 20.000 студентов получают высшее образование в университетах Иерусалимском, Тельавивском, религиозном Бар Илан, хайфовском Технионе. В начале 1965-66 учебного года в Иерусалимском университете числилось 12.000 студентов; в Тельавивском — 5.000; число студентов в Технионе приближалось к 5.000 и в университете Бар Илан к 2.000.

21 октября 1965 г. на вершине Кармела был заложен первый камень нового университета Хайфы, который предназначен для учащейся молодежи сев. Галилеи. Постройка хайфовского университета будет закончена в 1968 году.

В особом положении находится Институт Вейцмана, где студентов, в собственном смысле этого слова, нет. В Институте работают только ученые с законченным университетским образованием.

План Залмана Аранна очень прост:

— Наш идеал — сделать и среднюю школу обязательной и бесплатной, что уже осуществлено в кибуцах. К несчастью, для этого нужны громадные средства и кадры педагогов, которыми мы пока не располагаем. В ближайшие пять лет число студентов в университетах будет удвоено.

Пятьдесят процентов университетских бюджетов оплачиваются государством. Остальное дают частные группы, главным образом евреи «диаспоры».

Для полноты картины нужно сказать, что Израиль

создал специальные школы для арабского и бедуинского населения, где преподавание ведется на арабском языке. Вторым языком в этих школах является иврит. 63.000 арабских детей посещают свои школы.* В Негеве школы для детей бедуинов устроены в палатках и перемещаются вместе с кочевниками.

С прибытием евреев из Африки пришлось значительно расширить сеть религиозных школ, которым алжирцы, мароканцы и иемениты дают явное предпочтение. В этих школах, конечно, преподавание подчеркивает религиозную точку зрения. Но даже в государственных гражданских школах вводятся элементы «еврейского самосознания» — изучается религиозный быт и обычаи евреев в разных странах.

— Мы стараемся, — говорил министр, — ввести в наше просвещение сознание неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим еврейского народа.

— В ваших школах, — сказал я, — формируются будущие израильские граждане и будущие хозяева страны. Куда вы ведете израильскую молодежь? Какие идеалы вы ей предлагаете?

— Позвольте в ответ на этот вопрос, сказал министр, процитировать параграф 2-ой израильского закона о национальном просвещении. Закон этот был принят Кнессетом в 1953 году: «Национальное просвещение в Израиле зиждется на культурных ценностях народа, достижениях науки, любви к родине, верности государству и еврейскому народу, подготовке к труду,

* Цифровые данные в этой статье взяты из «Israel Government Year Book» 1964-65 — или были приведены министром Народного Просвещения и Культуры.

в особенности сельско-хозяйственному, на воспитании в духе пионерства, стремлении к обществу, построенному на основах свободы, равенства, терпимости, взаимопомощи и гуманности»... Это и есть те идеалы, которые мы стремимся привить нашей молодежи.

Руководители страны считают, что по мере того, как Израиль будет развиваться и крепнуть экономически, центр тяжести должен постепенно переходить от материальных забот к идеалам духовным. Вопросам духовного воспитания уже сейчас уделяется большое внимание. Очень много зависит, конечно, от среды, в которой находится ребенок. В семьях с культурными традициями он, естественно, впитывает в себя идеи и духовные ценности окружающей среды. В семьях отсталых, где старшее поколение зачастую не имеет никакого образования, школа должна дать ребенку все то, чему он не может научиться дома.

Есть определенное соотношение между школьными успехами детей и образованием их родителей. На успехах ученика сказываются условия его домашней жизни: число душ в семье, размеры квартиры, социальное положение отца. Способности детей не зависят от их национального происхождения. Разница заключается в «климате», в котором ребенок растет и воспитывается. Школа должна дать ему недостающие «интеллектуальные витамины».

Разговор, естественно, зашел о русском еврействе. Со многими мне приходилось в Израиле говорить на эту тему. Мнения израэли в этом вопросе совершенно совпадают. Еврейство в Сов. Союзе находится духовно на «нелегальном положении». Залман Аранн глубоко

убежден, что «наше поколение еще увидит духовное и культурное раскрепощение советского еврейства и широкую эмиграцию евреев из СССР в Израиль».*

***

Первый камень Иерусалимского университета был заложен проф. Х. Е. Вейцманом «в среду, в пятый день пятого месяца Менахом-Аб (24 июля 1918 года), в 5678 год от сотворения мира, в 1849 год с разрушения нашего второго храма».

Война еще не кончилась, на окраинах Иерусалима грохотала английская артиллерия. Турки отступали, но судьба Палестины, вокруг которой плелись сложные интриги, не была решена. Для Вейцмана основание Иерусалимского университета было событием, преисполненным глубокого значения. Будущий Национальный Дом может быть построен только на основах подлинной культуры, и символом этой культуры явится университет. «Талмудическая легенда считает, — сказал в своей речи на торжестве Вейцман, — что бесте-

---

* В речи, произнесенной в октябре 1965 г. перед делегатами «Юнайтед Джуиш Аппил» в Тель Авиве премьер министр Леви Эшкол заявил:

— Сотни тысяч людей ждут возможности переехать в Израиль. В одном только Сов. Союзе число ждущих больше этой цифры, значительно больше. И, говоря на эту тему, я вынужден спросить: как может сов. правительство заставит нас поверить, что евреи в СССР пользуются всеми правами, когда они ставят знак равенства между нацизмом и нашим движением, направленным в сторону национального возрождения, достоинства и свободы! (Israel Digest, N. 23, Nov. 1965.)

лесная еврейская душа, так долго блуждавшая между небом и землей, найдет здесь свое земное пристанище».

От закладки первого камня до торжественного открытия законченного постройкой университета прошло семь долгих лет. В торжестве открытия, вместе с Вейцманом, приняли участие Бальфур, сэр Герберт Самюэль и Бялик. Вся эта затея могла показаться фантастической и немного нелепой. Страна, в которой не было дорог, больниц, школ, домов для переселенцев, где все было заброшено 2.000 лет назад и все одичало, начала с создания университета. Но X. Вейцман знал, что в самые тяжелые времена своего существования еврейский народ находил духовные силы в стенах школ и университетов. Для Вейцмана и его друга и учителя Ахад-Гаама («Один из народа»), было совершенно естественным начать создание нового государства именно с университета.

Одним из первых по приглашению Вейцмана приехал в Иерусалим Альберт Эйнштейн. Оставался он, впрочем, в Палестине не долго. Несмотря на взаимное уважение, отношения между Вейцманом и Эйнштейном были довольно холодными. Умный и осторожный дипломат Вейцман не мог, конечно, одобрить политические выступления Эйнштейна, поражавшие своей безграничной наивностью; автор теории относительности в области политики особой гениальности не проявлял... Были и другие большие ученые, преподававшие в университете на горе Скопус. Но, по существу, Иерусалимский университет превратился в очаг молодых, — они находят здесь особую атмосферу духовной свободы

и неограниченные возможности для научных изысканий и своих работ.

После войны за Независимость 1948 года гора Скопус, вместе с университетским зданием и госпиталем Хадасса, была изолирована и фактически отрезана от Израиля. Университет оказался «в изгнании». Занятия не прерывались. Отдельные факультеты разместились в новом городе, как могли. Мне показывали здание католического монастыря «Терра Санкта», который на несколько лет приютил часть факультетов.

Вейцман считал, что следует немедленно приступить к постройке нового университетского здания. Ему возражали: это было бы равносильно отказу от прав Израиля на гору Скопус. События показали, насколько Вейцман был прав.

Теперь на запад от Иерусалима, на холмах квартала Кириа, появился новый университетский городок с великолепными зданиями, аудиториями, лабораториями и библиотеками. Любой американский университет мог бы позавидовать красоте этого «кампуса». Впрочем, у посетителя быстро создается впечатление, что университет, как и расположенные поблизости Иерусалимский музей и гигантский новый госпиталь Хадасса, были построены, главным образом, на американские деньги. У каждого здания небольшие дощечки напоминают о щедрости американских благотворителей, что, к слову сказать, весьма раздражает самолюбивых израэли.

В университете в настоящее время свыше 12.000 студентов занимаются на следующих факультетах: гуманитарных и социальных наук, физико-математиче-

ском, медицинском, юридическом, сельскохозяйственном и т.д. Два или три раза посещал я университет. Время было каникулярное, лекции и зачеты кончились, но в библиотеке, в парке, на лужайках, — всюду видел я группы студентов и студенток, приехавших сюда из 45 различных стран.

Я не идеализирую и не прикрашиваю, но у иерусалимской университетской молодежи я нашел гораздо больше внешнего достоинства, чем у студентов многих американских и европейских университетов. Сразу было трудно разобраться: в чем дело? Но затем я понял, — здесь не было длинноволосых «битников» в штанах в обтяжку, и студентки были одеты, как приличные барышни, в скромные платья, без следов грима на лице. Я не хотел бы, чтобы меня поняли превратно, и не думаю утверждать, что все, или даже большинство американских или французских студентов намеренно подражают своей внешностью подонкам общества. Но как капля дегтя может испортить бочку меда, так и отдельные университетские «битники» и их подруги отравляют атмосферу многих университетов. В Иерусалиме таких я не встречал.

По соседству с университетским городком высятся гигантские корпуса новой Хадассы. Госпиталь, оборудованный по последнему слову техники, тоже стал центром притяжения для туристов. Дело в том, что при госпитале имеется синагога, витражи которой выполнены по рисункам Шагала.

Витражи эти я видел еще до того, как они попали в Иерусалим. В Нью-Йорке их выставили в Музее Со-

временного Искусства. Бесконечный хвост вытянулся на 53-ей улице, тысячи людей стояли в очереди, чтобы посмотреть на великолепное произведение искусства... Знал я Шагала в молодости, на Монпарнассе. Он получил признание очень рано и уже тогда имел большой успех. Но думал ли он когда нибудь, что люди часами будут стоять перед воротами музея, чтобы любоваться его мастерством? Конечно, тогда это ему не приходило в голову, но позже успех свой он осознал. Несколько лет назад, будучи в Париже, мы пошли с женой в Лувр, посмотреть импрессионистов. Внизу, в вестибюле, кто то нас окликнул. Это был Шагал.

— Что вы делаете в музее? — смеясь спросил я Шагала.

— Пришел посмотреть место, где я буду висеть после смерти, — полу-шутя, полу-серьезно ответил он.

На выставке в Нью-Йорке витражи выглядели лучше, чем в иерусалимской синагоге. Почему? Те же восхитительные, насыщенные краски — темно-синие, как индиго, и все оттенки красного, и желтые, и зеленые. И была обычная шагаловская сюжетность: нежные телята, ослики, птицы, звери, рыбы и древняя еврейская символика... Эти удивительные двенадцать витражей могли бы составить гордость громадного храма. А здесь их втиснули в маленькую синагогу, окно рядом с окном, сплошной витраж, не оставляющий отдыха для глаз. Что бы сказали, если бы в музее развесили множество картин, одну рядом с другой, рама к раме?.. Шагал создавал свои витражи для храма Соломона. Их поместили в небольшую часовню.

***

По весьма распространенной версии, декларация Бальфура с обещанием создать в Палестине Еврейский Национальный Дом была опубликована британским правительством в благодарность доктору Вейцману за его работы по ацетону, который был необходим для массового производства снарядов во время первой мировой войны. Х. Е. Вейцман отрицал эту несколько упрощенную версию, автором которой был не кто иной, как Ллойд Джордж. В действительности дело обстояло более сложно и одни научные заслуги Вейцмана, без его настойчивости, энергии и дипломатических способностей, ни к чему бы не привели.

По существу, декларация Бальфура и — в будущем — создание независимого Израиля были чудом. Вейцман по этому поводу говорил:

— Чудеса случаются. Но над ними надо очень много работать.

Во время драматического свидания с Ллойд Джорджем, когда Вейцман с упрямством фанатика защищал идею национального очага в Палестине, Ллойд Джордж отвел в сторону Хэрберта Самюэля и тихо ему сказал:

— Когда нас с вами забудут, этому человеку будут ставить памятники!

Вейцману передали слова премьер-министра. Он ответил:

— Если кому нибудь придет в голову мысль о памятнике Вейцману, — пусть его поставят в Палестине, в единственной стране, где я хотел бы его иметь.

Ему суждено было увидеть этот памятник еще при

жизни. Это — Институт Вейцмана в Реховете. Здесь он жил, работал и умер.

Институт был основан в 1934 году. В центре была лаборатория самого Вейцмана и несколько скромных построек. Теперь это разросшийся научный городок, расположенный в великолепном парке. Бесчисленные лаборатории, девятнадцать департаментов — прикладной математики, нуклеарной физики, изотопов, органической химии, био-физики, микро-биологии.

В институтской библиотеке и в архивах я познакомился с директором Б. Л. Гуриэл. Мы долго говорили, вспоминали общих парижских друзей, а потом он показывал музей, посвященный Вейцману. Все документы, относящиеся к первому периоду жизни Вейцмана, к его детству и юности, связаны с Россией и с Пинском. Думал ли директор реального училища, когда подписывал диплом Хаима Вейцмана, что его ученик станет когда нибудь выдающимся ученым и президентом Еврейского Государства?

По возвращении в С. Штаты я получил от Б. Л. Гуриэла фотокопии нескольких русских документов, выставленных в музее. Думаю, некоторые из них никогда не появлялись в печати. Приведу только один, сохранивший весь свой непередаваемый казенный стиль конца прошлого века:

АТТЕСТАТ

дан сей ученику 1 класса Пинского реального училища мещанину Хайму Евзорову Вейцману, иудейского вероисповедания, родившемуся 12 ноября 1873 г. в

том, что вступив в Пинское Реальное Училище в августе месяце 1885 г. при отличном (5) поведении, обучался по 12 июня 1891 года и окончил полный курс по основному отделению. На окончательном испытании он, Вейцман, оказал следующие успехи:

В Законе Божием ———
Русском языке — отлично (5)
Немецком — отлично (5)
Французском — отлично (5)
Географии — отлично (5)
Истории — отлично (5)
Рисовании — удовлетворительно (3)
Черчении — удовлетворительно (3)
Арифметике — отлично (5)
Алгебре — отлично (5)
Геометрии — отлично (5)
Тригонометрии — хорошо (4)
Начертальной геометрии — хорошо (4)
Естественной Истории — отлично (5)
Физике — отлично (5)
Химии — отлично (5)
Механике — отлично (5)
Гимнастике — удовлетворительно (3)

При вступлении в гражданскую службу он, Вейцман, на основании ст. 91 устава Реальных Училищ 9 июня 1888 г. пользуется правами общими с воспитанниками средних учебных заведений. По отправлении воинской повинности он пользуется льготами, предоставленными второму разряду по образованию.

В удостоверении чего и выдан ему, Вейцману, сей

аттестат за надлежащею подписью и приложением печати Училища. Г. Пинск июня 11 дня 1891 г.

Следуют подписи: Директор Н. Цихлинский, исп. об. инспектора В. Юденич и др.

Из других документов, любезно предоставленных в мое распоряжение Б. Л. Гуриэлом, особый интерес представляет письмо Х. Е. Вейцмана к Ахад-Гааму (Гинцбургу) по поводу границ будущего государства, — в этом письме Вейцман в сердцах писал: «Мне трудно воевать самому и меня евреи замучили». Есть также чрезвычайно интересное письмо Ахад-Гаама от 5-IX-17 г. в связи с конфликтом Вейцмана с сионистской организацией. Ахад-Гаам в этом письме осуждает Вейцмана «как старший товарищ по работе, который находился на поле битвы уже тогда, когда Вы еще сидели на школьной скамье, и который, по всей вероятности, прямо или косвенно имел некоторое влияние на сложение Вашего еврейского миросозерцания». Конфликт, в результате этого письма, был улажен. Вейцман остался главой Британской Сионистской Федерации.

Из архивов мы направились к могиле президента. Прошли мимо его дома, мимо рощицы, в которой увидели трогательное и страшное зрелище: колонию детей, пораженных параличем. Со времени изобретения вакцины Солка эта ужасная болезнь изжита. Но дети, которых мы видели, имели несчастье заболеть до изобретения вакцины. Для них был устроен в Институ-

те специальный купальный бассейн под открытым небом, физико-терапевтические аппараты, игры...

Крошечное существо, ковылявшее на больных, неподчинявшихся ножках, вдруг упало лицом вперед, распласталось на земле. Нянька бросилась на помощь. Малютка жестом отстранил ее, сделал нечеловеческое усилие, стал на ножки и снова, без посторонней помощи, заковылял дальше...

У могилы Вейцмана было тихо, просторно. Шумели деревья... Израиль умеет чтить своих великих людей. Я был на могиле Герцля, похороненного на горе, носящей его имя. Громадный куб черного мрамора, на котором выгравировано имя автора книги «Еврейское Государство». Несколько ниже, на той же горе, другая простая и очень величественная могила: Анны Марковны и Владимира Евгеньевича Жаботинских. Незадолго до этого их останки перевезли из Нью-Йорка в Иерусалим. Монумент еще не был закончен, вокруг садили кусты, газон... Я присел на площадке, с которой открывался удивительный вид на Иерусалим, на холмы Иудеи. Славное это было место, — Жаботинский, вероятно, не раз бывал здесь при жизни... И вдруг я вспомнил, как когда то, в Париже, Жаботинский подарил мне сборник своих рассказов и на нем сделал странный автограф: «От покойного автора»... Надпись смутила меня.

— Что это, Владимир Евгеньевич?

— В русской литературе я теперь покойник, — ответил Жаботинский. — Да и вообще эта надпись когда нибудь станет правильной...

И вот это «когда нибудь» наступило — гораздо

раньше, чем следовало: Жаботинский так и не увидел независимого Израиля, которому посвятил всю свою жизнь.

***

Побывал я в очень внушительном здании Техниона в Хайфе, в котором учатся две тысячи будущих инженеров, химиков, физиков, и где показывали громадный амфитеатр Черчиля... В Иерусалиме надо было заехать в Музыкальную Академию Рубина, во главе которой стоит И. Достровская, представительница известной русской сионистской семьи. Академия выпускает законченных артистов и педагогов, имеет свой концертный зал, небольшой, но очень интересный музей старинных музыкальных инструментов и, что особенно важно, значительное число студентов. В летнее время здесь регулярно преподают и ведут старшие классы специально приезжающие из Нью-Йорка известные артистки и педагоги — пианистка Надя Рейзенберг и певица Женни Турель. Много артистов приезжает в Израиль из разных стран для выступлений: Леонард Бернштейн, Яша Хейфец, Стерн, Пабло Казальс, Артур Рубинштейн, — всех не перечислить! Все знаменитости выступали в великолепном аудиториуме в Иерусалиме или в зале Тельавивской Филармонии. Так велик в Израиле интерес к искусству, музыке и к театру, что билеты на концерты Тельавивского Филармонического оркестра и на театральные спектакли раскупаются задолго вперед. Мне не удалось даже пойти на спектакль «Габимы» — все билеты были проданы.

Я немного огорчился: где же это видано, чтобы нельзя было купить билет в театр?! Израильский приятель, обогативший мой лексикон таким количеством новых слов и выражений, старался меня утешить и все говорил:

— Почему вы так ухмыряетесь?

Я не сразу сообразил, что его огорчил мой хмурый вид.

Да что — «Габима»! По вечерам перед любым кинематографом вытягиваются бесконечные очереди, даже независимо от того, какой идет фильм, — хороший или дряной.

Здесь много читают, любят музыку, театр и вообще люди очень падки на всякого рода зрелища, — может быть потому, что телевидение, бич современного человечества, до Израиля еще не дошел.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ АКРОПОЛЬ

Одиннадцатого мая 1965 года третий президент Израиля Залман Шазар, в присутствии многих иностранных гостей, торжественно открыл Иерусалимский музей. Расположен музей на запад от столицы, поблизости от университетского городка и нового здания Кнессета (парламента), почему то напоминающего внешним своим видом китайскую пагоду.

Музей представляет собой сложный архитектурный комплекс зданий, расположенных на разных уровнях и соединенных стеклянными галереями. В основу легли коллекции музея «Бецалель», который основал в Иерусалиме в начале этого столетия скульптор Борис Шац. Был он, вероятно, мечтателем, ибо кому могло прийти в голову создать в Палестине музей еврейской религиозной старины шестьдесят лет назад, когда всех евреев в Иерусалиме было лишь несколько тысяч человек? Мечтатели оказываются иногда правы. Музей (по имени Бецалеля, сына библейского Ури, из колена Иудина, которому Господь повелел через Моисея соорудить скинию и ковчег), выжил, разросся, и теперь его коллекция юдаики легла в основу Иерусалимского музея.

Архитектором был русский еврей Альфред Мансфель, совместно с г-жей Д. Гад из Тель Авива. Музей отлично сливается с окружающим ландшафтом. Планировка парка, спускающегося террасами по склонам горы, была поручена японскому архитектору Исаму Ногуши.

— Мне представляется весь этот холм, — писал Ногуши, — как новый Акрополь, на котором будут собраны Иерусалимский музей, Храм книги, Кнессет и университет.

С вершины этого современного Акрополя открывается удивительный вид на древний город, монастырь и равнину Св. Креста.

Музей разбит на несколько самостоятельных отделов. В залах Бецалеля собраны богатейшие коллекции еврейского религиозного искусства: кубки, в которые наливается вино для благословения, ханукальные меноры, сделанные мастерами средневековой Италии, Франции, Германии, всех стран еврейского рассеяния. Великолепны серебряные короны, которыми украшают свитки Торы, и бархатные, шитые серебром и золотом их одеяния. К одеяниям этим прикладываются верующие, когда священные свитки обносят вокруг синагоги... В витринах выставлены пышные праздничные наряды еврейских женщин Алжира, Марокко и Иемена.

Незаметно посетитель переходит в следующий, археологический, отдел. Обычно, во всем мире, значительную часть экспонатов археологическим музеям доставляют из Греции, Италии, колыбели древней ци-

вилизации. В Иерусалимском музее, если можно так выразиться, все свое, «местное». Палестина с незапамятных времен была перекрестком больших дорог Востока. В пещерах Эйн Геди на берегах Мертвого моря, на Кармельской горе, на песчаных дюнах, где теперь стоит Тель Авив, около библейской Бершебы, — всюду находят стоянки первобытного человека, людей каменного и бронзового веков. Израильским археологам тут раздолье. Лучшим археологическим атласом для них служит Библия. Раскопки в тех местах, о которых рассказывает Ветхий Завет, всегда дают самые неожиданные и интересные результаты.

Европейские музеи приветствовали появление на свет молодого иерусалимского собрата тем, что предоставили ему на короткий срок часть своих собственных сокровищ. Говорят, в день открытия музея Пола Бен Гурион, известная в Израиле своей прямолинейностью, поглядев на одолженные картины, сказала то, что у многих было на уме:

— Что же будет висеть на этих стенах, когда картины вернутся к своим владельцам?

Выставка кончилась, в музее остались только его собственные коллекции, которыми, конечно, пока трудно удивить посетителей Лувра, Метрополитэн, Ватикана или Прадо. Но ведь и Прадо и Эрмитаж тоже не были созданы в один год, а Иерусалимский музей только что основан. И президент его, новый мэр Иерусалима Тедди Коллек, с огорчением мне говорил:

— Приезжайте через пятьдесят лет. У нас будут Рембрандты, и импрессионисты, и мастера современной живописи... Есть сколько угодно меценатов, гото-

вых поднести музею драгоценную картину или даже целую коллекцию. Но почему никому из них не приходит в голову пожертвовать музею 100.000 долларов, чтобы было чем платить жалованье сторожам, полотерам и окномойщикам?

В Иерусалимском музее уже сейчас имеются вещи, которых нельзя увидеть в других местах. Например — камень из памятника или арки, воздвигнутой в Кесарии в честь императора Тиберия. На камне высечено имя Понтия Пилата, злополучного наместника, «умывшего руки»... Или изумительная ниша, часть стены иранской мечети, сделанная из синей керамики XVII столетия. В таких нишах обычно восседает мулла, поющий стихи Корана.

В итальянском городе Витторио Венето в 1701 году была синагога в стиле рококо, — скульптура по дереву с великолепными орнаментальными украшениями и позолотой. В Витторио Венето евреев больше нет. Синагога с величайшими предосторожностями была разобрана, перевезена в Израиль и полностью восстановлена в Иерусалимском музее.

Сад, созданный Ногуши, в котором пейзаж сливается с горизонтом, является естественным продолжением музея. Владелец нью-йоркских театров и клубов Билли Роз, всю жизнь собиравший скульптуру, свою коллекцию пожертвовал музею. В саду, на снижающихся террасах, расставлены вещи Родена, Огюста Майоля, Дега, Анри Матисса, Сэра Якова Эпштейна, Жака Липшица, Архипенко и что то очень абстрактное Генри Мура.

⁂

Но, конечно, главное в Иерусалимском Акрополе это — Храм Книги. Когда в Израиле говорят «Книга» с большой буквы, — имеют в виду только Библию.

В этой совершенно отдельной части музея хранится величайшее сокровище: подлинный свиток книги пророка Исайи, свитки Мертвого моря, различные библейские тексты, оригинальные документы эпохи восстания Бар Кохбы против Рима и апокрифы, т.е. сочинения, не вошедшие в еврейский канон. Апокрифы по большей части были написаны в то время, когда собирание священных книг, вошедших в Тору и Талмуд, было уже закончено.

Необычайна история некоторых из этих документов. Пролежали они в пещерах почти две тысячи лет и, по странному, почти мистическому совпадению, были обнаружены одновременно с провозглашением Израильского государства.

Началось все с пропавшей козы, которую пастух-бедуин отправился разыскивать где то в районе древнего Кумрана. В горах он заметил в земле небольшое отверстие и бросил в него камень. Снизу, из глубины, донесся звук разбитых черепков. Бедуин начал расширять отверстие и открыл пещеру, в которой нашел несколько глиняных сосудов. В сосудах этих хранились полуистлевшие свитки, написанные на непонятном языке, на пергаменте или папирусе... Пастух рассказал о своей находке. Другие бедуины отправились искать «клад»... Так в районе Эйн Геди были открыты одиннадцать пещер и довольно много древних рукописей.

Бедуины, конечно, не понимали подлинного значения своей находки и продали рукописи за гроши антиквару в Вифлееме. Об этом случайно узнал профессор археологии Иерусалимского университета Е. Сукеник. В тот день, когда Объединенные Нации вынесли решение о разделе Палестины и создании независимого Израиля, проф. Сукеник, с риском для жизни, поехал в автобусе, переполненном арабами, из Иерусалима в Вифлеем. Там он купил свитки у антиквара, завернул их в газету и повез подмышкой в Иерусалим. Развернуть свитки оказалось делом нелегким. В некоторых случаях их пришлось разрезать на тонкие полоски и потом составить вместе, подвергнув действию различных химических препаратов и инфракрасных лучей. Е. Сукеник быстро убедился, что в его руках находится древнейший из всех известных списков книги пророка Исайи и аллегорический рассказ о «Войне между Сынами Света и Сынами Тьмы».

Эта, так называемая «кумранская коллекция», известная также под именем Свитков Мертвого моря, была найдена в пещерах и развалинах города Кумран, расположенного на иорданской стороне, всего в нескольких километрах от израильской границы, на северном побережье Мертвого моря.

В феврале 1948 года Е. Сукеник узнал, что четыре других древних свитка того же кумранского происхождения находятся в руках сирийского митрополита Самуила, настоятеля монастыря св. Марка, который не прочь их продать. Цена была назначена более чем скромная. Сукеник навестил митрополита и взял с собой рукописи домой, решив их купить. Но тут его

постигла неудача, которой до конца жизни ученый не мог себе простить. Началась война за Независимость. Сукеник не достал нужной суммы и, с болью в сердце, отвез рукописи обратно, в монастырь св. Марка!

После смерти Сукеника его сын, выдающийся израильский археолог проф. Ядин (во время войны он в чине генерала командовал всей израильской армией), услышал, что сирийский митрополит отвез рукописи в Нью-Йорк, где пытается их продать. Ньюйоркская цена оказалась значительно выше вифлеемской... В результате длительных переговоров Ядин приобрел все рукописи за 250.000 долларов. Деньги эти дал ему ньюйоркский филантроп Сэмуэль Готтесман.

Кумранское собрание документов вскоре обогатилось новыми ценными находками.

Другие свитки того же кумранского происхождения были обнаружены Ядиным в последующие годы в крепости Массада, тоже на берегу Мертвого моря, но южнее Кумрана. Это были несколько отдельных глав Библии, Псалмы 81-85, клочек пергамента с текстом из книги Бытия и, среди апокрифов, пять глав Экклезиаста.

То обстоятельство, что в Массаде обнаружены свитки кумранского происхождения, вызвало большое волнение у израильских историков.

Дело в том, что в Кумране жила в начале нашей эры какая то мало известная секта иудеев. Большинство ученых, в том числе и Ядин, считают, что это

были есены, отвергавшие всякого рода насилие и войну, своего рода пацифисты, — такие существовали и в первом веке после Р. Х.

Историки были убеждены, что Массаду защищали от римлян в 73 году одни только зелоты. О героическом их сопротивлении, длительной осаде крепости и страшном конце, когда все защитники крепости покончили самоубийством, я уже рассказывал (см. главу «Саронская долина»).

Как могло случиться, что кумрано-есенские рукописи оказались в Массаде во время обороны крепости?

— Это означает, — говорит Ядин, — что Массаду обороняли не только зелоты, но и совершенно чуждые им по духу кумранцы-есены, которые принесли в крепость свою библиотеку манускриптов.

Возникает другой вопрос: почему эти пацифисты взялись за оружие и приняли участие в войне против римлян, что было совершенно чуждо духу их учения?

На это Ядин дает очень интересный ответ. Найденная в Массаде рукопись «Война Сынов Света с Сынами Тьмы» (Сынами Света были, конечно, есены), содержит указание: перед концом мира будет последняя, жестокая война, которая начнется по воле Всевышнего. Вполне возможно, что после страшных лет — восстания против римлян, разрушения второго храма и резни в Иерусалиме, после жестоких притеснений иудеев римскими наместниками, пацифисты-есены пришли к заключению, что наступил именно этот последний бой, предписанный Всевышним, в котором Сыны Света должны принять участие, чтобы уничтожить зло и Сынов Тьмы.

Массада была заключительным эпизодом в борьбе иудеев с римлянами. В 73 году после Р. Х. крепость была взята и сожжена, защитники ее сами себя истребили. Таким образом археологи совершенно точно могли установить, что все найденные в Массаде рукописи попали туда до трагедии 73 года и являются древнейшими известными нам списками Библии.

Для этих рукописей и было решено создать в Иерусалиме достойный Храм Книги.

Странное это здание: оно почти целиком находится под землей. Сверху виден только ослепительно белый купол своеобразной формы. Форма купола в точности воспроизводит крышку глиняного сосуда, в котором в пещерах Кумрана хранились Свитки Мертвого моря.

В нескольких шагах от белого купола, разительным контрастом возвышается квадрат черной базальтовой стены. Эта стена — символ вечной борьбы между Сынами Света и Сынами Тьмы. Может быть, эта черная стена имеет и другое значение, символизируя мрачный гнет, который в течение двух тысячелетий давил еврейский народ.

Внутри, Храм Книги, выложенный местным, грубым камнем, своей необычайной конструкцией напоминает кумранские пещеры. В центре подземного зала, в особом цилиндре из прозрачной пластмассы, развернут подлинный свиток книги пророка Исайи, восемь метров драгоценной рукописи, соответствующей традиционному «масоретскому» тексту, принятому у евреев во всех странах мира. Интересно, что другой список книги пророка Исайи, приобретенный у сирийского митрополита, содержит некоторые варианты и отли-

чается от текста «масоретского». Удивляться этому не приходится. Тексты Библии, до изобретения письменности, заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение. При этой системе, естественно, возможны были различные варианты.

В витринах вдоль стен хранятся другие исторические документы: оригинальные письма Шимона Бар Кохбы, руководителя восстания против Рима, датированные «Первым годом освобождения Израиля». Эти документы были найдены в Массаде.*

В Храме Книги приняты особые меры предосторожности, чтобы защитить бесценные рукописи от разрушающего действия света, влажности, колебания температуры. Все это тщательно предусмотрено, — даже возможность воздушной бомбардировки: цилиндр с книгой Исайи в этом случае медленно опустится в своем футляре под землю, в стальное и герметически закрытое бомбоубежище.

Приближается день отъезда из Израиля, и меня охватывает грусть: сколько еще хотелось посмотреть, в скольких местах побывать, а теперь придется все это отложить до следующего приезда в Землю Обетованную... Иерусалим уже позади, мы едем в горную деревушку Эйн Карем («Источник в винограднике»). Это

---

* Читателя, интересующегося более подробным описанием Храма Книги, отсылаю к специальному номеру журнала «ARIEL», посвященному Израильскому Национальному музею (№ 10, 1965).

место связано с рождением Иоанна Крестителя. Троицко-Сергиева монастыря черный диакон Иона, побывавший в Эйн Карем, писал: «А от того места близь есть пещера, иде же Предтеча родися, и на том месте церковь была, а ныне то все разорено, живут поганные арапы». В Эйн Карем был дом Иоанна Крестителя — Елизаветы и мужа ее Захария, еврейского священника. Сюда, в эту «нагорную страну», пришла Дева Мария... И во чреве Елизаветы «взыграл младенец и Елизавета исполнилась Святого Духа»... В память этого прихода Девы Марии к будущей матери Иоанна Крестителя католики выстроили в Эйн Карем храм «Посещения», а на самой вершине горы построен русский православный монастырь «Нагорнее».

Долго поднимались мы по довольно крутой дороге. Внезапно, где то наверху, среди олеандровых и оливковых деревьев, показались зеленые луковки православной церкви... Ворота были открыты. Мы вошли в сад. На главной аллее монахиня собирала граблями груды листьев и сжигала их. От деревянного сруба колодца шла другая матушка, сгорбленная, дряхлая, несла ведра с водой.

— Спаси Бог! — приветствовала она нас, поставив ведра на землю.

Мы узнали, что монастырь — старый, а когда был основан — неизвестно. Приехала она сюда из России еще в 1914 году, потом была война, и турки их притесняли, а теперь хорошо, жить можно. Только состарились все, и нет больше богомольцев... По старости и немощности служат уже не по монастырскому уставу, а только по воскресеньям, да в большие праздники.

И работы много — за садом и за огородом ходить надо...

Мы вошли в небольшой храм. Посмотрели на стенную роспись, которая вряд ли долго продержится. Тишина, запустение. А сад большой, много фруктовых деревьев, начали уже поспевать фиги. Оливковые деревья старые, сгорбленные, скрюченные, — совсем как матушки монастырские... Мы немного отдохнули, простились и начали спускаться вниз крутыми тропинками.

Будучи в Иерусалиме я побывал в кибуце Рамат Рахиль («Холм Рахили»), расположенном на самой иорданской границе. Где-то здесь это было, и об этом повествует книга Бытия: «И умерла Рахиль, и погребена на дороге в Эфрат, то есть Вифлеем. Иаков поставил над гробом ее памятник. Это надгробный памятник Рахили до сего дня» (35: 19-20). Бунин когда-то написал об этом месте стихи, полные сладкой боли:

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути». И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.

Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственною бледностью одет.

Я приближаюсь в сумраке несмелом
И с трепетом целую прах и пыль
На этом камне женственном и белом...

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

Кибуц Рамат Рахиль имеет большое стратегическое значение. Он защищает подступ к Иерусалиму с юга. Во время войны за Независимость египетская армия дважды брала Рамат Рахиль и дважды Хагана выбивала египтян. Граница и проволочные заграждения проходят прямо под окнами кибуцной столовой... В 1957 году здесь случилось несчастье. Арабы с соседнего холма открыли огонь по группе археологов, обследовавших фундамент какой то постройки библейских времен, и 22 ученых были убиты и ранены. Сколько таких рассказов приходится слышать на израильских границах!

Мы поднялись на террасу, где устроен наблюдательный пункт. Вдали, может быть, в одном или двух километрах, виден был арабский городок с белыми домами, куполами мечетей, узкими улочками.

Уже темнело, день быстро кончался, но все еще были видны плоские крыши вифлеемских домов и белые минареты. Вот он, «Вифлеем иудейский», куда пришли волхвы с Востока со своими дарами, в поисках Младенца... В лиловых сумерках еще видна колокольня и башня собора Рождества Христова, воздвигнутого над «вертепом»... Но дальше, за Вифлеемом, уже ночь, уже ничего не разобрать, а там лежит равнина, «Святая паствина», огласившаяся некогда пением ангелов: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»...

Арабская граница внизу, в нескольких шагах от нас. «Вифлеем иудейский» теперь находится в арабских

руках. И вот место, где были убиты археологи... Наступит ли когда нибудь в этих местах мир и в человецех благоволение?

Надо было ехать. Ночь уже наступила. В последний раз посмотрел я в ту сторону.

Низко, над Вифлеемом, горела, большая, яркая звезда.

«...И се — звезда, которую видели они на Востоке».

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА С БОЛЬШИМИ ПРОБЛЕМАМИ

НАСТАЛО время подвести итоги всему виденному и слышанному в Израиле.

В Тель Авиве встретился я с членом израильского парламента, от которого услышал фразу, послужившую заглавием для этой главы:

— Израиль — маленькая страна с большими проблемами.

Приезжий замечает очень быстро, что проблем в Израиле, сколько угодно. Прежде всего — этнический состав страны, необычайно пестрый, разнообразный, подлинное вавилонское столпотворение. Как объединить эту разношерстную массу людей, дать им общий язык, каким образом превратить «безродных космополитов» в граждан новой страны?

Очень скоро руководители Израиля поняли, что провозгласить независимое государство было легче, чем создать единую нацию.

В 1948 году население Израиля составляли 650.000 человек. Из них восемьдесят процентов были европейского происхождения и двадцать процентов — восточного. В этот момент еще никто не мог предвидеть, что

через несколько лет иммиграция европейских евреев пойдет на убыль, и что в Израиль вместо них хлынут сотни тысяч восточных евреев из Алжира, Марокко, Ирака, Иемена, Сирии, люди далекие от идеи сионизма, культурно отсталые, насквозь пропитанные «левантинским» духом со всей его пассивностью, ленью, патриархальным укладом жизни, совершенно чуждые моральным и политическим идеалам, на которых создавался Израиль. Столкнулись два различных и не всегда понимавших друг друга мира. Так родилась проблема «второго Израиля».

Старожилам пришлось потесниться и дать место новоприбывшим. Нужно было найти кров для сотен тысяч беженцев, накормить их, отправить детей в школы, трудоспособных на работы, больных в больницы. В Израиль из мусульманских стран пришли физически и морально измученные, нищие люди, которым еврейское государство рисовалось каким то раем на земле, жизнью среди братьев по вере, осуществлением древних пророчеств... Израильское правительство и общество проделали нечеловеческую работу для размещения новоприбывших. За десять лет население страны утроилось. Но действительность оказалась все же несколько иной, — слишком велик и очевиден был контраст между комфортабельными домами Тель Авива и беженскими лагерями «маабаротами», в которых на первых порах устраивали выходцев из африканских стран. Множество новоприбывших не имели никакого ремесла, другие вообще никогда в жизни не работали. Понадобилось много терпения, взаимного понимания и братской любви, чтобы постепенно научить людей

регулярному труду, грамоте, даже элементарной гигиене. Школа и армия сыграли в этом отношении огромную роль, но самый процесс перевоспитания оказался довольно болезненным. У восточных евреев за это время накопилось не мало обид, незаживших ран, тем более чувствительных, что наносили их не чужие, а свои же братья по вере и по крови. Ощущение социальной несправедливости, некоторой бытовой «дискриминации» изживается очень медленно. Израиль оказался не раем и не бесклассовым обществом. Лучшие посты, высшие оклады, хорошие квартиры, — все это добывается профессиональной квалификацией, упорным трудом. В конце концов, восточные евреи превратились в рабочую массу, далеко не всегда довольную своей судьбой.

Израиль был задуман его основателями как передовая, культурная страна, европейский аванпост на Ближнем Востоке. Сегодня эту старую концепцию приходится серьезно пересмотреть. В ближайшие десятилетия, если не возникнет нового притока иммигрантов из Европы или из Америки, Израиль потеряет свой европейский характер и превратится в страну восточную.

Цифры не оставляют на этот счет никакого сомнения.

В 1948 году в Израиле 80 процентов населения было европейского происхождения и 20 процентов восточного.

В 1963 году число израэли восточного происхождения повысилось до 60 процентов. Европейцы оказались в меньшинстве, составляя только 40 процентов.

Если естественный прирост населения, очень высокий в восточных семьях, не изменится, через 15 лет Израиль будет по своему этническому составу на 80 процентов восточным и всего лишь на 20 процентов европейским.

Европейское меньшинство пока сохраняет командные посты в политике, в экономической и социальной жизни страны. Но исчезнет старое поколение и на смену ему придут люди, весьма далекие от идеалов Герцля и первых сионистов.

Как это могло произойти?

Не будем закрывать глаза и себя обманывать: сионизм, сыгравший громадную роль ДО создания независимого еврейского государства, в значительной степени утратил свое значение после того, как Израиль стал действительностью.

Теоретически предполагалось, что в момент осуществления тысячелетней мечты о возрождении Сиона, евреи двинутся со всех сторон своего рассеяния на новообретенную родину. Ничего такого не призошло. Каким путем составилось нынешнее население Израиля?

Каждое массивное переселение евреев в Палестину, носившее название «Алия» (Восхождение), имеет свою собственную историю. Скажем кратко, что состав первых трех «Алий» с 1882 до 1924 года был, главным образом, русско-польского происхождения. Это были убежденные сионисты и социалисты. Из их рядов вышли такие люди, как Бен Гурион, Бен Цви, Шаретт,

Усышкин и будущие руководители Гистадрута. Четвертая волна эмиграции (1924-31 гг.) была также европейского происхождения, но в нее входили элементы иные, довольно случайные, часто далекие от сионизма и социализма. К этому времени в С. Штатах была введена квотная система. Въезд в Америку, которая до этого приняла миллионы русских и польских евреев, спасавшихся от погромов и административных притеснений, от черты оседлости и процентной нормы, стал затруднительным. Часть европейских евреев, нормально стремившихся в С. Штаты, волею судеб оказалась в Палестине.

Пятая «Алия» (1932-1938 гг.) состояла, главным образом, из евреев германских и, частично, польских и румынских, уходивших от поднимавшейся угрозы гитлеризма. И, наконец, последняя, шестая волна, с 1939 г. до провозглашения независимого государства в 1948 году, была составлена почти исключительно из людей, уцелевших после массового истребления евреев нацистами и освобожденных из гитлеровских лагерей смерти.

Эти пионеры первых шести «Алий» и были настоящими создателями еврейского государства.

Но многие из них попали в будущий Израиль, не будучи сионистами, по той простой причине, что это была единственная страна, где им не угрожал нацизм и расовая нетерпимость. Столкновения с арабами носили тогда еще спорадический характер и не представляли существенной опасности.

В результате возникновении независимого Израиля, в арабских странах началось жестокое преследо-

вание евреев. И евреи Иемена, Алжира, Марокко, Сирии и других мусульманских стран вынуждены были предпринять массовый исход в Израиль.

Евреи эти прожили в арабских странах сотни лет, переняли у арабов язык, обычаи, образ жизни, даже внешностью своей стали походить на окружающие их народы. Сохраняли они только абсолютную верность своей религии. Если бы не поднялась в арабских странах искусственно раздуваемая волна антисемитизма, подавляющее большинство восточных евреев, верно, остались бы на своих насиженных местах. В Израиль привел их антисемитизм, играющий в истории еврейского народа весьма странную роль. Антисемиты, вероятно, не предполагают, в какой степени они содействуют духовному единству и солидарности еврейского народа. Это звучит парадоксально: по всей вероятности, не будь антисемитизма, не было бы теперь и самого Израиля.

В странах, чуждых антисемитизму, еврейство ассимилируется, сначала культурно, а затем физически и, в результате смешанных браков, довольно быстро растворяется в общей массе населения. Всякое проявление антисемитизма, наоборот, сближает евреев, обостряет их национальное самосознание и вынуждает к самоизоляции. Вывод из этого очень простой: антисемитизм невольно помогает Израилю, всячески напоминая евреям о том, что в полной моральной и физической безопасности они будут только в своем национальном доме, двери которого для них всегда широко открыты.

Никакой особой благодарности евреи к антисеми-

там за это не испытывают, но как ни уродливо это явление, реальные израильские политики с ним считаются.

Во время своего премьерства Бен Гурион вступил в настоящий конфликт с зарубежным еврейством и, особенно, с американскими сионистами. Израэли не могут понять, почему американские, французские или английские евреи не желают эмигрировать в Израиль, который их ждет и очень в них нуждается? Ответ на это совершенно ясен. В странах, где евреи не чувствуют себя гонимыми и социальными париями, где им предоставлена возможность свободно жить и трудиться, дать образование своим детям, никакой тяги к Израилю, кроме чисто туристической, нет. Если не ошибаюсь, за все эти годы из 6 миллионов американских евреев не больше 10.000 переехали на постоянное жительство в Израиль. За это же время гораздо большее число израэли эмигрировали в С. Штаты.

Со стороны американских евреев это не означает равнодушия к судьбе Израиля. Евреи Америки оказывают молодому государству самую широкую и щедрую финансовую поддержку. Сотни миллионов долларов были за эти годы пожертвованы на различные нужды Израиля, свыше чем на миллиард долларов было продано израильских «бондов». Но иммиграционные тенденции теперь окончательно определились. При нормальных обстоятельствах на европейскую и американскую иммиграцию Израиль рассчитывать не может, — разве только советское правительство разрешит, в конце концов, выезд евреям из СССР. В этом случае, несомненно, многие советские евреи не преминут отпра-

виться в Израиль, где их ждут с большим нетерпением и где они будут играть весьма значительную роль.

**
*

Очень серьезной проблемой является в Израиле вопрос религиозный.

По существу, Израиль в какой то степени теократическое государство, передавшее ряд своих существенных функций раввинату. Браки и разводы находятся полностью в ведении раввината. В Израиле не существует гражданского брака, и это приводит иногда к трагическим разультатам. Смешанные браки не разрешаются. Еврей, желающий жениться на христианке, должен выехать за границу, — легче всего для этого отправиться на соседний Кипр. Еще хуже обстоит дело с разводами, которые совершаются на основании архаических понятий, не имеющих ничего общего с современной жизнью. Если бы большинство израильского населения состояло из людей ортодоксальных или просто верующих, против такого порядка вещей трудно было бы протестовать. Но ни для кого не секрет, что ортодоксальное еврейство, если судить по результатам выборов в парламент, составляет всего пятнадцать процентов населения. Если даже включить в число ортодоксальных, так называемых «сезонных верующих», т.е. людей, посещающих синагоги только два-три раза в год, в большие праздники Рош Гашана и Иом Кипура, число их не превысит тридцати процентов всего населения.

Почему же в таком случае не происходит отделения синагоги от государства?

По той простой причине, что подобная реформа грозит расколоть Израиль.

— Потеряв религию, — говорят ортодоксы, — мы потеряем все наши права на Землю Обетованную.

Нужно, конечно, считаться с тем, что в течение двух тысяч лет религия была объединяющим фактором, который спас еврейский народ в изгнании от полной ассимиляции и исчезновения. Религия и тесно связанные с ней еврейские традиции помогли народу выжить и дождаться часа восстановления Израиля.

С этой моральной стороной вопроса должны были считаться даже такие анти-религиозные люди, как Бен Гурион.* Но были и другие причины политического и даже финансового характера.

С момента создания еврейского государства им правит коалиция социалистического «Мапая» и мелких ортодоксальных партий. Всякая попытка отделения синагоги от государства вызовет немедленный распад коалиции и политический кризис, который может оказаться для Израиля гибельным.

Как это ни странно, решительную роль защитников ортодоксальности играют далеко не ортодоксальные американские евреи. Весьма критически настроенные израэли мне говорили:

---

* Бен Гурион считается в Израиле одним из больших знатоков Библии. Изучает он ее постоянно, с точки зрения философа и историка. Но любовь к Библии у Бен Гуриона не следует принимать за проявление религиозности.

— У себя дома, в Америке, они едят свинину и лобстеров. Но приезжая в «Эрец Исроэль», американцы жаждут «духовного обновления»: кухня должна быть строго кошерной! На религиозные школы, ешивы и талмудторы они готовы дать сколько угодно денег, и синагоги охотно строят, — в Израиле 4.500 синагог!

В очень талантливо написанной книге французского писателя Жоржа Фридмана «Конец еврейского народа?» я нашел такую жестокую характеристику: «Не без основания об американских евреях можно сказать, что чем меньше они молятся, тем больше строят синагог, и чем меньше соблюдают правила кошерной кухни, тем больше появляется кошерных продуктов на полках супермаркетов». Нужно ли после этого удивляться опасениям, что в случае разделения религии и государства часть крупных американских филантропов прекратит финансовую помощь Израилю? В результате создавшегося положения «диктатура раввината» продолжается и некоторые стороны израильской семейной жизни до сих пор регулируются по законам, установленным во времена пророков и царей.

Между прочим, член Верховного Суда Моше Ландау объяснял мне, что в Израиле нет конституции и ее не будет до тех пор, пока вопрос об отделении религии от государства не будет разрешен, ибо никакая конституция при нынешнем положении вещей немыслима. Израиль живет на основании своих законов.

— Впрочем, — добавил судья, — мы не одни. В Англии, как вы знаете, тоже нет писаной конституции.

**
*

Мне представляется, что по настоящему верующий человек, попавший в Израиль, должен испытывать некоторое чувство душевного беспокойства и недоумения. Куда идет Израиль? Будет ли это, действительно, еврейское государство или, как предполагают многие, Израиль создает новых людей — израэли, — которые имеют мало общего с традиционным еврейством?

Приблизительно треть всего населения — сабры, т.е. люди, родившиеся уже в Израиле. Они не знали жизни в гетто, не сталкивались с антисемитизмом и не особенно хорошо понимают психологию евреев в «диаспоре», т.е. вне Израиля. Для молодых израэли, родившихся уже после второй мировой войны, многое неясно в трагедии еврейского народа. Гитлер так же далек от них, как, скажем, император Нерон. Это — история, это было до них. Молодые сабры, прошедшие через армию и воспитанные в обстановке постоянной военной готовности не могут понять: каким образом европейское еврейство дало Гитлеру истребить себя, не попытавшись оказать ему сопротивления? Восстание в варшавском гетто только укрепляет их убеждение, что была возможность сопротивления, и возможность эту не использовали. Шесть миллионов людей дали себя уничтожить.

Временами создается впечатление, что израильская молодежь вообще не ощущает моральной и расовой связи с евреями, предпочитающими жить «в изгнании», и считает их молчаливый отказ от иммиграции в Израиль своего рода изменой. Министр народного про-

свещения Аранн говорил мне в Иерусалиме, что в низших и средних школах теперь начали усиленно подчеркивать «еврейское самосознание», духовную связь и зависимость между всеми евреями. Премьер Леви Эшкол, обращаясь к участникам международного съезда еврейской молодежи, советовал всем проникнуться чувством общности духовных интересов, а особенно сабрам выработать у себя «еврейское самосознание», чувство принадлежности ко всему еврейскому народу, а не только к Израилю. Нет никакого сомнения, что израильская молодежь предпочитает вычеркнуть две тысячи лет истории и чувствует себя духовно ближе к Бар Кохбе, нежели к великим еврейским мыслителям, писателям и ученым, вышедшим из европейских гетто.

Очень трудно выделить «типичные» черты еврейского характера, но меньше всего их можно найти у израильской молодежи, ни во что особенно не верящей, но крепко привязанной к своей родине, готовой за нее умереть, если это понадобится и, во всяком случае, продать свою жизнь дорогой ценой. Это поколение не очень приветливых людей, скорее даже грубоватых, нетерпеливых, принимающих быстрые решения и ненавидящих всякую фразеологию, идеологические споры, «диалоги», душевные сомнения. Социолог, внимательно изучавший психологию сабр, пришел к заключению, что «они потеряли не только недостатки своих отцов, но и их качества».

Этим новым людям придется строить Израиль и обеспечить его будущее.

* * *

Какая судьба ждет Израиль — предсказать трудно. На наших глазах происходит процесс эволюции. Из сельскохозяйственной страны Израиль быстро превращается в страну индустриальную, построенную на самых новейших достижениях современной науки и техники. Чтобы выжить на крошечной территории, со всех сторон окруженной неумолимым врагом, который мечтает стереть еврейское государство с лица земли, Израилю нужно, прежде всего, удвоить свое население и продолжать развиваться технически, быть впереди арабов не только в области научных достижений, но, к сожалению, и в области вооружения.

В Израиле есть место для пятимиллионного населения. Весь вопрос заключается только в том, откуда взять недостающие миллионы людей? При отличной постановке народного образования в Израиле будет достаточно ученых, квалифицированных специалистов, первоклассных работников. Постепенная ассимиляция восточных иммигрантов подготовит нужные резервы для земледелия, индустрии и армии. Но без помощи со стороны ни при каких обстоятельствах Израиль не сможет обеспечить все свои нормальные и быстро растущие нужды и чрезвычайные расходы по содержанию армии, которая внушила бы страх и уважение пятидесяти миллионам арабов. В настоящее время бюджет Израиля сводится с ежегодным дефицитом в 350 миллионов долларов, — и это при очень скромной оплате труда, мизерном жалованьи государственных служащих и высоких налогах. С окончанием герман-

ских репараций положение станет еще более трудным. Бюджетный дефицит пока покрывается иностранными займами, щедрыми пожертвованиями, притоком иностранных капиталов в израильские предприятия.

Здесь найдет себе место еврейство «диаспоры», — то самое ассимилирующееся еврейство, которое так сурово критикует израэли, и которое всегда готово поддержать Израиль.

2½ или даже 5 миллионов израэли всегда будут нуждаться в помощи и поддержке 13 миллионов евреев, живущих в других странах. Между прочим, у некоторых еврейских историков существует любопытная теория абсолютной необходимости «диаспоры» не только как человеческого и финансового резервуара, но и как обязательного условия сохранения и дальнейшего развития еврейской культуры. Если бы евреи не были изгнаны из Палестины две тысячи лет тому назад, утверждает Макс Даймонт, автор блестящей книги «Евреи, Бог и История», они играли бы сегодня в истории человечества ничтожную роль. В параллельном существовании Израиль и «диаспора» взаимно друг друга дополняют. Израиль является своего рода крепостью иудаизма, убежищем, символом еврейского национализма; «диаспора» будет играть роль лаборатории, в которой устанавливается контакт с другими культурами, кристаллизуются идеи, сохраняются традиции и живая душа еврейского народа. «Диаспора» неразрывно связана со всей историей еврейского народа. Это один из основных элементов его существования.

Если предположить, что Израиль и «диаспора» бу-

дут идти общей дорогой, я глубоко убежден, что израэли смогут разрешить стоящие перед ними и непрерывно возникающие новые проблемы. Крепкий это народ — духовно и физически, доказавший за первые два десятилетия существования государства свои исключительные созидательные качества.

Израилем можно восхищаться, его можно критиковать. Это не рай и не ад. В нем живут и святые, и грешники. Он будет таким, каким сделают его израэли.

Никто не обладает даром предвидения. Израиль стоит на опасном перекрестке исторических дорог. Слишком много у него врагов. Но люди, вернувшиеся после двух тысяч лет в Землю Обетованную, многому научились. Они верят в будущее своего государства и помнят благословение Моисея, человека Божия.

В Пятой книге Моисеевой сказано:

— Блажен ты, Израиль! Кто подобен тебе, народ хранимый Господом, Который есть щит охраняющий тебя и меч славы твоей? Враги твои раболепствуют тебе, и ты попираешь выи их.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Printed by WALDON PRESS, INC.
150 Lafayette Street, New York, N. Y. 10013

Цена $4.50

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
NOVOYE RUSSKOYE SLOVO
243 WEST 56 STREET
NEW YORK CITY 10019